

В.В. Генрихс
(Willi Heinrichs)

С надеждой в Крым.
С долготерпением в Сибирь.
А что в будущем ...?

ББК 76.11

С 95

"Вера - это живая, непоколебимая уверенность в Божьей благодати и в Божьем благоволении, такая уверенность, что в надежде на нее ты тысячу раз готов подвергнуться риску смерти". (Мартин Лютер, 1522 г.)

*Эту книгу я посвящаю своей матери Фриде Александровне Гальвас (1921-1986),
а также многим другим родственникам из рода Гальвасов, которые жили
в трудные времена первой половины XX века.*

Генрикс В.В.

С 95 С надеждой в Крым. С долготерпением в Сибирь. А что в будущем...? –
Вып. I (доп. и перераб.) / Сост. В. Генрикс. – Киров, ООО «Лобань»,
переиздание 2016 г. – 490 стр.: ил.

ISBN 5-98704-601

© Генрикс В.В., 2016

Предисловие.

Когда наши прапрадеды ехали или шли жить из Германии и из Швейцарии на Крымский полуостров, то они имели надежду на лучшее.

Я говорю о Германии и Швейцарии, потому что на сегодня известно, что род Гальвасов заехал из Германии, а род моей бабушки Оттилии Генриховны Дубс (1895-1924 г.) по материнской линии был выходцами из Швейцарии, село Бонштеттен.

Основное заселение Крыма немцами началось, как известно, с 1804 года. Однако уже и до этого года немцы жили в Крыму, и среди них было немало выдающихся людей.

17 сентября 2005 года в Крыму праздновали 200-летие образования колонии Цюрихталь.

Этот вопрос хочется осветить немного подробнее, так как в деревне Цюрихталь родились все прадеды по линии Гальвасов.

К 200-летию образования колонии Цюрихталь

журнал Фокус писал следующее:

"Ещё со времен Петра Великого (время правления 1689-1725 г.) многочисленные швейцарцы оставили в России свой след: как инженеры, торговцы или ученые, как учителя, священники или офицеры, как сыровары, кондитеры или часовые мастера. Многие из них сделали значительную карьеру. В Россию переселялись целые группы обедневших швейцарцев, для того чтобы избежать бедности на родине и начать новую жизнь в качестве крестьян в царской империи.

Так возникли швейцарские колонии: Цюрихталь в Крыму (колония основана в 1805 г.) и Шабо в Бессарабии к юго-западу от Одессы, на берегу Черного моря (основана в 1821/22г.).

В то время, как в колонии Шабо поселились в основном франкоязычные виноделы из кантона Ваадт, 50 же семей, основавших Цюрихталь, происходили исключительно из немецкой Швейцарии, в основном из кантона Цюрих.

Вскоре осели в Цюрихтале и колонисты из южно-немецких княжеств Германии.

С конца второй мировой войны, село Цюрихталь носит русское название Золотое Поле. Сегодня там можно найти не так много следов швейцарских колонистов. Самым приметным напоминанием о временах Цюрихталя остается построенная в 1860 году кирха (церковь), стоящая на возвышении при въезде в деревню. В начале 90-х годов XX века здание было отреставрировано и сегодня служит православной церковью.

Трудный путь и тяжелое начало жизни в Крыму.

На переселение из Швейцарии в Крым по приглашению Александра I отважились, прежде всего, обедневшие швейцарцы - ткачи, прядильщики шелка и хлопка, но также немало других ремесленников и крестьян. Они пострадали от экономического кризиса, вызванного упадком швейцарского ручного прядения, вследствие развития машинного прядения в Англии, или боялись, что будут вынуждены воевать за французскую армию, в то время владевшей всей Европой.

155 из 240 добровольных переселенцев, основавших колонию Цюрихталь, происходили из кантона Цюрих, прежде всего из района Аффольтерн в Альбисе, Бонштеттен, Хаузен, Хирцель, Меттменштеттен, Зеебах и Валлизеллен.

Трудный путь швейцарцев в направлении Российской Империи начался поздней осенью 1803 года в Констанце на Боденском озере под руководством главного вербовщика Ханса Каспара Эшера. Эшер, в прошлом крупный торговец из Цюриха, после банкротства своей фирмы переехал в 1789 г. в царскую Россию, где вступил на воинскую службу и стал майором Московского драгунского полка.

Путь на кораблях и запряженных лошадьми повозках пролегал через Регенсбург, Вену, Прессбург (Братиславу), Татры и Львов в Крым. В пути многие переселенцы потеряли решимость и вернулись назад. Группа из кантона Люцерн осталась в Вене, где они нашли работу. Около 30-40 человек, в основном дети, умерли в пути от оспы, но в то же время группа дополнялась

некоторыми немцами, желающими тоже переселиться.

Летом 1804 года эмигранты в количестве 228 человек прибыли в Крым. Об этом свидетельствует документ из Государственного архива Автономной Республики Крым. Документ, датированный декабрём 1916 года, представляет собой русский перевод с французского оригинала 1804 года, который содержал список прибывших в Крым переселенцев под руководством майора Эшера, и был подписан самим Эшером.

Согласно этому документу, в группе швейцарских переселенцев помимо 136 женщин, мужчин и детей из кантона Цюрих, находились также выходцы из кантонов Ааргау, Берн, Фрейбург, Гларус, Граубюнден, Люцерн, Нойенбург, Сологурн, Санкт-Гален и Ваадт.

Вначале поселенцы оказались в тяжелых условиях посреди открытой степи, до тех пор, пока на Пасху 1805 года смогли переселиться в населенную крымскими татарами деревню Джелая, которую в память о своей родине называли Цюрихталь.

Жизнь колонистов поначалу осложнялась многими трудностями. Прежде всего, у ткачей и прядильщиков мало было опыта в ведении сельского хозяйства, а крестьянам нужно было сначала освоиться с новыми почвами и климатическими условиями. С другой стороны, деревню постигли болезни, налеты саранчи и неурожай. В первые годы смерть уносила поселенцев дюжинами. По этой причине в 1810 г. 25 семей, в основном католики, переселились в деревню Цюрихталь из степных районов северо-западного Крыма. Особенно тяжело пришлось Цюрихталю весной 1812 г. жертвами лихорадки пали 40 взрослых швейцарцев.

Но постепенно ситуация изменилась к лучшему. Выращивание пшеницы, скотоводство (прежде всего овцеводство), а позднее также садоводство и виноградарство принесли успех, на ручье была построена мельница, поселение росло, покупалась дополнительно земля, и в 1848 г. насчитывалось уже 74 двора, каждый из которых имел около 44 га земли. Деревня Цюрихталь процветала, как все остальные деревни колонистов, освобожденные от воинской повинности и участия в Крымской войне (1853-1856), потому что можно было продавать продовольствие русской армии и на прибыль от этого приобретать еще больше земли. Потомки бедных переселенцев, будучи поначалу бедными как церковные мыши, стали зажиточными крестьянами, а некоторые даже крупными землевладельцами. Вскоре Цюрихталь уже считался самой богатой и предпочтительной, из ставших многочисленными немецких колоний в Крыму.

1822 г. Швейцарский пастор прибывает в Цюрихталь.

Не только экономическое благосостояние возрастало, но также заметно развивается и церковная жизнь. В первые годы своего существования Цюрихталь получал крайне мало духовного света. Лишь раз в год в Цюрихталь приезжал Карл Биллер, из деревни Йозефтал удаленной на сотни километров от Цюрихталя. Он прибыл в качестве второго пастора на юг России, и в первые годы своего служения был единственным евангелическим священником в этом огромном регионе. Служба проводилась в цехах вплоть до 1822 года, а уже в этом году цюрихталцы построили первую простую церковь.

За то, что в 1822 г. в Цюрихтале наконец-то поселился пастор Генрих Дитрих из Шверценбаха, кантон Цюрих, швейцарская колония должна была быть благодарна Базельскому миссионерскому обществу. По инициативе доктора Пинкертона, представителя местного британского и иностранного библейского общества в Санкт-Петербурге, основанного в 1815 г. Базельское миссионерское общество решило сделать Южную Россию одним из важных пунктов своей работы. При этом речь шла не только о духовной заботе в немецких колониях, но также и о миссионерстве среди живущих в регионе мусульман, прежде всего татар.

После путешествия по Южной России доктор Пинкертон написал в Базель: "Они взывают к Вам о помощи. Вы могли бы послать двух или трех благочестивых молодых людей, которые разыщут и соберут этих заблудших овец. Если бы вы могли, так или иначе, найти средства для этого предприятия, то как много добра было бы сделано! И право - их души не менее ценны, чем души язычников. Немцы, за которых я прошу, окружены, в основном, язычниками и мусульманами, так что Ваши миссионеры могли бы служить и у них".

Прежде чем Базельское миссионерское общество начало свою деятельность в Южной России, оно должно было получить на это разрешение у российского правительства. Его добыла делегация 1821 года лично у князя Голицына и царя Александра I, в Санкт-Петербурге.

По поводу миссионерства среди мусульман российское правительство оставило за собой

право самостоятельно решать вопрос каждого отдельного перехода в евангелическую церковь. С этим обязательством Голицын пошел навстречу русской православной церкви, которая с недоверием рассматривала симпатии царского дома к евангелической церкви и считала миссионерство среди мусульман своей задачей. В любом случае, усилия по получению разрешения на миссионерство среди мусульман оказались в итоге напрасными. Ни один из общинных священников Базельской миссии не обратил в христианство ни одного мусульманина - слишком велика, очевидно, была нагрузка в деревнях колонистов, слишком трудным подход к тем, кто должен бы быть обращен. 28 октября 1835 г. царь Николай I лишил Базель права миссионерской деятельности в России.

Поначалу руководство Базельского миссионерского общества решило прислать в Крым двух швейцарских священников: Генриха Дитриха из Шверценбаха, кантон Цюрих для Цюрихтальской епархии и Дурса Бёрлина из Будендорфа, в то время кантон Базель, для епархии в колонии Нойзатц. После этого оба базельских миссионера 16 мая 1822 г. в городе Москва были посвящены в сан, и летом 1822 г. они отправились в места своего служения.

Как известно по различным сведениям из колоний, оба священника успешно справлялись со своей богослужбной и пастырской работой. Как это было принято в немецких колониях, пасторы посвящали себя не только духовным задачам, но и отвечали за школьное образование. Вообще они были очень уважаемыми авторитетными людьми в колониях. Так пастор Эмиль Кюбер писал о своем предшественнике, Генрихе Дитрихе: "Заметно окрепло мужество поселенцев, когда в 1822 году из Швейцарии прибыл первый священник Генрих Дитрих. Быстро распространился другой, лучший порядок. К маленькому зданию церкви, построенному незадолго до его приезда, добавились симпатичный пасторский дом и здание школы. Для богослужений использовались и две небольших часовни, созданные филиалами общины. Дитрих увлекал за собой положительным примером и строго порицал закрывшиеся злоупотребления. Он особенно заслуживает уважения за его избрание школьным наставником, за образование и введение лучшего пения".

Импозантное здание церкви и резиденция старшего пастора.

В сентябре 1827 года в возрасте 33 лет Генрих Дитрих умер. А за полтора года до этого в результате несчастного случая ушел из жизни Дурс Бёрлин. Базельское миссионерское общество довольно быстро нашло замену на должность пастора из своих воспитанников. В Нойзатц они прислали уроженца Саксонии Фридриха Вильгельма Флетницера, который до этого несколько лет служил дьяконом в Одессе.

В Цюрихталь прибыл Кристиан Фридрих Кюлиус, родом из баденского Лара. Но уже в 1831 году он переехал в Нойзатц.

Преемником пастора Кюлиуса стал, в конце концов, уроженец Риги Эмиль Кюбер, который занимал должность пастора Цюрихталя с 1831 по 1858 год.

Так в Крыму впервые во времена царской России появился священник пастор Кюбер, получивший высшее образование в университете Дорпата. В 1860 в центре поселения - на маленьком холме между верхней и нижней частью села - было построено красивое здание церкви. Цюрихталь стал, наконец, резиденцией старшего пастора. К концу 19 века епархия охватывала 36 крестьянских колоний и к этому еще города Старый Крым, Феодосия и Керчь. Состоялось объединение конфессий.

Католики уезжали, чтобы основать поселение в степи, а протестанты, к которым относилось большинство швейцарских колонистов, объединились со швабскими лютеранами. Из прибывших в 1804 году под руководством майора Эшера в Крым иммигрантов, основавших Цюрихталь, 13 были католиками, остальные – протестантами.

В основанном в 1822 году пастором Генрихом Дитрихом церковном округе Цюрихталь служили следующие пасторы:

1822-1827: Генрих Дитрих, родился в 1794 г. в городе Шварценбах, умер в 1827 г. в Судак, Крым.

1828-1831: Кристиан Фридрих Кюлиус, родился в городе Лар, Баден, умер в 1855 в с. Нойзатц, Крым.

1831-1858: Эмиль Кюбер, родился в 1804 г. в городе Рига, умер в 1873 в городе Николаеве на северо-востоке от Одессы.

1858-1859: Николай Александр Добберт, родился в городе Рига, умер в 1902 (или позднее) в Царском Селе, около города Санкт-Петербурга.

1859-1870: Фридрих Август Тидеман, родился в Германии (годы рождения, смерти и место неизвестны).

1870-1889: Карл Вильгельм Зегнитц, родился в 1837 в городе Реваль, умер в 1894 в г. Бад-Канштат, Вюртемберг.

1890-1901: Генрих Лотцки, родился в 1859 г. в городе Клауснитц, Саксония, умер в 1930 г. в городе Людвигсхаузен на Бодензее.

1901-1907: Бернгард Гроундштрём, родился в 1875 в городе Ингерманланд (год смерти и место неизвестны).

1908-1924: Эмиль Холодецкий, родился в 1874 (место рождения неизвестно), расстрелян в августе 1924 в городе Симферополь, Крым в качестве адъютанта (помощника).

1925-1927: Альберт Майер, родился в 1892 в селе Тотанай, Крым (год смерти и место неизвестны).

1927-1933: Иоганн Зейдлиц, родился в 1889 в Колонии Шаф-хаузен на Волге, в 1934 арестован, умер в 1937 в городе Феодосии, Крым.

Швабско-швейцарский смешанный диалект.

1860 год - в тот же год, когда была освящена новая цюрихтальская церковь, потомки колонистов основали в степи, в семи километрах к северу от Цюрихталя, деревню Новый Цюрихталь, одну из многочисленных дочерних колоний, которые возникли как следствие экономического процветания и роста населения. К концу первой мировой войны во всем Крыму насчитывалось 314 немецкоязычных поселений. В 1918 в Цюрихтале жили 590 человек, в 1926 их было 738.

Многие из них, разумеется, уже не были прямыми потомками швейцарцев, с течением времени в Цюрихтале осело немало немецких поселенцев швабов. Из Швейцарии мало кто последовал за основателями деревни. К тому же Цюрихталь был окружен деревнями колонистов из Бадена: Вюртемберга и Пфальца, а границы деревень для любви - не помеха. Это обстоятельство повлияло на язык. В Цюрихтале образовался смешанный швабско-швейцарско-немецкий диалект, в котором с течением времени все больше доминировали южно-немецкие элементы. К тому же дети второго и третьего поколений учили одновременно и русский, и крымско-татарский. В качестве родного языка они сохранили, тем не менее, свой немецкий диалект, а для школьных занятий употребляли литературный немецкий язык.

Одновременно с ассимиляцией диалекта постепенно утрачивалось и сознание происхождения. Становилось неважным, прибыли ли предки в Цюрихталь из Швейцарии или из одного из немецких княжеств - большинство вместе с колонистами из окружающих деревень ощущало себя немцами.

Этот факт усиливался благодаря тому, что все жители Цюрихталя были российскими гражданами. Лишь фамилии Люсси, Дубе, Аберле, Фоленвайдер, Губер или Нефф указывали на швейцарских предков. Первая мировая война и большевистская революция оставили в Цюрихтале свои следы.

Во многом швейцарских колонистов, так же, как и немецких поселенцев, не пощадили Законы о ликвидации (экспроприация немецких землевладений) 1915 года.

Временное правительство после революции дало обратную силу этим законам, но в 1929 году большевики фопсировали коллективизацию сельского хозяйства. Многие цюрихтальцы только

Вид села Цюрихталь перед 1 Мировой войной. На переднем плане изображена верхняя часть села – Обердорф (ныне ул. Ленина).
Zürichthals Ansicht vor dem I. Weltkrieg. Im Vorgegrund gibt es Oberdorf (heute – Lenin Str.)

вынужденно принимали в этом участие, другие же вовсе уклонялись. Так из Цюрихталя были выселены и депортированы на Урал некоторые крестьяне, которые не были готовы отдать большую часть своего добра. В начале 30-х годов кирха была закрыта и превращена в Дом культуры, колокольня взорвана.

Конец Цюрихталя.

Вторая мировая война означала окончательный конец Цюрихталя. Сталинское предписание депортировать всех немцев, как врагов народа, коснулось в 1941 году и основанной швейцарцами деревни. У цюрихталцев был всего один день, чтобы упаковать самое необходимое, прежде чем 18 августа они были высланы в долгий, трудный, для многих смертельный, путь в Казахстан. В областях депортации они, как и все немцы, были распределены как рабочая сила по колхозам и совхозам или должны были вкалывать в трудовых лагерях так называемой трудармии, где их следы часто терялись.

В Цюрихтале между тем русские и крымские татары вселились в пустые дома. Войска Гитлера нашли после вступления в Крым еще 96 человек, говоривших по-немецки. После окончания войны Цюрихталь, как и другие немецкие деревни, был переименован, и с тех пор называется Золотое Поле.

В 2003 году в деревне насчитывалось около 3500 жителей.

В статье использованы материалы Крымского этнографического музея".

Норберт Рюче.

Как происходило заселение Крыма, об этом также хорошо пишет господин Ренпенинг В. в статье:

Крымские немцы: история, культура, проблемы.

"Предупреждая исторический экскурс в те годы, когда в Крыму начали формироваться наряду с другими немецкие сельские колонии, я хотел бы обратить ваше внимание на одну особенность. Мы знаем, что многие немцы, приехав в Россию, как специалисты в той или иной области знаний, оставались в ней навсегда, обретали новую родину.

Эти люди отдали весь свой талант, энергию становлению областей науки, производства, внесли величайший вклад в общую культуру россиян.

В связи с этим нельзя не назвать хотя бы наиболее известных личностей, в числе которых:

писатель	Денис Фонвизин,
декабристы	Вильгельм Кюхельбекер и Павел Пестель,
мореплаватели	Иоганн Крузенштерн, Федор Литке, Фаддей Беллинсгаузен,
художник	Карл Брюллов,
академик	Отто Шмидт,
пианисты	Генрих Нейгауз и Святослав Рихтер.

С историей Крыма связана биография руководителя восстания на крейсере "Очаков" Петра Шмитта.

Но больше всего повезло Крыму на немцев-ученых.

В этой яркой плеяде естествоиспытатель и путешественник Петер-Симон Паллас, исследователь истории Крыма Петр Иванович Кеппен, геологи: академик А. Е. Ферсман, К. К. Фохт, Э. А. Штебер, А. А. Штунненберг.

Такими людьми может гордиться любая нация.

Но те люди, которые в начале девятнадцатого века основали в Крыму немецкие колонии, известностью не блистали. Потом уже из их среды выросло немало известных людей, что, естественно, происходит в среде каждого народа, не утратившего своего интеллектуального потенциала.

Первые большие переселения немцев в Россию связаны со второй половиной XVIII века.

Царское правительство безоговорочно открыло путь к пустующим землям империи. Однако вскоре был предпринят иной подход к этой акции.

Было решено приглашать лишь те семейства, которые уже зарекомендовали себя прилежанием. Именно такие немцы, **начиная с 1802 года**, начали прибывать в Крым.

В формировании поселений играла роль религиозная принадлежность.

Среди прибывших был большой процент меннонитов, лютеран, меньше католиков. Как видим, преобладал протестантизм. Это в какой-то мере влияло на обособленность колоний.

Прибывшие из Вюртемберга, Бадена, Цюрихского кантона Швейцарии основали колонию в

Судаке, а также в Отузах (ныне Щебетовка Феодосийского горсовета).

Выходцы из Эльзац-Лотарингии сформировали Цюрихтальскую волость в 16 км от Феодосии.

К юго-востоку от станции Джанкой хорошие земли в Эйгенфельдской волости были отведены для меннонитов.

Нейзацкая волость была сформирована в Симферопольском уезде.

Таким образом, до 1805 года уже сформировалось население многих колоний, давших начало будущим большим поселкам.

В их числе **Цюрихталь** (ныне - Золотое Поле Кировского района) и **Гейльбрун** (Приветное) - в Феодосийском уезде;

Фриденталь, Нейзац, Розенталь (Курортное, Красногорское, Ароматное Белогорского р-на); Кроненталь (Кольчугино, Симферопольского р-на); Герценберг (Пионерское, Феодосийского горсовета).

Колонисты наделялись землей и имели довольно большие льготы:

гражданские свободы,

свободу вероисповедания,

освобождение от рекрутской повинности и обязанности принимать войска на постой,

от уплаты податей и налогов на 10 лет;

имели право торговать, заводить фабрики с припиской к ним крепостных людей,

получали по 60-65 десятин земли на семью.

Кроме того, можно было приобретать дополнительно землю. Это привело к тому, что часть колонистов были безземельными, а другие приобрели огромные наделы.

Особый общинный порядок был в среде **менонитов** - последователей протес-тантской идеологии анабаптизма Менно Симонса. Они не признавали церкви, имели молитвенные дома и придерживались трех основных правил:

а) при браке - общность имущества, б) при наследстве - равенство между всеми членами семьи без учета пола, в) отказ от воинской повинности.

После окончания Крымской войны многие татары эмигрировали в Турцию, и опустевшие земли можно было приобрести. Кроме того, в 60-е годы начался второй приток немецкого населения в Крым, и количество немцев к концу XIX века возросло до 30 тысяч.

Каждый поселок сразу обустроивался.

Кроме церкви или молитвенного дома создавались школы. На них выделялись средства общины, а частью из казны. Школы имели религиозно-церковный характер, срок обучения был от 5 до 8 лет. Особенно был высок процент учащихся в Эйгенфельдской волости Перекопского уезда, в колониях Краниентальской, Нейзацкой, Цюрихтальской. В 1877 году открылось Нейзацкое училище по подготовке учителей для национальных школ.

Когда в 1874-75 гг. была для всех введена воинская повинность, меннониты в своем большинстве вынуждены были покинуть нажитые места и частью переехать в Америку. Однако позже наблюдается процесс возвращения многих в Крым.

В период Крымской кампании 1853-56 гг. немцы-колонисты не только участвовали в создании госпиталей и уходе за ранеными, но и подготовили к отправкам для русской армии 2.000 подвод с продовольствием".

Итак, как мы видим, надежды многих исполнились, но не навсегда. Такое относительное благополучие продолжалось до первой мировой войны. Впереди предстояло им испытать огромное терпение, и иметь надежду на будущее. С началом первой мировой войны многое изменилось в жизни людей Крымского полуострова, а также проживающих там немцев.

Господин Ренпенинг В. дальше пишет:

"**Первая мировая война** поставила крымских немцев в трудное положение. В правительстве России звучали голоса ущемления их прав.

3 февраля 1915 года был опубликован закон о землевладении и землепользовании в государстве Российском, по которому иностранные выходцы немецкого происхождения, либо их потомки, в течение 2-х лет должны были продать свое недвижимое имущество. Правда, это условие не распространилось на лиц православного вероисповедания и имевших особые заслуги перед Российским государством.

До 1 февраля 1917 года в Таврической губернии было продано 156 имений (63.082 десятины).

Как считает ряд исследователей, оценивающих значение немецких колоний в России, назначение их не сводилось лишь к заселению пустующих земель. Царское правительство втайне надеялось привить культуру земледелия, которая была присуща сельскохозяйственной деятельности колонистов, другим крестьянским и помещичьим хозяйствам. Такая возможность, естественно, появилась только после отмены крепостного права. Но тогда слишком контрастны были условия и форма землепользования, когда земля закреплялась за хозяином, а хозяин - за землей.

Высокий духовный уровень культуры колонистов проявлялся не только в их деятельности, но и в общем поведении.

Так, за 10 лет (с 1831 по 1841 гг.) среди немецких и болгарских колонистов было совершено лишь 25 преступлений и нарушений порядка.

Достаточно их перечислить:

ÿ неповиновение и дерзость против начальства - 4

ÿ ослушание детей родителей - 2

ÿ противозаконное удовлетворение страстей - 8

ÿ воровство и мошенничество - 4

ÿ завладение и истребление чужой собственности - 7.

Несмотря на экономические трудности, прожиточный уровень был высок. Большинство немцев относилось к населению сельской местности. В 1917 году они составляли 1,4% городского и 3,6 % сельского населения Крыма.

Годы гражданской войны произвели раскол в политической жизни. Часть немцев не только восприняли революцию, но и приняли участие в боевых действиях на стороне Красной Армии. В основном же население придерживалось нейтралитета. Это позволило сохранить ареал проживания и уровень сельскохозяйственного производства. В период гражданской войны продолжали работать школы.

Сразу же после установления советской власти на полуострове, правительство Крыма расследовало национальные нужды населения с учетом традиционных этнополитических особенностей Крыма. В числе национальных секций при обкоме партии была и немецкая секция. Если первый опыт выпуска газеты в 1920 году был не очень удачен - начала выходить "Ди роте фане" ("Красное знамя"), то в апреле 1921 года у немецкой секции был постоянный печатный орган "Молот и плуг" - 1.000 экз. в неделю.

Очень высока была политическая активность населения, полного надежд на новую светлую жизнь. Только в 1921 году с участием немцев было проведено 300 митингов. Заработали библиотеки, школы по ликвидации безграмотности. Немецких библиотек насчитывалось 80, школ ликбеза - 10. В 1921 году немцы составляли 5,88 % к населению Крыма.

Тяжелый удар нанес голод 1921-22 годов. Его последствия сказались не только на количественном составе населения, но и на упадке культуры. Многие библиотеки и школы были закрыты. И лишь с введением НЭПа жизнь начала восстанавливаться.

В 1921 году в Крыму проживало **423.500** жителей, из них немцы составляли **39.121**. Более всего из городов их проживало в Симферополе - **13.390**.

Крымские немцы входили в число пяти самых многочисленных этнических групп - русские, украинцы, татары, немцы и евреи составляли около 90% населения полуострова.

Основная масса немцев ориентировалась на сельскохозяйственные виды труда, поэтому в городах их проживало лишь 7,6%. Более 90% немцев в 20-е - 30-е годы проживало в 4-х районах: Симферопольском, Джанкойском, Евпаторийском, Феодосийском; 3/4 населения было грамотным.

В результате миграции 1923-26 гг. немного возросла численность, хотя в период голода погибла 1/5 населения. На селе была самая низкая безработица. Интеллигенция составляла 3% от всех немцев. Но высок ее процент был на селе - 10,9%, что объясняется не только количеством школ, но традиционно хорошим уровнем земледелия. Большинство интеллигенции - это учителя. Только в 1921 году их было 400 человек.

В 1926 году в Крыму было **94.285** сельских дворов, в том числе **8.237** немецких. Возникло большое количество национальных сельсоветов, а позже целых районов.

Так, до 1925 года было **26** немецких сельсоветов, затем их стало **29**, а к 1930 г. - **37**. Выделились и два немецких района: Биюк-Онларский и Тельманский.

Наличие в определенной степени самоуправления помогло сохранять традиционный уровень культуры в национальных районах.

Правда, к 30-м годам определенные сложности возникли у меннонитов, традиции которых вступили в противоречие с законодательством Советов. Это уже привело к попытке эмиграции.

Только из семи сельсоветов Симферопольского района выехало 123 хозяина, в их числе 29 бедняков, 46 середняков и 38 зажиточных крестьян. Из 13 сельсоветов Джанкойского района свои дома оставили 196 семей или 713 человек.

Одной из причин, как установили проверки, было "обращение недостаточного внимания на культурное обслуживание", подготовку кадров из среды меннонитов, были допущены ошибки и репрессии при проведении коллективизации. Это послужило толчком для проведения ряда мер, направленных к недопущению эмиграции.

14 августа 1930 года ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление об обязательном начальном обучении. Это позволило и немцам еще выше поднять уровень образования. Однако, в основном, обучение шло в школах I и II ступени. Получить более высокое образование было сложно.

В 1930 году в Крыму проживало 46 тыс. немцев, из них 4,5 тысячи в городе. В 5-7 классах обучалось около 1,5 тыс. детей, а в 8-10-х только 26. В 1929-30 гг. Крымгосиздат выпустил всего 4 книги на немецком языке.

К 1939 году немецкое население составляло более 50 тысяч человек. В ВУЗах обучалось (1935 год): в Сельхозинституте - 7, Высшей коммунальной сельскохозяйственной школе - 13, в Крымпединституте - 15, учительском институте - 1, медицинском институте - 23 немца.

Это говорит о том, что интеллигентал народа еще не находил своего яркого применения. Сказывалась и политика в области коренизации и перевод части делопроизводства на крымско-татарский язык.

30-е годы стали годами сталинских репрессий, от которых пострадали представители всех национальностей.

Сказывалась и международная обстановка. Все это привело к закрытию национальных школ, прежде всего немецкого профиля, прекратилось преподавание на родном языке. Эту трагедию переживали и представители других национальностей. Считанные годы отделяли немцев Крыма от трагедии 1941 года.

В предвоенный период фашистская разведка пыталась проводить вербовочную работу среди проживающих в различных районах страны граждан немецкого происхождения. Эта работа не принесла желаемого успеха. Однако, в условиях шпиономании и насаждаемой сталинским режимом взаимной подозрительности, к сожалению, изменилось и отношение к немецкому населению страны в целом.

По этой причине в 1938 году были закрыты немецкие национальные школы, ликвидированы немецкие национальные районы и сельсоветы, значительное число советской немецкой творческой и технической интеллигенции, деятелей науки, военачальников подверглись репрессиям. Все это накануне войны пережили и крымские немцы".

Источник: Брошеван В., Ренпенинг В. Крымские немцы. Краткий исторический очерк. - Симферополь, 1996. ©1999 Таврический Национальный Университет им. Вернадского.

Но вот пришла коллективизация и в Крыму начались новые проблемы. Об этом я предлагаю ознакомиться в статье:

Этнические немцы на Севере.

Т. Сабурова, Архангельск.

"История этнических немцев на Севере неотделима от истории переселенчества и депортации больших масс людей и даже целых народов, столь характерных для советского периода нашей страны.

Начало её уходит в 1929 г., когда первые партии крестьян, так называемых кулаков и подкулачников, были лишены своего имущества, земель, скота, домов и отправлены на поселение в отдаленные и необжитые районы страны.

Приказом ОГПУ 44-21 от 2 февраля 1930 г. к числу таких мест был отнесен и европейский Север.

Только в 1930-1931 гг. сюда было вывезено 55 210 семей (около 230 тыс. человек). В последующие годы были высланы ещё 217 689 человек.

В числе раскулаченных и высланных людей, были и этнические немцы, из:

Республики немцев Поволжья (далее - РНП),
нижней Волги,
с Черноморского и Азовского побережий,
из Крыма,
Одесской области, и т.д..

Выселяли из объявленных на военном положении местностей так называемых "социально-опасных элементов".

По данным областного управления МВД на 1 июля 1947 г. на спецпоселении в Архангельской области находилось 3 638 семей немцев-репатриантов (11 392 человек) 1 600 власовцев (среди них были и немцы) и 1 368 трудармейцев.

Учет немцев-"кулаков" отдельно не велся, они входили в общее число раскулаченных.

При подготовке статьи автором были собраны материалы о группе реабилитированных в 1989 - 1993 гг. советских немцев, всего около 500 человек, по архивным следственным делам, хранящимся в архиве бывшего отдела КГБ области.

Оказалось, что эти материалы достаточно полно отражают процессы, происходившие в среде спецпереселенцев. По ним можно судить об истории этнических немцев, вернее, об определенной части их истории в период проживания в Архангельской области.

Немцы здесь были расселены в 94 специальных поселках и девяти городах и районных поселках. Больше всего их оказалось в Приморском, **Плесецком**, Онежском, Ленском и Котласском районах - раскулаченные, депортированные, трудармейцы, репатриированные.

Только в **Плесецком районе** насчитывалось 26 спецпоселений, в которых проживали немцы:
Ломовое (из Крыма),
Обозерская (из Крыма),
Плесецкая тракторная база (из Крыма, Одессы),
Плесецкий завод 1 (репатрианты из Крыма),
Касское (из Крыма),
Малиновка (из Крыма, Кривого Рога),
Водопад (из Крыма, Черниговской области),
Ижошка (из Крыма, Одессы),
Глубоковский (из Крыма, Вольни),
Волчаница (из Крыма, РНП).

Как правило, жителей одной области расселяли по разным районам и поселкам, разъединяли, растворяя ее в массе спецпереселенцев других национальностей, чтобы не допустить сохранения особенностей языка, быта и культуры.

Самыми многочисленными группами из реабилитированных оказались крымские немцы - 77 человек, поволжские - 134 (почти треть, причем половина из них сидела в лагерях), одесские немцы - 85 человек, днепропетровские - 44 и запорожские - 23 человека. Представителей других областей и регионов страны - от двух до десяти человек.

328 человек из анализируемой группы проживали в спецпоселках, из них расстреляно 68.

Расстрелам подвергались, в основном люди, раскулаченные и депортированные, из числа репатриантов расстрелянных нет.

Раскулаченные работали на лесозаготовках и переработке леса, на иодно-водорослевом заводе, предприятиях местной промышленности, лесорубками, грузчиками, плотниками, чернорабочими. Немало среди них оказалось счетных работников.

Трудармейцы возводили железнодорожный мост через реку в Котгласе и мостозавод. Немцы-репатрианты строили Архбумкомбинат, Онежный гидролизный, Кодинский целлюлозный комбинаты, объекты в Плесецком районе. 151 человек, практически одна треть, на момент ареста находилась в местах лишения свободы.

Из них расстрелян 101 человек, в том числе в 1941 - 1942 гг. - 87. Всего расстреляны были 169 человек, т.е. каждый третий, а в лагерях и того больше - каждые два немца из трех.

Спецпереселенцы не имели никакого имущества, только то, что разрешалось вывезти на себе. Они не имели права отлучаться с места высылки без разрешения органов НКВД, самовольно посещать пункты, где им было запрещено проживание. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривалась как побег и влекла уголовную ответственность: по закону до трех лет лишения свободы, а на деле - вплоть до расстрела.

Главы семей или лица, их заменяющие, обязаны были ежемесячно являться на регистрацию, в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру о всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождении ребенка, смерти члена семьи, побеге и т.п.). Дети спецпоселенцев также находились под административным надзором и ограничивались в правах. За нарушение установленного порядка спецпоселенцы подвергались штрафу до 100 рублей и аресту до пяти суток. Эти и другие ограничения и ущемления, прав в равной мере распространялись на всех спецпоселенцев, в том числе и на немцев.

Именно на долю немцев (и ряда других национальностей) выпали дополнительные ограничения и ужесточения режима.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. устанавливалось, **что переселение их произведено навечно**, без права возврата к прежнему месту жительства. За побег с места поселения следовало наказание в виде 20 лет каторжных работ. С каждого депортированного и репатриированного немца была взята расписка о том, что он ознакомлен с данным указом.

За поведением спецпоселенцев надзирали коменданты, в обязанности которых входило предотвращение побегов и выявление среди немцев уголовно-преступных элементов.

Надзор осуществлялся строго. Беглецы исправно отлавливались, и редко кому удавалось ускользнуть. Немцы в равной мере со всем народом хлебнули лиха по печально известной статье 58-й пункт 10 Уголовного кодекса (УК) за антисоветскую агитацию. Но были и особенности. На втором месте после антисоветской агитации, например, у китайцев и корейцев шли обвинения в шпионаже. Поляки обвинялись в шпионаже и создании шпионско-повстанческих организаций.

Немцев обвиняли якобы за связь с зарубежными фашистскими организациями и помощь им в борьбе против СССР. Во время войны - подготовка вооруженного восстания с целью свержения советской власти (особенно в лагерях), в послевоенное время - измена Родине в годы войны. Также в обвинениях, предъявляемых немцам, непременно присутствовали эпитеты "фашист", "фашистская". Если организация - то только фашистская.

Крымские немцы попали на север, в основном, как раскулаченные в 1929-1930 годах. Их направляли в Приморский и Плесецкий районы. За неимением жилья в Приморском районе они размещались в Пертоминском монастыре, который был в 20-е годы концлагерем. Спецкомендатура размещалась там же.

Значительная часть выселенных из Бьюк-Онларского, Тотокайского, Джанкойского и Феодосийского районов жили в **спецпоселке Кега на острове Жижгин**, здесь же работали на иодно-водорослевом заводе. Обстановка была, прямо сказать, драконовская. За одно слово недовольства следовал арест.

Владимир Губер, 32 лет, счетовод, высказавшийся по поводу условий труда и быта в поселке, в мае 1931 г. осужден на пять лет концлагеря.

Жили семьями, работали семьями, семьями и в тюрьму попадали. Так, трое из четверых братьев Бенц: Давид - 27 лет, Отто - 33 года и Эмиль - 35 лет, счетоводы завода, арестованы в августе 1937 г. за антисоветскую агитацию и отправлены в лагерь на десять лет.

В Плесецком районе выселенные из Сейтлерского сельсовета Феодосийского района, а также

и Франгеровского, Бьюк-Онларского и Фрондерского районов обживали 13 спецпоселков - **Сосновка**, **Малиновка**, **Касское**, **Дубровка**, **Водопад** и др.

Летом 1933 г. в спецпоселке Касское прокатилась волна арестов.

Первым 26 июля взяли учителя, **Вильгельма Ландиса**, 32 лет, а через два дня - еще пятерых: **Фердинанда Дубса**, 40 лет, старосту поселка (Фердинанд Дубс муж Оттилии Георгиевны Гальвас (1893?-1935))* , его брата **Альберта Дубса**, 50 лет, а также Генриха Шварца, 35 лет, Рейнгольда Маргинталлера, 43 лет, и Вольдемара Нефа, 31 года.

Учитель и староста обвинялись в том, что сплотили вокруг себя контрреволюционно настроенных немцев, проводили антисоветскую агитацию. Учитель якобы направлял менонитским общественным деятелям сведения с целью дискредитации советской власти (на самом-то деле обращался с просьбами о помощи голодающим). Остальные обвинены в участии в немецкой националистической группировке и проведении антисоветской агитации. Всех отправили в концлагерь на 3 года. Половина из 18 арестованных в 1935 - 1938 гг. обвинена в оказании помощи международной буржуазии и осуществлении враждебной против СССР деятельности - ст. 58 п. 4 УК.

Например, супруги **Теофиль Рапп**, 43 лет, и **Розалия Рапп**, 25 лет, арестованные 1 января 1935 г., обвинены: она - в связях с немецкой фирмой ФАСТ и получении от нее валютной помощи голодающим и агитацию за получение такой помощи. Муж - за связь с лицами, живущими в Германии, Эстонии, Америке, систематическое получение такой помощи. Оба получили по 5 лет лагерей.

Валютная помощь была небольшой, от четырех до десяти рублей, но все же это была помощь. Условия жизни в стране были тяжелые, карточная система практически никогда не отменялась. Достаточно отметить, что в 1934 г. в Северном крае в структуре товарооборота хлеб составлял 17%, мясо - 0,7%, масло - 1%, вино-водочные изделия - 15,7%.

А каково было спецпоселенцам - без жилья, карточек, имущества, продуктов и одежды? Неудивительно, что они стучались во все адреса, в том числе иностранные. Реакция советского государства на это была однозначной - сажать.

В марте 1933 г. за это расстреляно шестеро. В феврале 1935 г. по 5 лет лагерей получили Вольдемар Фольц, 46 лет, не работавший по инвалидности и имевший на иждивении жену и трех дочерей, **Эдуард Пфейфер**, 49 лет, сельхозработчик с тем же числом иждивенцев, и **Матвей Раппа**, 39 лет, ремонтный рабочий (жена и трое сыновей). **Александр Штоль**, 42 лет, ремонтный рабочий, арестован в апреле 1936 г. за то, что в 1933 - 1935 гг. написал за границу разным лицам до 50 писем, в которых сообщал "провокационные" сведения об СССР, получая в ответ деньги и посылки.

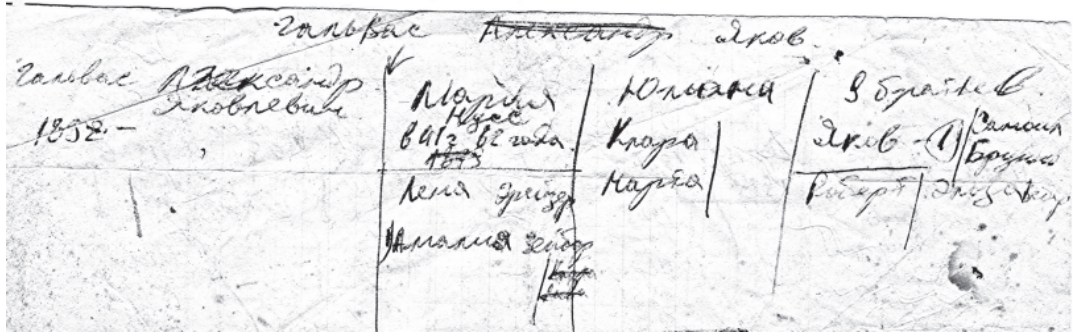
По мнению следствия, сообщая о голоде и тяжелой жизни, люди клеветали на СССР, провоцировали Запад на развязывание клеветнической кампании. В спецпоселке Ломовое **Яков Янцен**, 40 лет, возчик по вывозке леса, женат, пятеро детей, в январе 1933 г. пошумел, возмущаясь трудонормой, и тут же был арестован за агитацию по срыву производственных заданий (5 лет лагерей) ...".

* Смотри Оттилия Георгиевна Гальвас-Дубс (1893?-1935) из рода Якобины Генриховны Гальвас (1867-1917?).

Как мы пришли к тем знаниям о роде Гальвас, которые имеем сегодня?

Так как я вырос, можно сказать, без отца, он умер, когда мне было всего 4 года, то у меня соответственно было больше возможности узнавать о роде матери - Фриды Александровны Гальвас (1921-1986).

Как-то раз, к нам в гости приехал мамин брат Рейнгольд Александрович Гальвас (1924-1995). В разговоре с ним я составил маленькую схемку по материнской линии. И это было всё - что было. Эта схемка пролежала многие годы и попала со мной сюда, в Германию.

И вот, когда мы приехали в Германию 18 августа 2003, то появилась возможность эту схемку расширить и тем самым свою давнюю мечту превратить в реальность.

1. Итак, летом 2004 года, через двоюродного брата Оскара Рейнгольдовича Гальвас (1951) я узнал о **Роланде Яковлевиче Лорер** (1931), внуке Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944), которая является родной сестрой моего деда Александра (1892-1938). В свою очередь от Ролонда я узнаю о его тётке **Елене Генриховне Нусс-Ерейзер** (1916), которая приходится младшей дочерью Марии Яковлевны (1880-1944). От моей же матери мне досталась фотография семьи Ерейзер, а при переезде в Германию я взял все фотографии с собой. И вот, когда я был в гостях у моего троюродного брата Роланда, то он опознал семью Ерейзер по этой фотографии. Он также сказал, что они тоже живут в Германии, и дал мне их телефон. Через некоторое время мы поехали на пару дней в гости к семье Ерейзер. От них я узнал о двоюродной сестре моей матери - **Эльзе Эдуардовне Гальвас-Вебер** (1914-2006). Оказывается, их семья одна из первых переехала жить в Германию, ещё в 1981 году.

Когда я приехал домой, то сразу позвонил Эльзе Эдуардовне, ей было тогда уже почти 90 лет, но она имела неплохую память, и могла кое-что вспомнить. И вот она сказала, что у её деда, а моего прадеда, **Якова** были братья **Георгий** и **Людвиг**. К тому же **Яков** (1854-1941) и **Георгий** (1858-1924) жили в Крыму вместе, в деревне Ней-Либенталь*. Эльза Эдуардовна и моя мама, Фрида Александровна, а также некоторые из детей и внуков Георгия (1858-1924), тоже родились в этой деревне. И так, когда я немного исследовал род моего прадеда Якова Гальвас (1854-1941), то опять оказался в тушике.

Тогда я взял телефонный справочник** и стал звонить всем подряд по фамилии Гальвас. Вскоре я наткнулся на **Владимира Эрвиновича Гальвас** (1957). Владимир Эрвинович, сын **Эрвина Фридебертовича Гальвас** (1927-2006), сказал, что у них есть родственница тётя Лина, которая неплохо знает родословную. Он дал мне её телефон. Когда я созвонился с **Линой Яковлевной Гальвас** (1924), то оказалось, что она троюродная сестра **Эльзе Эдуардовне Гальвас-Вебер** (1914-2006), из нашего рода.

И так мы решили, что её дед **Людвиг Гальвас** (1864-1925) и мой прадед **Яков Гальвас** (1854-1941) родные братья, и тогда я стал исследовать род Людвиг Гальвас. Но с самого начала здесь были некоторые проблемы. Дело в том, что этот Людвиг Гальвас (1864-1925) был женат на своей родственнице **Якобине Гальвас** (1867-1917?), а у неё тоже был брат

* Ней-Либенталь и Ной-Либенталь, Ново-Селье - это одна и та же деревня. Это название происходит от немецкого слова Neu-Liebental.

** Номера телефонов Гальвасов я брал из справочника Германии, который имеется на диске и продаётся в магазине, и звонил всем подряд.

Людвиг Гальвас (1871-1941). И поэтому шла некоторая путаница. И, тем не менее, мы считали, что они нам родня по Людвигу (1864-1925), а о родословной его жены Якобины никто ничего не знал.

Что также интересно, так это то, что со временем в роду Людвиг (1864-1925), в фотоальбоме его старшей дочери **Катерины Людвиговны Гальвас-Кюне** (1889-1982) я нашёл фотографию **Георгия Гальвас** (1958-1924). Как потом оказалось, он был её крёстным. Там было ещё несколько старых фотографий, которые никто пока не может опознать.

Когда летом 2004 года я вышел, через Владимира Эрвиновича на род Людвиг (1864-1925), тогда же я созвонился через справочник с Лидией Петровной Вайгум (1922), первой женой **Артура Генриховича Гальвас** (1913-1989). Лидия Петровна дала мне телефон родного брата своего мужа - Курта Генриховича Гальвас (1925). Как потом выяснилось, их отец **Генрих Георгиевич Гальвас** (1889-1934) приходится сыном Георгия (1858-1924), т.е. брата моего прадеда Якова. И уже от Курта Генриховича я узнал о том, что немного опоздал. В частности, он сказал: "Дорогой мой человек. Был у меня двоюродный брат Роберт Теофилович Гальвас (1913-2003), он очень много знал про род Гальвасов, однако он недавно умер. Но здесь живёт его дочь **Нелли Робертовна Гальвас** (1948), позвони ей, может, она что-то тебе подскажет". Когда я созвонился с Нелли Робертовной, то оказалось, что она знала моего дядю Рейнгольда Александровича Гальвас (1924), который жил, после снятия комендатуры в 1956 году, в станице Тамань, Краснодарского края. Она была у него в гостях перед отъездом в Германию. Таким образом, я вышел на род Георгия Генриховича Гальвас (1858-1924) брата моего прадеда Якова Гальвас (1854-1941), и так подтвердились слова Эльзы Эдуардовны Гальвас-Вебер, что они братья.

На тот момент, у сестры Курта Генриховича Мильды Генриховны (1927) нашлись записи сделанные её родственниками на шести тетрадных листах, где кроме дат и имён, было ошибочно написано, что отец прадедов был Франц. И поэтому мы долгое время думали, что наши прадеды Францовичи.

Со временем, от Нелли Робертовны я узнал, что её отец говорил, что у его деда **Георгия**, кроме брата **Якова** и **Людвига**, ещё были братья, **Генрих**, **Фридрих** и **Антон**. 3 ноября 2004 года она выслала мне свою родословную схему по её прадеду Георгию. Схема была большая, склеенная из нескольких страниц. В ней были записаны все дети и внуки её прадеда Георгия, а также упоминались имена пяти братьев её прадеда, которые я написал выше. Также она мне выслала карту Крыма, где были записаны по-немецки названия деревень до военного времени. (Смотри в приложении).

В сопроводительном письме она, в частности, писала: "Вчера исполнился год, как умер мой папа. У него до последнего дня жизни была очень хорошая память. Я многое, о чём он рассказывал, записала. Но теперь, если хочется что-нибудь уточнить, то уже нет такой возможности".

И вот только в конце мая 2007 года, когда Анне Владимировне Гальвас (1974) прислали электронный адрес внучки Людвиг (1864-1925), которая живёт в Америке, только тогда многое изменилось и выяснилось. Её зовут **Берниция Эдвардовна Гальвас-Релинг** (1932). Переписываться с ней я начал 30 мая 2007 года. Но всё выяснилось только 9 июля 2007 года, когда она по моей просьбе прислала четыре схемы детей прапрадедов, которые они сделали на основании Ленинградских архивов. Будучи оторванными, от родственников они интересовались своей родословной.

Из этих схем выяснилось, что мой прадед **Яков** (1854-1941) был братом не **Людвигу** (1864-1925), а его жене **Якобине Гальвас** (1867-1917?) и её брату **Людвигу** (1871-1941). С внуками этого Людвиг (1871-1941) я уже был знаком с 2004 года, но только 9 июля 2007 года выяснилась степень нашего родства.

Также подтвердилось, что у наших прадедов был ещё брат **Франц** (1872-19...) и сестра **Катерина** (1869-19...) Это те, которые остались живыми и дали потомство. Но все они были не Францовичами, а детьми Генриха. (Смотри схему на стр. 30-34).

Но как было дело дальше. Для этого вернемся в 2005 год.

В один прекрасный день 2005 года, чтобы помочь **Анне Владимировне Гальвас** (1974) в поисках её рода, я стал обзванивать всех по фамилии Баерле, так как у её прадедушки **Натанаила Иогановича Гальвас** (1898-1982), вторая жена была **Эльза Конрадъевна Баэрле** (1911-

1993). И вот, через **Ольгу Готгольдовну Баерле-Гейн** (1921), я вышел на род **Фридриха Гальваса**.

Дело обстояло так. У **Ольги Готгольдовны** мать была рождённая **Мушель** (1891-19...). А у внука **Фридриха Рейнгольда Рейнгольдовича Гальваса** (1919-2005), жены **Виктории** мать тоже была по девичьей фамилии **Мушель**. И таким образом, **Ольга Готгольдовна** знала о существовании **Виктории Киркоровны Закирьянц-Гальвас** (1924), и тогда она дала мне её телефон. Семья **Виктории Киркоровны** живёт в России.

Итак, 13 декабря 2005 года я познакомился с родом **Фридриха Гальваса** (1864-1938). Потом через его внучку, **Алиду Рейнгольдовну Гальвас-Бер** (1912), которая живёт в Германии, и телефон, которой мне дали дети **Виктории Киркоровны**, я ближе познакомился с родом **Фридриха**. Но другая внучка его, **Лидия Эмильевна**, (1925) сказала, что **Фридрих*** был сын **Генриха**. Это вызвало недоразумение, так как в то время я имел информацию, что наши прадеды были **Францовичами**. И только в 2007 году, как я уже писал выше, когда я получил родословные схемы через **Берницию Эдвардовну**, тогда выяснилось, что **Лидия Эмильевна** была права.

Теперь, как мы знаем точно, отец наших прадедов был **Генрих**, и с этого момента я буду писать их по отчеству. Но, пока ещё в то время вопрос о степени родства с родом **Фридриха** оставался открытым до 2006 года, т.к. в октябре того года я получил письмо от **Виктории Киркоровны**. В результате появились вопросы, и я стал опять звонить **Алиде Рейнгольдовне**.

Когда 13 октября 2006 года я позвонил им, то она сама взяла трубку, и мы с ней прекрасно разговаривали по-русски. В этот раз, когда я спросил: "Как звали братьев **Фридриха**?", она перечислила, 4 братьев из 6, и как раз тех, которые есть в нашем роде. Потом она сказала: "Два брата жили далеко от посёлка **Цюрихталь**, в котором жили мы. Их звали **Яков** и **Георгий**, и жили они в деревне **Ней-Либенталь**". Большего доказательства для меня не надо было, так как к тому времени имелся 96план деревни **Ней-Либенталь**, составленный из воспоминаний родственников, и кроме моего прадеда **Якова Гальваса** (1854-1941), и его брата **Георгия Гальваса** (1858-1924), другие **Гальвасы** с такими именами в ней не жили.

Итак сомнений нет, **Фридрих** (1864-1938) был родным братом моему прадеду **Якову** и его брату **Георгию**. Это также подтвердилось из присланных **Берницией Эдвардовной** родословных схем.

Таким образом, только в шеле 2007 года стало теперь известно, что у моего прадеда **Якова** был отец **Генрих**, жена у него была **Фридерика Фридриховна Нусс** (1831-1917). У них было 14 детей: **Барбара** (1851-1857), **Яков** (1854-1941), **Андреас** (1856-1857), **Иоганн - Георг** (1858-1924), **Катерина** (1859-1861), **Магдалена** (1861-1861), **Антон** (1862-1...), **Фридрих** (1864-1938), **Якобина** (1867-1917?) жена **Людвига** (1864-1925), **Катерина** (1869-1...), **Людвиг** (1871-1941), **Франц** (1872-1...), **Вильгельм** (1875-1876) и **Генрих** (1877-1938).

Как мы видим, 5 детей умерли в раннем возрасте, а 9 дали потомство. Из них на сегодняшний день 18.07.2007 известно о **Якове**, **Георге**, **Фридрихе**, **Якобине** (так как она вышла замуж за **Гальваса**, её родословная не потерялась), о **Людвиге** и о **Генрихе**. В Интернете о **Генрихе** упоминается, что он был расстрелян в 1938 году, но о детях его пока ничего неизвестно.

Значит, ещё неизвестно о потомках **Антон** (1862), **Катерины** (1869), **Франца** (1872) и **Генриха** (1877).

Но без проблем не обошлось и здесь. И вот какая возникла проблема.

Дело в том, что у заехавшего в Крым **Михаила Георгиевича Гальва** (**Гальваса**) (1770-18...), от трёх сыновей было три внука с именем **Генрих**. Таким образом, было три двоюродных между собой брата с именем - **Генрих**: **Генрих 1831 г.р.**, **Генрих 1829 г.р.** и **Генрих 1840 г.р.**. С последним **Генрихом** всё ясно, и нет путаницы (об этом роде речь пойдёт немного позже), так как имеются свидетельства о бракосочетании его детей, в которых записаны и их родители.

А вот с первыми двумя, обстоятельства сложились намного сложнее, потому что таких свидетельств о бракосочетании видать не сохранилось у потомков. А в архивных регистрационных записях о бракосочетании записаны только - имя жениха, а также имя и девичья фамилия невесты. Смотри **Пример-1**, стр.17.

Поэтому, какой **Генрих** имеется в виду, с какого года, и как звали его родителей - из этой записи неясно. Кроме того, немцы в архивных книгах и вообще в жизни не пишут отчество и это составляет трудности.

* Отчества его и других в то время мы ещё точно не знали.

Пример 1.

Eheleute im Jahre 1850.					
№	Monat und Tag der Eheschließung.	Ehe- und Familiennamen der Eheleute.	Blatt im Pfarr-Buche.	Hinweisung auf das Hauptregister.	№
7.	7.	Lax, Anselm und Landis, Magdalena.		1850, N. 9.	13.
8.	14.	Widmann, Georg und Anna, Antonina.		1850, N. 10.	14.
9.	14.	Krieffner, Julius und Maria, Maria.		1850, N. 11.	
10.	21.	Walz, Hilzig und Grotz, Magdalena.		1850, N. 12.	
11.	21.	Gallois, Heinrich und Niß, Erbschaft.		1850, N. 13.	

Здесь в первой колонке стоит порядковый номер. Под номером 11 готическим шрифтом написано что: 21 ноября 1850 года были обвенчаны Гальва Генрих (Gallois Heinrich) и Нусс Фридерика (Niß Friederika). И всё. На следующей странице мы видим, что уже идут следующие порядковые номера, т.е. сведений о родителях здесь нет.

Что касается, от каких родителей идут эти два Генриха, проблем нет, так как имеются архивные записи их рождения. Смотри пример-2, стр.18.

Но подтвердить, что такой-то Генрих от такого-то отца и матери, женился на такой-то и такой-то девице, могут объяснить только выдаваемые в то время свидетельства о бракосочетании. В них записывались родители жениха и родители невесты. Или же свидетельство самих родственников на основании знаний о своём роде.

Итак, имеются расхождения между родословной, присланной из Америки Берницией Эдвардовной Гальвас-Релинг (1932), и родословной Герхарда Альфредовича Мерц (1929), записанной его отцом. И вот в чём проблема.

Пример 2.

год	мес.	1829. & 1830.		№
1829	12	August Kindl Louise Hissling	Friedrich	in Heilbrunn
1830	25	Heinrich Gallwas Catharine Grab	Heinrich	in Heilbrunn

Здесь записано в первой колонке число, месяц. И теперь смотрим вторую сверху запись, 23 декабря 1829 года; потом записаны родители: Генрих Гальвас и Катарина Граб; потом ребёнок: Генрих; потом крёстные: Пётр Фюдерер и Регула Гальвас.

Из родословной, присланной из Америки: у Марии Илли (1834-1912) был муж **Генрих Гальвас (1831-18...)**, который был сыном Иоганн-Михаила Михайловича Гальвас (1792-1869). Хотя подтверждения на основании архивов этому нет. (Смотри схему-1, стр.19)

А из родословной находящейся у Герхарда Альфредовича Мерц - у у Марии(1834-1912) был муж **Генрих Гальвас (1829-1896)**, который был сыном Генриха Михайловича Гальвас (1801-1868). Я эту родословную доску видел у него своими глазами, но не знаю, на основании чего она была сделана: на архивных данных или со слов родственников. (Смотри схему-2, стр. 19)

До 12 декабря 2007 года я вёл записи по схеме-1, но сегодня, уже готовя книгу в печать, я усиленно размышлял над этим спорным вопросом, и пришёл к выводу, что родословная по схеме-2 правильнее. И поэтому с сегодняшнего дня, т.е. с 13 января 2008 года я буду вести родословную по схеме-2.

К этому меня побудило следующее:

Во-первых, то, что мне было прислано Герхардом Альфредовичем Мерц (1929). Он писал: "Мой дедушка Христиан Мерц был старший среди сестёр и братьев. Он родился 12.05.1861 года, и во время переезда в Россию ему было двадцать лет. 23.08.1888 года он женился на моей бабушке **Иоганне** Генриховне Гальвас (1866-1950). Она родилась в Крыму, в деревне Цюрихталь 7 августа 1866 года. После свадьбы они жили в деревне Пиленково.

Моего прадедушку по роду бабушки Иоганны, звали **Генрих** Гальвас. Он родился 1829 году в Крыму, в деревне Цюрихталь, а умер в 1896 году. Его отца звали тоже **Генрихом** по фамилии **Гальва (Gallois)**. Он родился 25.03.1801* года в деревне Хеддесхайм (Heddesheim), земля Баден, Германии, а умер в Крыму в деревне Цюрихталь. Его жену, мою прабабушку, звали Мария Илли (Illi), которая родилась в 1834 году, тоже в Крыму, в деревне Цюрихталь, а умерла в 1912 году. Отца Марии Илли звали Иоганн-Яков Илли (04.02.1799-18...), который родился в Швейцарии в деревне Бонштеттен, а умер в Крыму в деревне Цюрихталь.

Одного из сыновей Генриха Гальвас (1829-1896) звали Томас Гальвас (1861-1931), он был учитель, а одну из его дочерей звали Иоганна Гальвас (1866-1950), это была моя бабушка".

Во-вторых, то, что **Генрихи** родились у конкретных, определённых родителей, и эта информация точная. В имеющихся архивных данных записано, что у Генриха, рождённого в 1829, году были родители: **Генрих Михайлович Гальвас** и **Катарина**, рождённая **Граб**. Кроме того, **Катерина** умерла в 1830 году, и соответственно у неё не мог родиться сын **Генрих** в 1831 году. Значит, **Генрихов** местами мы поменять не можем, эти сведения точные.

Таким образом, вывод напрашивается один: необходимо жену и детей от **Генриха (1829-1896)** в схеме-1 переставить к **Генриху (1831-18...)** в схеме-2, и наоборот, детей и жену от **Генриха (1831-18...)** к **Генриху (1829-1896)**.

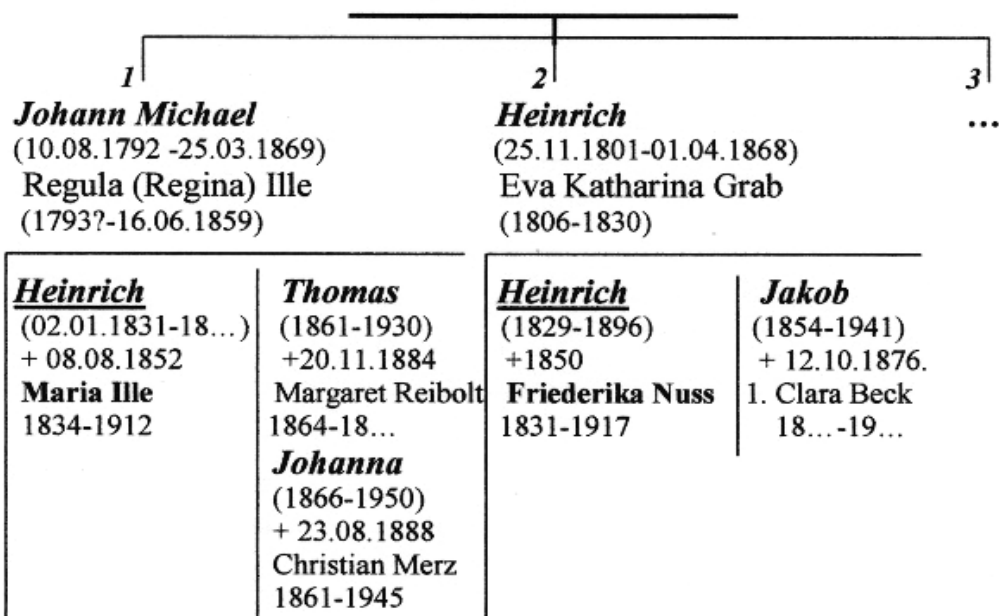
Michael Gallois (Gallwas)

Схема-1

09.03.1770 – 181...

Elisabeth Landenberger

27.10.1771-18...

Michael Gallois (Gallwas)

Схема-2

09.03.1770 – 181

Elisabeth Landenberger

27.10.1771-

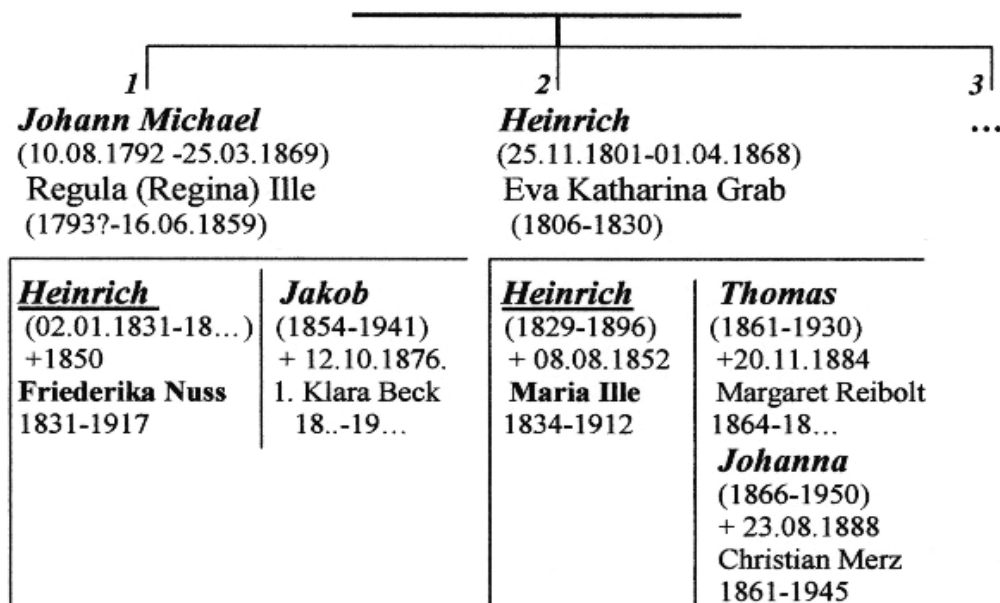

Схема один и два - это упрощённые схемы, чтобы отразить суть дела.

В-третьих, это будет соответствовать действительности, и потому, что Лина Яковлевна Гальвас (1924) раньше утверждала, и сегодня опять подтвердила свои слова: "Моя мама, а также Фрида Людвиговна Гальвас-Руфф (1909-2006) говорили, что Людвиг Гальвас (1864-1925) и его жена Якобина Гальвас (1867-1917?) были двоюродными братом и сестрой".

Для Лины Яковлевны они - бабушка и дедушка. Для Фриды Людвиговны: Якобина Генриховна была тётёй, т.е. сестра её отца - Людвиг Генриховича (1871). Эти двое Людвигов: Людвиг Яковлевич (1864) и Людвиг Генрихович (1871) тоже были двоюродными братьями, о чём Лина Яковлевна говорила мне ещё в начале исследования.

Таким образом, Генрих Михайлович (1831-18...) и Яков Михайлович (1833-1874) были родными братьями, а их дети от первого Якобина (1867-1917?), а от второго Людвиг (1864-1925) были двоюродными братом и сестрой.

В-четвёртых, то, что нужно идти по схеме-2 подтверждается и строками из письма Милиты Александровны (1913-19...) дочери Александра Иоганновича Гальвас (1868-1919?) к двоюродной сестре Лилии Бернгардовне Нефф-Принц (1919-2006). Она писала:

"Летом 1937 или 1938 года к нам в Джамбулды приезжал папин двоюродный брат Томас Гальвас, из деревни Цюрихталь, Крым. Он был учителем и жил там. Он в регистрационных, церковных книгах нашёл некоторые записи и ездил в эти же года в Германию. Он нашёл там некоторых предков и выяснял происхождение рода Галюа-Гальвас. Томас Гальвас интересовался у папы о семье дедушки и папиной, т.е. нашей и всеми семьями папиных сестёр. Я видела, перед ним лежала на столе 1/2 листа ватмана, и на нём было нарисовано дерево и ветки с надписями".

Из этих строк видно, что Томас Гальвас был двоюродным братом Александра Иоганновича Гальвас (1868-1919?). Значит, их отцы были родными братьями - это Генрих (1829-1896) и Иоганнес (1841-1910(12)). Та же Мелита Александровна писала, что её дедушка был Генрихович. Всё это согласуется со схемой-2, смотри также схему на стр.42-46.

В-пятых, у Берниции Эдвардовны родственница Ванда Гобкинс, первоначаль-но писала нам, что Якобина Генриховна (1867) и её муж Людвиг Яковлевич (1864) были двоюродными, а потом они стали писать нам, что они были троюродными.

Вывод напрашивается один, нужно идти по схеме-2.

2. Вторым потомком Михаила Георгиевича Гальва (Гальвас) (1770-18...) является Генрих Михайлович (1801-1868). Род его продолжается от четырёх сыновей: Генриха Генриховича (1829-1896), Людвиг Генриховича (1835-1877?), Иоганнеса Генриховича (1841-1910(12)) и Михаила Генриховича (1844-19...).

И теперь я хочу рассказать вам сначала, как я нашёл потомков из рода Генриха Генриховича (1829-1896). Если просто, то я с его праправнуками познакомился опять же через телефонный справочник, где-то в конце 2005 года. В частности, я познакомился с Яковом Рейнгольдovichем (1946) и его братом Виктором Рейнгольдovichем (1945). Но тогда, я, конечно же, ещё не знал, что они приходится праправнуками Генриха Генриховича (1829-1896), или правнуками Генриха Генриховича (1853-1918). Тогда я вообще не знал, к какому роду их прикрепить. И в этом мне помогла Нелли Робертвна.

Примерно весной 2006 года Нелли Робертвна сказала: "Есть ещё один Генрих, который работал в Госдуме ещё в царское время. У меня даже есть его фотография, и я вышлю тебе её, по твоей просьбе. А также я накидаю тебе родословную схемку (на стр. 24, сх.-3) из той информации, что у меня осталась от моего отца. Также хочу сказать, что правнукам этого Генриха мой отец сделал вызов в Германию, хотя о степени родства с ними он точно не знал".

Примерно весной 2006 года Нелли Робертвна сказала: "Есть ещё один Генрих, который работал в Госдуме ещё в царское время. У меня даже есть его фотография, и я вышлю тебе её, по твоей просьбе. А также я накидаю тебе родословную схемку (на стр. 24, сх.-3) из той информации, что у меня осталась от моего отца. Также хочу сказать, что правнукам этого Генриха мой отец сделал вызов в Германию, хотя о степени родства с ними он точно не знал".

Генрих Генрихович Гальвас
(1853-1918) из Госдумы.

Так я начал работать над родом Генриха Генриховича (1829-1896), в частности с потомками его сына Генриха Генриховича (1853-1918). Как и в других родах, сначала я ничего не знал о нём. Его правнуки почти ничего не добавили к той схеме, которую прислала Нелли Робертовна. Но хорошей приметой было то, что Генрих Генрихович работал в Госдуме. В Интернете я нашёл его год рождения и несколько предложений из его биографии. И это было всё, что я имел долгое время.

Уже где-то весной 2007 года, опять же в Интернете, я нашёл сведения о многих людях под фамилией Гальвас, которые давали различные объявления, рекламы и т.д.. И среди них был телефон одной женщины-врача с города Гатчина, под Ленинградом. Долгое время я не мог с ней связаться, но потом всё-таки получилось, и тогда она сказала, что это не её фамилия, а её мужа. Тогда я попросил у неё домашний телефон, чтобы связаться с её мужем, и она дала. Так я через её мужа Виталия Игоревича вышел на его отца Егона (Игоря) Оскаровича Гальвас (1929), с которым в настоящее время (сегодня 03.01.2008 год) переписываюсь по почте. Егон Оскарович приходится также правнуком Генриху Генриховичу из Госдумы.

Кроме того, Нелли Робертовна выслала мне тогда же схему рода **Томаса Генриховича** (1861-1931)*, а также несколько писем из переписки её отца с Еленой Томасовной Гальвас-Благодастовой (1920-2001) и Элей Вирник. Письма были в конвертах, и тогда я взял и с разрешения Нелли Робертовны написал по адресам, записанным на конвертах с надеждой, что кто-то, может, ответит. От Элли Верник ответа не пришло, а со стороны Елены Томасовны пришёл ответ. Писал её сын Иван Георгиевич (1952), и он также прислал некоторые схемы по своему деду Томасу Томасовичу Гальвас (1886-1942), сыну Томаса Генриховича. Мы имели с ним длительную переписку по электронной почте. Он присылал мне письма своей матери, на основании которых я смог составить некоторую её биографию.

Однажды Иван Георгиевич упомянул, что его мама переписывалась с одним родственником из Германии, его звали Герхард Альфредович Мерц (1929). И к тому же, Иван Георгиевич прислал мне его адрес и несколько писем, из которых видно было, что он был уже в возрасте. Но, тем не менее, я решил ему написать несколько слов. И к моему немалому удивлению, он ответил. Так у меня с ним завязалась на несколько месяцев переписка, несмотря на то, что ему было в то время уже трудно писать. Он старался всегда пунктуально отвечать на мои короткие письма с вопросами. Короткими, потому что мне приходилось ему писать на немецком. Дело в том, что жизнь его отца сложилась так, что он, Герхард Альфредович, родился здесь, в Германии. Но его бабушка, **Иоганна Генриховна Гальвас-Мерц** (1866-1950), родилась в Крыму, в деревне Цюрихталь. Она приходится сестрой Томасу Генриховичу (1861-1931) и Генриху Генриховичу (1853-1918). Это дети Генриха Генриховича Гальвас (1829-1896). Вот таким образом, если коротко, я пришёл к тем знаниям о роде Генриха Генриховича Гальвас (1829-1896).

С потомками его брата **Людвига Генриховича** (1835-1877?) я познакомился первый раз, когда осенью 2005 года я зашёл в тупик и стал звонить всем подряд Гальвасам из телефонного справочника. Тогда у меня набралось приличное количество Гальвасов из Крыма, неизвестных, с какого рода и куда. Чтобы это выяснить, я стал потом звонить от родственника к родственнику. И таким образом, я нашёл в этом роде несколько человек, интересующихся своими корнями, которые помогли мне связать отдельных людей. Сильно мне тогда помогли **Александр Иоганнович Фаут** (1922), у которого мать была Екатерина Николаевна Гальвас (1899-1979); **Валентина Гиронимусовна** Гальвас (1933). А также все остальные из этого рода, которые понемногу вносили определённый вклад в раскрытия исторических тайн, о которых вы сможете прочитать в этой книге. Таким образом, была составлена полная родословная сына Людвига Генриховича - **Николая Людвиговича** (1867-1938). Также Александр Иоганнович выслал мне 27 декабря 2005 года копию фотографии Николая Людвиговича.

Во время поисков по справочнику нашли также потомки брата Николая Людвиговича - **Антонна Людвиговича** (1870-1931). Связать эти две родословные помогли Александр Иоганнович Фаут с рода Николая Людвиговича и жена Александра Николаевича из рода Антона Людвиговича **Ирма Христиановна** (1931). Они знали, что эти два Александра доводятся друг другу, троюродными братьями. Кроме того, в роду Антона Людвиговича имелась фотография его похорон, где у гроба стояли его дети и его брат Николай Людвигович.

* Долгое время мы не знали, когда он родился, пока Берниция Эдвардовна не прислала архивные данные.

Многое дополнилось еще, когда Берниция Эдвардовна прислала из Америки архивные данные. Но без проблем не обошлось и здесь. Когда я получил данные от неё, то оказалось, что у Людвиг Генриховича была старшая дочь Екатерина (1860-19...), а мы тогда писали Антона Людвиговича, как рождённого в 1860 году. Когда я всех детей Людвиг Генриховича из списка присланных мне, расставил по порядку, то Антон Людвигович "так просился" на 1870 год, что я его под вопросом поставил туда. Но когда я раньше звонил Ирме Христиановне, то она сказала, что у её мужа записано, что Антон Людвигович родился в 1860 году. Но теперь оказалось, что в 1860 году родилась его сестра Катерина. Тогда я подумал, что, может, она ошиблась и вместо 1870 года сказала 1860 год.

К тому же 1860 год не очень-то подходил, потому что его первый сын родился в 1895 году, и тогда выходит, что сам Антон Людвигович женился в 34 года, что маловероятно для того времени.

И вот 2 января 2008 года, у меня, как говорится, дошли руки до этого дела, и я позвонил Ирме Христиановне, и вот с каким результатом. Когда я ей позвонил, она достала эту запись, сделанную её мужем Александром со слов родственников со стороны Девальд. Они жили вместе с его дедом и были с ним в родстве. И, в частности, она прочитала следующее: "Дедушка Гальвас Антон Николаевич родился в 1860 году, но тут ещё есть поправка на 1870 год". Я спрашиваю: "Это вы, наверное, переправили"? Она отвечает: "Нет, нет. Тут зачёркнуто рукой мужа, и написано его же почерком. Родился в Крыму, в Джанкойском районе, в деревне Джургун-Мирновка в 1870 году. Просто, когда ты первый раз звонил, я не стала говорить об этой поправке, думала, это не так важно".

Таким образом, несмотря на проблему, всё получилось и на этот раз.

С потомками из рода **Иоганнеса Генриховича** (1841-1910(12)) я познакомился совершенно случайно, и дело было так. Сначала я познакомился с Ириной Рихардовной Гальвас (1926). Это было осенью 2005 года, когда я зашёл в тупик и стал звонить всем подряд Гальвасам из телефонного справочника. В разговоре с ней оказалось, что Ирина Рихардовна приходится правнучкой Иоганнесу Генриховичу. Правда, она назвала годом его рождения 1846. Её дедушкой был **Александр Иоганнович Гальвас**. К сожалению, братьев и сестёр дедушки Ирина Рихардовна сказать не могла, но знала его детей. Но большего до осени 2006 года я добавить к родословной Иоганнеса Генриховича ничего не мог.

Как я уже писал выше, с конца 2005 года я также был знаком с Яковом Рейнгольдовичем Гальвас (1946), правнуком Генриха из Госдумы. И вот однажды, в начале октября 2006 года, когда я разговаривал с ним по телефону, то в разговоре он упомянул о Линде Яковлевне Принц-Шульц (1952). Когда я стал о ней расспрашивать, то он сказал: "Несмотря на то, что у неё и её мужа фамилия не Гальвас - они оба имеют корни из этой фамилии". Тогда я попросил у него её номер телефона и позвонил ей. И только теперь дело сдвинулось с места.

Выяснилось, что она действительно имеет корни от фамилии Гальвас. Также она сказала, что в этом году, т.е. в 2006, умерла её мама, и что она могла бы рассказать, конечно, больше. Но время было упущено, и пришлось довольствоваться тем, что было. Линда Яковлевна ещё при жизни её матери написала немного о её родословной, и через некоторое время она поделилась со мной имеющейся у неё информацией, где из писем, где из записей. В результате оказалось, что её бабушка была - **Розалия Иоганновна Гальвас-Нефф** (1887-1966), т.е. она была сестрой Александра Иоганновича. В результате мы с ней хорошо дополнили родословную Иоганнеса, и у неё даже нашлась фотография Иоганнеса Генриховича и его жены. Что касается мужа Линды Яковлевны, которого зовут Владимиром Яковлевичем Шульц (1949), то он приходится праправнуком Людвиг Генриховича Гальвас (1835-1977?). Таким образом, его мать Моника Фердинандовна Грамлих-Шульц (1923-2003) и Линда Яковлевна четвероюродные сестры, а его бабушка Берта Николаевна Гальвас-Грамлих (1900-1972) и мать Линды Яковлевны Лилия Нефф-Принц (1919-2006) троюродные сестры.

А Яков Рейнгольдович тоже приходится родственником Линде Яковлевне и Владимиру Яковлевичу. Дело в том, что дедушка Якова Рейнгольдовича Натанаил Генрихович Гальвас (1877-1927) был женат на троюродной сестре своего отца. Её звали **Елена Иоганновна Гальвас** (1878-1961), которая была сестрой Александра Иоганновича и Розалии Иоганновны бабушке Линды Яковлевны. Таким образом, с ней он в родстве и по бабушке Елене, а также по бабушке Натанаилу, но уже дальше. Также отец Якова Рейнгольдовича был четвероюродным

братом бабушке Владимира Яковлевича, Берте Николаевне Гальвас-Грамлих (1900-1972).

Ну и опять же подробные и более реальные родственные связи рода Иоганнеса Генриховича я получил из Америки от Берниции Эдвардовны. И тут тоже не обошлось без проблем.

Дело в том, что родственники говорят, что Иоганнес Генрихович Гальвас, был с 1844 года рождения, а также называли 1846 год. Но эти данные имеют расхождение с архивными данными, присланными из Америки.

По возрасту он должен быть сыном одного из трёх сыновей, захавших в Крым: **Иоганн-Михаила** (1792-1869), **Генриха** (1801-1868) или **Иоганн-Людвига** (1803-1841). Но из всех наших изысканий мы не нашли не одного Иоганнеса у этих трёх такого возраста, кроме Иоганнеса (1841), сына Генриха (1801-1868).

Кроме того, Иоганнес Генрихович Гальвас был женат, по архивным данным, на Маргарите Нусс, а родственники говорят, что у них записана жена Иоганнеса - Елизавета Нусс.

Теперь в родословной из Америки, на основании архивных данных, перечисляются следующие дети этой пары: **Катерина** (1866-19...), **Александр** (1868-19...), **Иоганн Эдвард** (1870-1872), **Регина** (1872-1873), **Регина** (1873-1877), **Мария** (1876-1877), **Генрих Эдуард** (1878-1878), **Фридерика Елена** (1879-19...), **Аннета Полина** (1880-19...), **Эмилия** (1882-19...), **Генрих Иоганнес** (1885-1885), **Вильгельм Яков** (1889-19...).

Родственники говорят, что у Иоганнеса с Елизаветой были дети: **Александр** (1876-19...), **Елена** (1878-1961), **Катарина** (18...-19...), **Аннета** (18...19...), **Эмилия** (18...-19...), **Розалия** (1887-1966) и **Вильгельм** (1889-1914).

Таким образом, мы видим, что все дети Иоганнеса Генриховича, названные родственниками из их линии, кроме Розалии, имеются в списке, присланном из архива.

Итак, я должен констатировать тот факт, что это один и тот же Иоганнес Генрихович Гальвас (1841-1910(12)). Женился он 19 ноября 1863 года на Маргарите Нусс (18...-1918). У них родилось 13 детей: **Катерина** (1866-19...), **Александр** (1868-19...), **Иоганн Эдвард** (1870-1872), **Регина** (1872-1873), **Регина** (1873-1877), **Мария** (1876-1877), **Генрих Эдуард** (1878-1878), **Фридерика Елена** (1879-19...), **Аннета Полина** (1880-19...), **Эмилия** (1882-19...), **Генрих Иоганнес** (1885-1885), **Розалия** (1887-1966) и **Вильгельм Яков** (1889 - ...?).

С потомками из рода **Михаила Генриховича** (1844-19...) я познакомился через Лилию Гуговну Дубс-Шпади (1949), которая находится в родстве с Нелли Адольфовной Штарк-Фишер (1950) по линии Шпади. Как-то раз я разговаривал с Лилией Гуговной, и она сказала, что у меня есть по линии Шпади родственница, у которой кто-то был из Гальвасов, и дала мне телефон Нелли Адольфовны. Когда я позвонил ей, то оказалось, что её бабушка была из рода Гальвасов - Берта Людвиговна Гальвас-Шулер (1902-1975). Но по роду Гальвас она не могла много сказать, но при этом сказала: "У моей бабушки Берты была сестра Роза Людвиговна Гальвас-Гюнтнер (1915-1988), а у неё есть дочь Гедвига Яковлевна (1936). Так вот эта Гедвиг интересовалась родословной и для всей нашей родни составила родословную схему. Если ты с ней поговоришь, то многое узнаешь".

У меня зафиксировано, что первый разговор у меня с Гедвигой Яковлевной состоялся 21 сентября 2005 года. Но дело продвигалось по их роду очень медленно, и пока я ничего не мог связать. Где-то уже весной 2006 года Нелли Адольфовна прислала мне родословную схему, сделанную Гедвигой Яковлевной.

Но даже после этого я никак не мог установить родственные с ними связи. Круг общения в их роде продвигался очень медленно, так как, не зная моих намерений до конца, люди относились с опаской ко всему этому. Зачастую мне приходилось связываться с ними через телефонный справочник. Таким образом, я познакомился в ноябре 2005 года с Лилией Людвиговной Сутер-Губер (1926) из этого рода. У нас с ней до сих пор хорошие отношения. Она многое мне тоже пояснила, и к тому же похвально то, что, несмотря на болезнь Паркинсона, она интересуется истиной из Библии.

Но так как ей тяжело читать, она получает аудио кассеты и их прослушивает. По этой же причине недоверия до сих пор остались недопонятыми и многие другие биографии, и некоторые так и не решились выслать фотографии. Хотя я могу со всей ответственностью сказать, что не одна из фотографий, присланных мне, не потерялась, и была отправлена назад её владельцу. Но вернёмся к роду **Михаила Генриховича**. Опять окончательная картина прояснилась только после того, как я получил сведения от Берниции Эдвардовны Гальвас-Релинг (1932).

Действительно у Михаила Генриховича (1844-18...) была жена Флорентина, и теперь даже известно её девичья фамилия, Гафнер. Выяснился также год его рождения, и что у него была сестра двойняшка по имени Елизавета (1844-1954), которая умерла в 10 лет.

Но из-за путаницы между тремя Генрихами, о которой я писал выше, он сначала был поставлен как брат моему прапрадеду, но как теперь окончательно выяснилось, он приходится родным братом Генриху Генриховичу (1853-1918) из Госдумы. Смотри схему-2 на стр. 19 и схемы на странице 30-34.

3. Третьим потомком Михаила Георгиевича Гальва (Гальвас) (1770-18...), захватившего в Крым, является Иоганн - Людвиг Михайлович Гальвас (1803-1841).

Род Людвиг Михайловича, возможно, что продолжился через сына **Петра Людвиговича** (02.02.1932-18...), но пока неизвестно, были у него дети или нет. А также через его сына **Генриха Людвиговича*** (1840-1908), который был седьмым и последним ребёнком, так как когда ему был один год, его отец умер.

И сейчас пару слов о том, как я пришёл к роду Генриха Людвиговича (1840-1908).

Через Нелли Робертовну Гальвас (1948), видать, осенью 2005 года, точно не помню, я вышел на **Артура Фридриховича Гросс** (1934), правнука Генриха Людвиговича (1840-1908). В то время я думал, что Генрих (1840-1908) был четвертым братом моего прадеда. Артур Фридрихович оказался некоторым собирателем данных о своём роде. Но пока всё ещё не было ясно, как род **Генриха Гальвас** (1840-1908) приходился нам. Притом в то время мы не знали его года рождения, и считали, что старшим сыном его был Фридрих (1869), но потом оказалось, что перед ним были ещё дети.

И вот, 7 февраля 2006 года, Артур Фридрихович Гросс выслал мне схему своего рода, и я стал обзванивать всех и дополнять этот род.

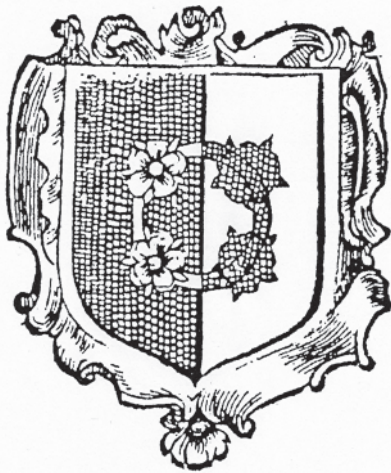
Нелли Робертовна утверждала со слов своего отца, что это род её прабабушки, так как её прадедушка **Георг Генрихович Гальвас** (1858-1924) был женат так же, как и **Людвиг Яковлевич Гальвас** (1864-1925), на своей родственнице, а как её звали, никто тогда не знал. Но проблема ещё заключалась в том, что из тех знаний, которыми я располагал, у Генриха Людвиговича (1840-1908) не было дочерей, замужних на Гальвас. Поэтому я посчитал, что он является, братом моему прадеду, хотя по годам он не очень-то вписывался в род моего прадеда. Но укрепляло меня ещё то, что некоторые внуки наших прадедов говорили, что являются родственниками внукам из рода Генриха (1840-1908), и даже как будто они были троюродными.

Но когда пришли сведения от Берниции Эдвардовны Гальвас-Релинг (1932), то оказалось что, например **Леонтина Готфридовна Гальвас-Гросс** (1906-1996), мать Артура Фридриховича, приходится троюродной сестрой не моей матери, а моему деду **Александру Яковлевичу Гальвас** (1892-1938). Выяснилось также, что Генрих имел отца **Людвиг** и доводился двоюродным братом не моему прадеду **Якову Генриховичу** (1854-1941), а моему прапрадеду **Генриху Михайловичу** (1831-18...).

Также из присланных из Америки данных оказалось, что у Генриха Людвиговича старшим ребёнком был не Фридрих (1869), а его сестра **Катерина** (1862), которая была замужем за своим троюродным братом **Георгием Генриховичем Гальвас** (1858-1924). Отсюда видно, что Нелли Робертовны отец, **Роберт Теофилович** (1912-2003), - был прав.

Генрих Людвигович был, возможно, единственным выжившим из всех детей своих родителей. Но у него родилось и дало потомство 14 детей, и, таким образом, род **Иоганна Людвиг Михайловича** (1803-1841) не вымер и сохранил своё наследие, пережив все трудности жизни.

* Тогда мы ещё не знали их отчеств, т.е. от кого они идут.

Герб фамилии Гальвас (Gallwas).

Прислано Анной Владимировной Гальвас (1974), дочерью Ольги Валентиновны Гальвас (1951):

"Некоторое описание этого герба мне прислал господин Герман-Иоганн Гальва (Hermann Johann Gallois) (1925), который проживает в Германии. Он пишет:

"Венок роз состоит из двух серебряных и двух черных роз. Серебряные розы должны указывать на дворян или дворянство, черные розы – на месть и возмездие против пришедших из Англии в так называемой войне роз (от 1459 до 1485) рыцарей английских домов: Ланкастер (красный цвет) и Йорк (белый)".

Но господин Иоганн-Герман написал также, что он не совсем уверен, что первым обладателем этого герба был прадед рода Гальва".

О происхождении самой фамилии Гальвас.

В Книге "Хронологическая летопись Хеддес-хайма", присланной мне Анной Владимировной (1974), говорится следующее:

"В 1572 году бежавшие из Франции протестанты, гугеноты, прибыли в Германию, в Хеддесхайм. Они были верующими реформатской церкви из Франции, которые и основали находящийся неподалеку посёлок Фридрихсфельд, находящийся в 10 км юго-западнее от Хеддесхайма. Выходцами из Франции многие были по фамилии Гальва (Gallois). Gallois означает на немецком языке - Gallier*. И так должно быть, эти французы называли себя сами, когда их спрашивали о фамилии и происхождении. Фамилия Gallois в настоящий момент в нашем приходе вымерла, но раньше этот род играл в нашей местности большую роль, как это видно из церковных книг. Например, один Gallois был долгое время советником церковного прихода".

Прислано Анной Владимировной Гальвас (1974), дочерью Ольги Валентиновны Гальвас (1951):

"Род, от которого идёт господин Иоганн-Герман Гальва (1925) (Johann Hermann Gallois), который прислал мне некоторые данные по этой фамилии, идёт параллельно нашему роду. В настоящее время они всё также живут в Германии. Пишутся они по-прежнему Gallois, а произносится фамилия "Гальва", без "с", с ударением на второе "а"".

Иоганн-Герман также написал Анне Владимировне, что предки Гальва были родом из восточной Франции. Но после Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 года), будучи протестантами, они переехали жить в Германию.

Если мы возьмём в руки французско-немецкий словарь и посмотрим значение французского слова gallois, то увидим в скобках транскрипцию правильного чтения этого слова (galwa, по русски гальва, галюва). Теперь смотрим, что это французское слово означает на немецком языке.

Первое значение - это walisisch; von, aus Wales.

Второе значение - это Waliser.

Потом берём в руки русско-немецкий словарь и смотрим значение этих двух немецких слов. walisisch означает - валлийский, уэльский,

Waliser означает - житель Уэльса, валлиец, уэльсец.

Теперь если мы наберём в Интернете слово уэльсец, то там даётся следующее определение этого слова - представитель народа Великобритании, говорящий на валлийском языке.

Из этого короткого исследования мы видим, что предками фамилии Гальвас были, скорее всего, валлийцы, они же уэльсцы.

И тут возникает ещё такой вопрос:

А в какой период времени фамилия Гальвас стала писаться в Крыму не Гальва (Gallois), а Гальвас (Gallwas)?

* По русски - галл.

Я сначала думал, что они стали писаться Гальвас (Gallwas) с того времени, как Михаил Георгиевич Гальва (Gallois) (1770-18...) с тремя сыновьями и дочерью эмигрировал из Германии в Россию, на Крымский полуостров, потому что в справочнике Карла Штумппа было записано: Michael Gallois (Gallwas).

Но когда Берниция Эдвардовна Гальвас-Релинг (1932) прислала по почте из Америки архивные данные, то там стояло то Гальва (Gallois), то Гальвас (Galwas, Gallwas). Но я как-то сразу и не вник, что это всё относится к нашему роду, так как я думал, что они со времени заезда и стали так писаться, но, оказывается, не так. В конце сентября 2007 года, когда я разговаривал с Юрием Куртовичем Гальвас (1954), сыном Курта Генриховича (1925)***, тогда он меня побудил задуматься над этим вопросом. Теперь я хочу поделиться некоторыми исследованиями.

Я ещё раз просмотрел копии архивных документов, присланных мне из Америки. И вот, например, когда родился мой прадед Яков Генрихович (1854), записана фамилия Гальва (Gallois), а когда он женился в 1876 году, то уже записана фамилия Гальвас (Gallwas). Таким образом, получается, в период между 1854 и 1876 годами фамилия претерпела окончательное изменение. Теперь этот промежуток надо сузить до минимума. И вот в листе рождения Фридриха (1864), брата моего прадеда, фамилия стоит Гальвас (Galwas) с одной "л", но уже Гальвас. Теперь промежуток сузился на 10 лет. Их сестра Якобина (1867) записана также Гальвас с одной "л".

Но позже фамилия стала писаться Гальвас (Gallwas) с двумя "л". И вот если посмотреть на ниже приведённую таблицу** рождаемости детей Генриха Гальвас (1831-18...) и Фридерики Нусс (1831-1917), то из неё видно, что фамилия изменилась окончательно только между 1856 (или 1858) и 1859 годами. По крайней мере, мне не попадались данные, чтобы фамилия писалась (Gallois) после 1860 годов.

Таким образом, мы видим, что написание фамилии не изменилось сразу же после переезда прадедов в Крым, а это был длительный процесс. Сейчас же, переехав назад из России в Германию, все пишутся по-разному: Gallwas, Galwas, Galvas и возможно даже Halwas.

Поэтому всем, кто носит эту фамилию, может, было бы разумно записаться, как Гальвас (Gallwas).

№	Имя ребенка	Дата рождения	Дата смерти	Отец	Мать
1	Gallois Barbara	28.09.1851	29.07.1857	Heinrich	Nuss Friederike
2	Gallois Jakob	18.08.1854		Heinrich	Nuss Friederike
3	Gallois Andreas	23.09.1856	03.11.1857	Heinrich	Nuss Friederike
4	Johann Georg*	06.04.1858			
5	Gallwas Katharina	00.11.1859	09.01.1861	Heinrich	Nuss Friederike
6	Gallwas Margaretha	02.10.1861	06.10.1861	Heinrich	Nuss Friederike
7	Gallwas Anton	16.12.1862		Heinrich	Nuss Friederike
8	Gallwas Jakobine	19.02.1867		Heinrich	Nuss Friederike

*** Смотри в роде Иоганн-Георга Генриховича Гальвас (1858-1924) на стр. 144.

** Данные в ней не полные и приведены для сравнения, всего у Генриха и Фридерики Нусс было 14 детей.

* Как была записана фамилия Иоганн-Георга при рождении, у меня нет данных, но возможно, что Гальва (Gallois), потому что в этом году ещё попадает такое написание в архивных записях.

От первого известного нам - до того, кто въехал в Крым.

Из исследований мы пришли к тому, что род Гальвасов идёт от фамилии Гальва (Gallois). Возможно, не всем придётся по душе такое звучание и написание, я тоже длительное время привыкал и смирял себя, но это действительность.

В родословной дополненной 10.08.1952 года Франц-Йозефом Гальва (Franz Josef Gallois) (1895-1968), и присланной Анне Владимировне Гальвас (1974) его сыном Германи-Иоганном Гальва (1925) говорится следующее:

"Нижеследующее генеалогическое дерево фамилии Гальва (Gallois) я получил 1 июня 1951 года от Ганны Марии Гальва (Hanna Marie Gallois) из города Линц, который расположен на берегу реки Дунай, в Австрии.

Фамилия Гальва в Геддесгейме (Heddesheim) и в Ладенбурге.

1562* **Этьен Гальва** (Etienne Gallois)**, судебный заседатель в Васси на реке Блезе (сегодня Марне) во Франции.

1562 **Пирре Гальва** (Pierre Gallois)

1659 однажды упомянутый **Антон Гальва** в Геддесгейме (Heddesheim).

1664 **Лоуис Гальва (Людвиг I)**, в Хеддесхайме отмеченный как старший церковнослужитель. Его жена Елизавета Патин (11.03.1660).

Но первым родоначальником из Хеддесхайма, отмеченным документально, является: **Иоганн-Лоуис Гальва (Иоганн Людвиг II)** (1633(34)-21.01.1715).

В списке умерших записано, что он был похоронен 21 января 1715 года в возрасте 81 год и поэтому родился, видать, 1633 или 1634 года. Он был, вероятно, сыном Антона или Людвига I. 30 декабря 1661 года его выбрали дьяконом, и в то же время он оставался в должности заботящегося о голодающих до 1670 года. Время от времени он был учителем. С 1697 по 1699 годы он был старейшиной церкви. Женился Людвиг около 1660 года. Его жену звали Сусанной ... (16...-20.04.1714). Он и его жена были лютеранами, родились и умерли оба в Хеддесхайме.

У Людвига II с женой Сусанной было 9 детей: **Ганс** (17.03.1660-17...) и **Мария** (17.03.1660-17...), **Лоренц** (20.07.1662-17...), **Анна Катарина** (04.10.1663-17...), **Ганс-Валентин** (12.08.1666-13.09.1735), **Анна-Маргарита** (28.01.1669-17...), **Иоганн-Людвиг** (ок. 1674-17...), **Петер** (21.01.1677-17...) и **Сусанна** (24.10.1680-17...)"

*Наша линия идёт дальше от Ганса-Валентина Гальва (1666-1735), а линия Германи-Иоганна Гальва (1925) идёт от Иоганн-Людвига (ок. 1674-17...) и он назвал её "оппенхаймская***". Нашу же линию он назвал "линцевская" и можно добавить "крымская", потому что, как мы дальше увидим, одни переехали в город Линц, который находится в Австрии, а наши прадеды переехали в Таврию, т.е. на Крымский полуостров, в Россию.*

Таким образом, наша линия разделяется с линией Германи-Иоганна Гальва на детях Людвига II, и поэтому в дальнейшем я буду приводить данные из книги "Хронологическая летопись Геддесгейма (Heddesheim)":

"Ганс-Валентин Гальва женился 13 января 1687 года на Ирмгард Шмид (23.02.1665-22.11.1731)

* В этом, а также в трёх ниже приведённых датах, видать приведены даты не рождения, а определённого события, потому что Этьен Гальва, в этом году был уже судьёй. Смотри следующую приведённую ссылку. Опять же, если речь идёт об одном и том же человеке.

** "1 марта 1562 герцог Франсуа Гиз напал на совершавших богослужение гугенотов в местечке Васси (Шампань). Один министр, а также Этьен Гальва и Николай Тильемен, судебные заседатели Васси, были связаны. ... После ужина к герцогу привели капитана Васси и Этьена Гальва. Герцог пригрозил разрушить Васси, если собрания будут продолжаться, и приказал им жить как их предки, посещать мессу, что они и обещали. Министра, Этьена Гальва и капитана продержали всю ночь как преступников.... На следующий день, в понедельник 2 марта, Этьена Гальва, капитана и Николая Тильемена привели в галерею замка Экларон, куда должен был прийти герцог. Прибыв туда, он заставил их встать на колени, чтобы показать благодарность герцогу.... На следующий день капитан, Этьен Гальва и Николай Тильемен под залог были освобождены и отосланы из Васси". Эти данные взяты из Интернет. Если набрать Васси (Vassy) то там будет эта статья на Французском языке. Видать после этих событий или Варфоломеевской ночи (1572) они эмигрировали в Германию.

*** Городок Оппенхайм находится километров в 20 на юг от города Майнца, под Франкфуртом на Майне.

(2847)*. Он и его жена были лютеранами, родились и умерли оба в Геддесгейме. У них был 4 детей: **Анна-Маргарита** (1688-17...), **Симон** (1689-17...), **Иоганн-Людвиг** (29.10.1702-07.06.1786), **Анна-Катарина** (1704-1709).

Иоганн-Людвиг (Людвиг III) Гальва (29.10.1702-07.06.1786) женился 17 сентября 1726 года на Аннете ... Рудольф (14.10.1703-09.11.1776) (2635). Он и его жена были лютеранами, родились и умерли оба в Геддесгейме. У них было 10 детей: **Анна-Катарина** (1726-17...), **Ганс-Генрих** (1727-17...), **Аппалония** (1731-17...), **Анна-Гертрауд** (1733-17...), **Иоганн-Даниель** (1735-17...), **Иоганн-Георг**** (1738-1808), **Лоуиза-Сусанна** (1741-1741), **Филипп-Адам** (1743-17...), **Иоганн-Георг**** (1745-1745) и **Филипп** (1746-18...).

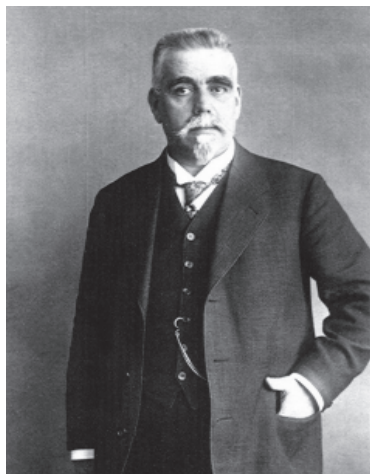
Иоганн-Георг Гальва (25.01.1738-14.04.1808) женился примерно в 1765 году на Анне-Марии Тойч (ок. 1746-25.03.1787). Он и его жена были лютеранами, родились: он в Геддесгейме, а она, возможно, в Кирххайме, умерли оба в Геддесгейме. У них было 6 детей: **Иоганн-Людвиг** (1766-1767), **Людвиг IV** (02.07.1767-27.01.1842), **Михаил** (1770-18...), **Катарина** (1777-18...), **Мария-Елизавета** (1781-18...), **Иоганн-Вильгельм** (1783-17...)"

Но прежде чем перейти к родословной Михаила Георгиевича (1770-18...) хочу упомянуть пару слов о детях Людвига IV. Его потомство со временем переехало жить в Австрию, в город Линц, поэтому его линию так и назвали – "линцевская".

"Людвиг IV был женат дважды. Первый раз он женился 5 мая 1787 года на Анне-Катарине Шефер (23.08.1767-24.11.1794) (2721). Он и его жена были лютеранами, родились и умерли оба в Геддесгейме. От неё у него было трое детей **Франц-Христоф** (04.08.1789-18...), **Катарина Барбара** (17.12.1799-18...) и **Анна Катарина** (27.04.1794-23.12.1794). Второй раз Людвиг IV женился 30 августа 1795 года на Катарине-Маргарите Цеттель (23.02.1775-24.04.1831) (3631), родом она была тоже из Геддесгейма, здесь и умерла. У них было 9 детей.

Франц-Христоф Гальва, рождённый от первого брака 04 августа 1789 года в Геддесгейме около города Мангейм (Mannheim), Германия. У него был сын **Франц-Людвиг фон Гальва** (1831-1868).

Франц-Людвиг фон Гальва (1831-1868) родился в городе Ганау около Франкфурта на Майне, Германия. Он был возведён в дворянское достоинство из-за названных его именем математических формул "Гальва" (по сведениям профессора Штратамайер из Майнца в лагере военнопленных 404 около Марселя во Франции). У него был сын Моритц фон Гальва (Moritz von Gallois) (1859-1928)".

*Моритц фон Гальва (Gallois)
(1859-1928) родился в городе
Линц.*

Сведения из Интернет:

«**Моритц фон Гальва** (Moriz von Gallois) (1859-1928) был сыном известного профессора Франца Людвига фон Гальва из техникума города Франкенберга, в земле Саксонии, Германия. Родился Мориц фон Гальва в городе Линц, который расположен на берегу реки Дунай, в Австрии 28 августа 1859 года. Он был химиком и работал с 1888 по 1926 годы на "Фарбверке Гёхст"***. Умер 2 декабря 1928 года. Старшим сыном Морица фон Гальва был **Рудольф Гальва** (Rudolf Gallois) (11.05.1894-19...) из города Линц. Он был инженером на австрийском азотном заводе в городе Линц".

Эту фотографию мне прислал Герхард Альфредович Мерц

* Это номер, под которым стоит в книге "Хронологическая летопись Хеддесхайма", её отец. Тем, кто интересуется этой и другими фамилиями, могут обратиться к этой книге и там найти, возможно, большие информации.

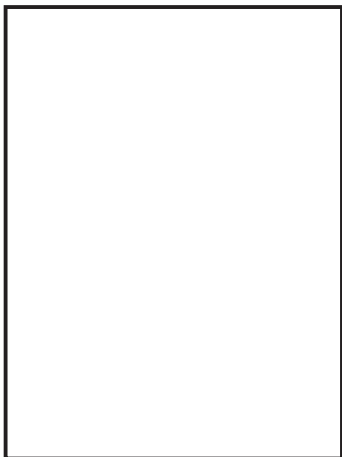
** Здесь, видать, допущена ошибка на Иоганн Георгах. Обычно вторым таким же именем называли тогда, когда первый ребёнок умирал и если при рождении нового ребёнка того же пола, крёстными были те же, а детям давали обычно имя одного из крестного, то его опять могли назвать тем же именем. А здесь пишут, что первый жив, а второго назвали таким же именем. Наверно мы идём от второго, а первый умер или ошибка в именах.

*** Гёхст, так называется часть города во Франкфурте на Майне. Фарбверке - это сегодня большая индустриальная территория, около 4 квадратных км, на которой видать производят различные красители, растворители и т.п..

(1929). Это ещё раз доказывает, что эта линия, и та, от которой мы идём, были в родстве.

И вот мы приходим ко времени, когда родился - **Михаил Георгиевич Гальва (Гальвас)** (*Michael Gallois (Gallwas)*) (09.03.1770-18...). Да, именно Михаил Георгиевич Гальва (Гальвас) со своей семьёй решает покинуть Германию и отправляется жить в Россию, на Крымский полуостров, т.е. в Таврию (Таврическую губернию, к которой тогда принадлежал и Крым). Поэтому назовём эту линию - "крымская".

На следующих пяти страницах я привожу родословную схему детей Михаила Георгиевича Гальва (Гальвас) (09.03.1770-18...) до уровня моего прадеда.

Михаил Георгиевич Гальвас (1770-18...) родился в Германии, в Хеддесхайме.

Михаил Георгиевич Гальвас родился 9 марта 1770 года в Германии, в деревне Геддесгейм* (Heddesheim) рядом с городом Маннгейм (Mannheim) в земле Баден-Вюртемберг.

Женился он 24 июня 1790 года на Елизавете Генриховне Ланденбергер, которая родилась 27 октября 1771 года. Родители её были: отец Иоганн Генрих Ланденбергер, а мать Анна Катарина Ланденбергер (Аугспургер). Елизавета Генриховна родом была из Геддесгейма. Оба были лютеранами, оба умерли в Крыму. У этой супружеской пары было 9 детей, но многие из них умерли младенцами:

"Генрих (09.07.1791-17...), **Иоганн-Михаил** (10.08.1792-25.03.1869), **Иоганн-Георг** (24.09.1794-03.02.1795), **Анна-Мargarита** (14.03.1796-18...), **Анна-Катарина** (02.08.1798-29.08.1798), **Иоганн-**

Генрих (26.01.1800-23.01.1801), **Генрих** (25.11.1801-01.04.1868), **Иоганн-Людвиг** (20.01.1803-19.07.1841), **Иоганн-Николаус** (29.03.1806-20.04.1806). Все они родились в Геддесгейме, в Германии".

Таким образом, из девяти рождённых детей выжили только: три сына: **Иоганн-Михаил** (10.08.1792-25.03.1869), **Генрих** (25.11.1801-01.04.1868), **Иоганн-Людвиг** (20.01.1803-19.07.1841) и дочь **Анна-Мargarита** (14.03.1796-1836?).

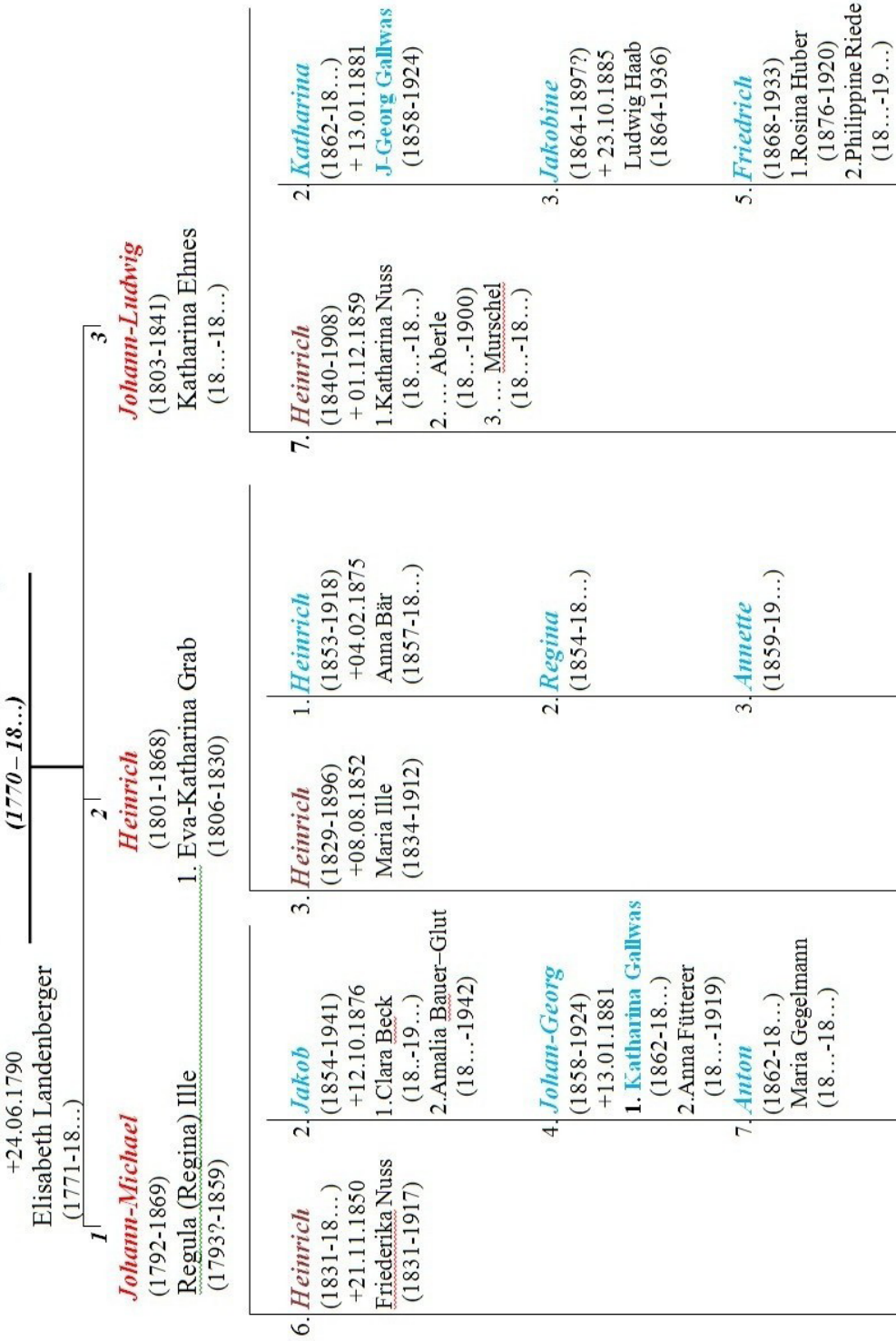
И вот Михаил Георгиевич Гальвас с женой Елизаветой Генриховной и с четырьмя детьми поехали жить в Россию, в Крым, куда по приглашению русского царя Александра I стекались немцы из Германии, Швейцарии и других стран. В книге "Хронологическая летопись Геддесгейма" записано, что "Михаил Георгиевич выехал со своей семьёй 08 июня 1809 года в Таврию (Крым, Таврическая губерния). По профессии был крестьянин-земледелец".

Об этом также зарегистрировано в книге-справочнике Карла Штумппа. Но в ней данные даны не на 1809, а на 1816 год, когда был составлен ревизионный лист, и на странице 936 этой книги стоит: "Цюрихталь, основан в 1804 году (евангелистами), ревизионный лист 1816 года. Жители её были происхождением из Швейцарии (Мерцаль) и Германии (земля Баден-Вюртемберг). Путь передвижения в Россию: Меерсбург - Ульм - Вена - Прессбург. Поселились в Феодосийском районе, в колонии Цюрихталь на Kronkosten".

За эти семь лет с 1809 до 1816 умирает Михаил Георгиевич (1770-18...), а его жена Елизавета выходит второй раз замуж за Людвиг Зинн (1782). Но дети Михаила Георгиевича остались на фамилии Гальвас, о чём свидетельствует запись, сделанная Карлом Штумпп на странице 938. Но где-то в конце двадцатых в начале тридцатых годах XIX столетия Елизавета Генриховна Ланденбергер тоже, видать, умирает, так как 23 ноября 1839 года умирает вторая жена

* Уважаемые читатели, я приношу свои извинения, я точно не знаю, какова транскрипция к слову Heddesheim. В первом издании я по русски писал Хеддесхайм, но я думаю это не правильно. Как и моя фамилия по немецки Heinrichs, по русски звучит Гейнрихс, так и здесь видать надо писать Геддесгейн.

Michael Gallois(Gallwas)

8. Friedrich (1864-1938) + Margaretha Amen (1864-1941)	5. Thomas (1861-1931) + 20.11.1884 1. Margaretha Reibolt (1864-19...) 2. Luise Scheel (18...-19...)	6. Heinrich (1871-19...)
9. Jakobine (1867-vor 1919) Ludwig Gallwas (1864-1925)	7. Johann-Edward (1864-19...)	7. Johannes (1873-1919) Christina Ellwein (1871-1920)
10. Katharina (1869-19...)	8. Johanna (1866-1950) Christian Merz (1861-1945)	8. Jakob (1874-1943) Margaret Fütterer (18...-1942)
11. Ludwig (1871-1842) +06.11.1899 Magdalena Müller (1875-1936)	9. Reinhold (1869-1914)	9. Margaretha (1877-19..)
12. Franz (1872-19...)		10. Anna (1879-19...) Ludwig Haab (1864-1936)
14. Heinrich (1877-1938)	2. Nothburga Gramlich (18...-1868)	11. Gottfried (1880-19...) +28.01.1903 Barbara Huber (1884-1965)
7. Jakob (1833-1874) Dorothea Müller (1832-1874?)	4. Katharina-Barbara (1832-19...) +16.03.1854 Johann Vollenweider (18...-18...)	12. Amette (1882-19...) Tobias Hafner (18...-19...)

<p>6. <i>Ludwig</i> (1864-1925) 1. <i>Jakobine Gallwas</i> (1867-19...) 2. Elisabeth Sigle (18...-1944) 7. <i>Johann</i> (1866-18...)</p>	<p>5. <i>Ludwig</i> (1835-18...) Anna-Dewald Walz (18...18...)</p>	<p>1. <i>Katarina</i> (1860-18...)</p>	<p>13. <i>Barbara</i> (1885-19...) 1. (18...18...) 2. Christian Dubs (1871-19...) 14. <i>Helene</i> (1888-1977) + Philip Walz (1886-1927)</p>
<p>3. <i>Elisabeth</i> (1864-19...) +1882 Wendelin Walz (18...-19...)</p>	<p>2. <i>Rozina</i> (1862-1935) +1884 Michael Bosch (18...1926)</p>	<p>3. <i>Elisabeth</i> (1864-19...) +1882 Wendelin Walz (18...-19...)</p>	
<p>4. <i>Nikolaus</i> (1867-1937) Franziska Faut (18...-19...)</p>	<p>4. <i>Nikolaus</i> (1867-1937) Franziska Faut (18...-19...)</p>	<p>5. <i>Anton</i> (1870-1931) Julia Bub (1865-1930)</p>	
<p>6. <i>Alexander</i> (1874-19...) +1895 Sophie Faut (1872-19...)</p>	<p>6. <i>Alexander</i> (1874-19...) +1895 Sophie Faut (1872-19...)</p>		

<p>6. <i>Regula (Regina)</i> (1837-18...) Phillip Bär (18...-18...)</p>	<p>Drei Kinder Tod</p>
<p>8. <i>Johannes</i> (1841-1910(12)) +19.1 Margaretha Nuss (18...-18...)</p> <p>1. <i>Katharina</i> (1866-18...)</p> <p>Konrad Rapp (18...-18...)</p> <p>2. <i>Alexander</i> (1868-18...) Helene (18...-18...)</p> <p>7. <i>Friederike-Helene</i> (1878-1961) <i>Nathanail Gallwas</i> (1877-1927)</p> <p>8. <i>Annetta-Pauline</i> (1880-19...)</p> <p>9. <i>Emilie</i> (1882-19...)</p> <p>10. <i>Rosina</i> (1887-1966) Bernhard Neff (1885-1938)</p> <p>11. <i>Wilhelm-Jakob</i> (1889-1914)</p>	

10. *Michael*
(1844-18...)

1. *Ludwig*
(1873-1925)
Christine Bensler
(1873-1941)
2. *Heinrich*
(1877-1945)
Margaret Herrmann
(1877-1944(46))
3. *Johannes*
(1875?-1922)
Pauline Mann
(1881-1948)
4. *Margaret*
(1879-19...)
Johannes Boss
(18...-18...)
5. *Wilhelm*
(1881-194...)
Karoline
(18...-1943?)
6. *Eduard*
(1882-19...)
Juliana
(18...-19...)
7. *Alexander*
(18...-19...)
Katrin
(18...-18...)
8. *Regina*
(1887-1970)
Jakob Wiedemeier
(1882-1938)

*Иоганн-Михаил Михайлович Гальвас (1792-1869)
родился в Германии, в Хеддесхайме.*

Старшим сыном Михаила Георгиевича Гальвас (1770-18...) был Иоганн-Михаил Михайлович. Родился он в Германии, в Геддесгейме (Heddesheim) 10 августа 1792 года. Женат он был на Регине (Регуле) Илли (1793-1859) рождённой в деревне Бонитеттен, в Швейцарии.

У них было 8 детей, но многие из них умерли:

***Анна** (1817-1826), **Генрих** (1820-1827), **Пётр** (1822-1823), **Фредерика** (1824-18...), **Магдалена** (1828-1841), **Генрих** (02.01.1831-18...), **Яков** (1833-1874), **Христина** (1835-1835).*

*Отсюда мы видим, что род Гальвас Михаила Михайловича пошёл от двух сыновей: **Генриха** (1831-18...) и **Якова** (1833-1874). О родословной их сестры Фридерики нет возможности проследить.*

Иоганн-Михаил Михайлович умер 25(27) марта 1869 года, а его жена умерла 16(18) июня 1859, оба в деревне Цюрихталь, в Крыму.

Приведённая здесь фотография женщины была обнаружена в альбоме Екатерины Людвиговны Гальвас-Кюне (1889-1982). Под ней авторучкой было подписано "мамина прабабушка".*

После тёти Екатерины этот альбом был у Герты Иоганновны Кюне-Кнауэр (1919-2004), дочери Екатерины Людвиговны. К сожалению, я её уже не застал в живых. У неё был один сын и одна дочь, которые умерли маленькими.

Альбом после смерти Герты Иоганновны был некоторое время у её сестры Гильды Иоганновны Кюне-Пинекер (1931), а сейчас находится у её племянницы Ирмы Яковлевны Дубс-Борис (1949), дочери Ольги Иоганновны Кюне-Дубс (1910-1985).

Как утверждает Ирма Яковлевна: "Эту надпись могла сделать только тётя Герта, и что это её почерк".

*Итак, если эту надпись написала **сама** Герта Иоганновна, то её мать - Катерина Людвиговна Гальвас. Родителями Екатерины Людвиговны являются: отец - Людвиг Яковлевич Гальвас (1864-1925), а мать - Якобина Генриховна Гальвас (1867-19...), двоюродная сестра своего мужа.*

*Значит, прабабушка Екатерины Людвиговны по линии Гальвас будет одна и та же: **Регина (Регула) Илле** (1793?-1859) жена Иоганн-Михаила Михайловича (1792-1869). Значит, если на фотографии женщина по линии Гальвасов, то это Регина Илле (1793?-1859).*

** Смотри в родословной Якобины Генриховны Гальвас (1867-119).*

Фредерика Михайловна Гальвас
(1824-18...), родилась в Крыму,
в деревне Цюрихталь.

Фредерика Михайловна Гальвас (1824-18...) родилась, в Крыму, в деревне Цюрихталь. Она была старшим ребёнком из выживших у её родителей: Михаила Михайловича Гальвас (1792-1869) и его жены Регулы (Регины) Илле (1793?-1859).

Первый раз она была замужем за Генрихом ... Вернер (18...-18...). От него у неё было два ребёнка: **Яков** (1847-18...) и **Мария** (1850-18...).

Второго мужа Фредерики Михайловны звали **Христов Руоф**, от него у неё был сын **Георг Руоф** (1867-18...). Больше о ней пока ничего неизвестно. Поэтому в родословной схеме на стр. 30-34, её родословная не вписана.

Генрих Михайлович Гальвас
(1831-18...) родился в Крыму
в деревне Цюрихталь.

Генрих Михайлович Гальвас родился в Крыму, в деревне Цюрихталь 2 января 1831 года. Женится он 21 ноября 1850 года на Фридерике Нусс. Она родилась 17 сентября 1831 года. Родители её были: отец Фридрих Нусс и мать Барбара Вайднер.

У них было 14 детей: **Барбара** (1851-1857), **Яков** (1854-1941) - мой прадед, **Андреас** (1856-1857), **Иоганн-Георг** (1858-1924), **Катарина** (1859-1961), **Маргарита** (1861-1861), **Антон** (1862-19...), **Фридрих** (1864-1938), **Якобине** (1867-ок.1917), **Катарина** (1869-19...), **Людвиг** (1871-1941), **Франц** (1872-19...), **Вильгельм** (1875-1876), **Генрих** (1877-1938). Когда умер их отец, Генрих Михайлович, неизвестно, а его жена умерла 8 марта 1917 года.

Яков Генрихович Гальвас
(1854-1941) родился в Крыму.
в деревне Цюрихталь.

Яков Генрихович Гальвас (1854-1941) - это мой прадед по линии матери, Фриды Александровны Гальвас (1921-1986).

В свидетельстве о рождении его дочери Марии Яковлевны Гальвас (1880-1944) записаны родители: «Отец Яков Гальвас, рождённый в деревне Цюрихталь, лютеранин; мать Клара Бекк, лютеранка».

Сегодня, 15 августа 2007, года я могу с радостью записать, из присланных мне по почте данных из Америки от Берниции Эдвардовны Гальвас-Релинг (1932) то, что: "Яков Генрихович Гальвас (Gallois) родился* 18 августа 1854 года в деревне Цюрихталь. Женится* он 12 октября 1876 года на Кларе ... Бекк (18...19...). Брак был зарегистрирован в деревне Нойзатц**,

недалеко от города Карассубазар и рядом с деревней Фриденталь".

Насколько теперь известно, у прадеда Якова с женой Кларой Бекк было 7 детей: **Яков** (1877-1920?), **Вильгельм** (1878-19...), **Мария** (1880-1943?), **Иоганнес** (1883-18...), **Юлиана** (1885?-19...), **Эдуард** (1887-1914) и **Александр** (1892-1938).

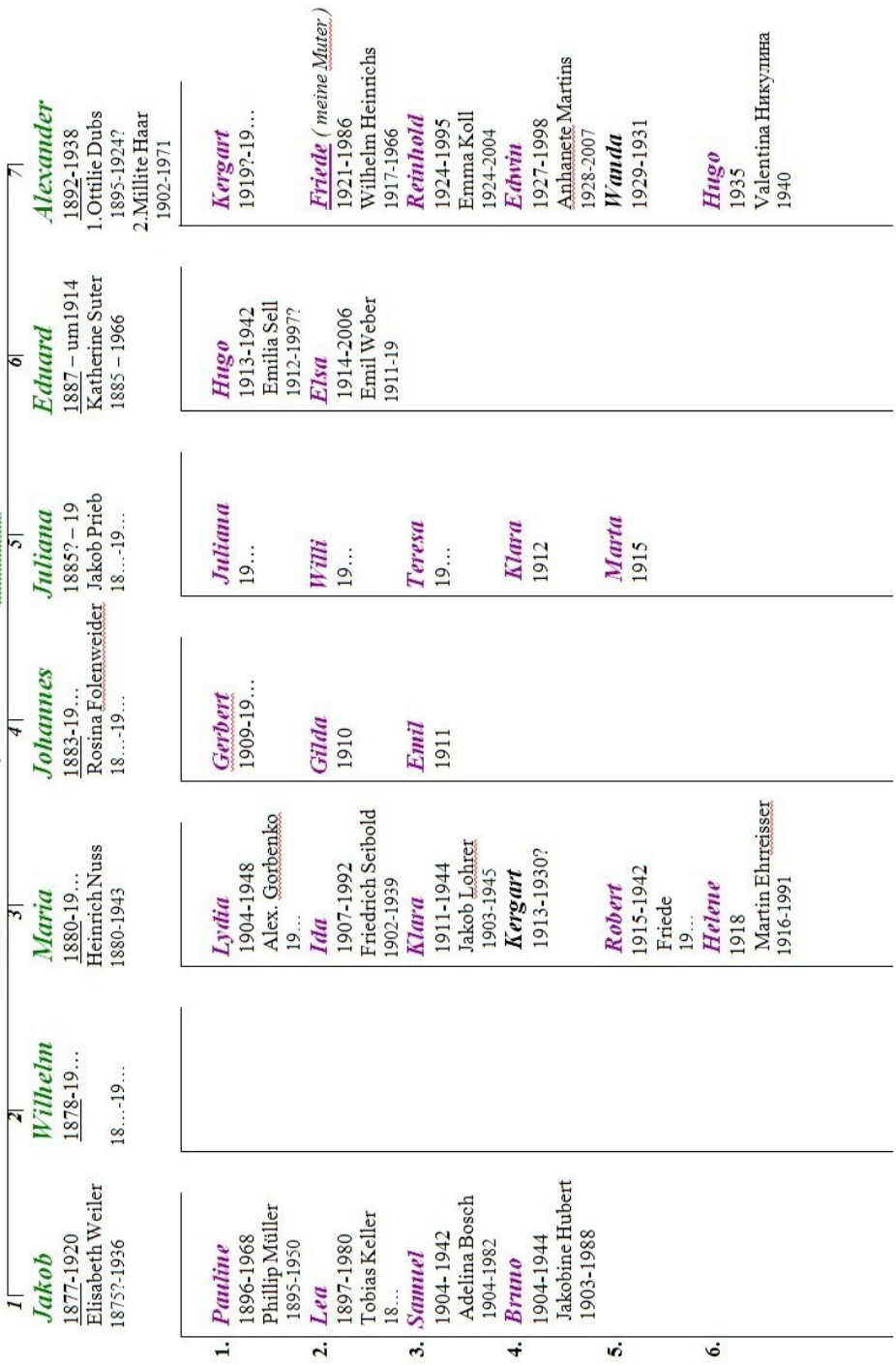
* Смотри архивное подтверждение в приложении на стр. 463.

** Или Нейзати, так как все по-разному произносят и говорят; по-немецки Neusatz, стр. 464.

Jakob Galwas

1854 – 1941
Zürichthal
2. Amalia Bauer (1. Mann Glut, kein Kindervon Amalie)
18...-1942

+12.10.1876
1. Clara Beck
18...-18...

Родословная схема Якова Генриховича Гальвас (1854-1941).

Когда первая жена прадеда по каким-то обстоятельствам умерла, то он женился (или сошёлся) на Амалии ...Бауэр (18... -1941), которая до этого была замужем за Глют. От неё у прадеда Якова детей уже не было. Амалия Бауэр умерла от голода в Казахстане, в Коптектыном районе, в селе Воздвиженка. Из мест рождения детей видно, что прадед Яков переехал в деревню Ней-Либенталь между 1880 и 1883 годами, потому что его дочь Мария родилась в 1880 году в деревне Цюрихталь, а сын Иоганнес родился в 1883 году в деревне Ней-Либенталь.

Из воспоминаний Эльзы Эдуардовны Гальвас-Вебер (1914-2006), дочери Эдуарда Яковлевича Гальвас (1887-1914), внучки Якова Генриховича (1854-1941):

"Старшее поколение до революции было земледельцами. Они имели свои земли и на них работали. Все дети дедушки Якова (1854-1941), кроме младшего сына Александра Яковлевича, к 1930-ым годам жили отдельно. Моему отцу, Эдуарду Яковлевичу, дедушка помог построить дом. Старший сын деда, Яков Яковлевич, в то время тоже жил отдельно в своём доме, в селе Ней-Бауэт.

Где-то после 1914 года мой дедушка Яков был уже в возрасте, поэтому его младший сын Александр Яковлевич был хозяином во дворе. Александр Яковлевич Гальвас был моим крёстным, а у моего брата Гуго крёстными были: Иоганнес Яковлевич Гальвас (брат Якова, Эдуарда и Александра), а также мамина сестра Иоганна, по мужу Хагенлох. Дедушкин сын Иоганнес, к сожалению, умер рано.

А потом пошло раскулачивание. Сначала раскулачили дедушку Якова с младшим сыном Александром, а потом и нас. Так как дедушка переписал всё своё хозяйство на младшего сына Александра, то его оставили в Крыму, а сына со своей семьёй выслали в Архангельскую область. В селе Ней-Либенталь жила семья Гофман, и у них была времянка. И когда моего дедушку со второй женой раскулачили, то дом забрали, а они поселились у семьи Гофман во времянке, и там жили.

Вторая жена деда была до него замужем за мужчиной по фамилии Глют, а девичья фамилия её была Бауэр. От неё у деда детей не было, они были уже старые. Она была близорукая. Так дедушка Яков и жил со второй женой во времянке у Гофманов, в селе Ней-Либенталь, до 1941 года, а потом во время войны вместе со всеми в августе того года был выслан из Крыма. Ему тогда было уже 89 лет. Одного брата дедушки звали Георг, а другого Людвиг. Георг жил в селе Ней-Либенталь, напротив дедушки Якова. Остальные братья жили далеко, и поэтому я не помню, как их звали и что с ними было".

Из воспоминаний Лины Яковлевны (1924), дочери Якова Людвиговича Гальвас (1893-1937):

"Когда мы жили в деревне Конград, наш отец был в то время там председателем. В то время, семья Эдуарда Яковлевича (1887-1914) переехала жить после раскулачивания в нашу деревню. Поэтому дочку дяди Эдуарда Эльзу я знаю хорошо. Я также помню, что к ним в гости приезжал Эльзын дедушка Яков*. Он жил у них некоторое время и также приходил к нам. У нас была швейная машинка "Зингер", и Эльзын дедушка шил моему отцу брюки".

Из воспоминаний Роланда Яковлевича Лорер (1931), правнука Якова Генриховича Гальвас (1854-1941):

"Когда нас в августе 1941 года выслали из Крыма, мне было 10 лет. Со мной были мой прадед Яков Генрихович Гальвас, ему тогда было уже 89** лет и его вторая жена, а также мои дедушка и бабушка: Генрих Нусс с женой Марией Яковлевной Гальвас, им тогда было по 61 году. Ещё с нами был Рейнгольд*** Александрович Гальвас (1924-1995), моей матери Клары, двоюродный брат, ему было тогда 17,5 лет - всего нас было шестеро.

Во время депортации прадед Яков умер по дороге, на Кавказе его уже не было. Три дня его тело возили в поезде, между телячьими вагонами, на тормозной площадке. Рейнгольд Александрович и дед Генрих Нусс бегали, добивались, чтобы сдать умершего, но не на одной станции его тело не принимали. И только в третьем городе приняли. Его положили на перрон, а поезд тронулся дальше. Где прадед Яков похоронен, теперь неизвестно.

* *Ведь он был дядей тёти Линыному отцу Якову Людвиговичу и родным братом её бабушки Якобины Генриховны (1867-19...).*

** *Дело в том, что тётя Эльза и Роланд Лорер ошиблись на два года, потому что в архивных данных, присланных из Америки Берницей Эдвардовной, стоит 1854 год рождения, а из их слов выходило - 1852 год.*

*** *Рейнгольд Александрович - родной брат моей матери.*

Мы же со временем попали в село Воздвиженка, Коптектынского района Семипалатинской области. Там похоронены: прабабушка Глют, рождённая Бауэр, бабушка Мария Яковлевна Гальвас-Нусс и др."

Из воспоминаний Оскара Рейнгольдовича Гальвас (1951), моего двоюродного брата, он сын Рейнгольда Александровича Гальвас (1924-1995):

"Помню, отец рассказывал, что когда их депортировали из Крыма, и когда они уже ехали на поезде, то прадед Яков Яковлевич заболел диареей. А так как лекарств не было, то помочь ему ничем не смогли. Так он и скончался, где-то в районе города - Елиста, не доезжая Кавказа".

Из воспоминаний Нелли Филипповны Миллер-Губер (1923), правнучки Якова Генриховича Гальвас (1854-1941):

"Прадед Яков часто был у нас в гостях в Дармштадте, с внуком Рейнгольдом, сыном Александра Яковлевича (1892-1938) от первой жены (моей матери брат). Прадед по неделям жил у нас, был большой и уже пожилой".

Из записей Оскара Генриховича Гальвас (1918-2001), сына Генриха Георгиевича Гальвас (1889-1934):

"Деревня Ней-Либенталь была очень красивая, крыши домов были покрыты красной черепицей. Вдоль дороги были белокаменные ограды с воротами и калитками. Тротуары были выложены кирпичом. Вдоль дороги росли акации, серебристые тополя, сирень, яблони, груши, вишни, абрикосы и другие деревья. За деревней протекала самая большая река Крыма - Салгир. Её берега были обсажены вербою, фруктовыми деревьями. Всё лето там купались жители деревни, а также они купали в ней лошадей, гоняли к ней гусей. Бывало так, что в Салгире тонули люди. Однажды, спасая овцу, потонул чабан. Теперь же и следа нет от этой реки, как будто её здесь никогда и не было. А раньше мы по вечерам пускали по течению реки костры, пели песни, играли. В праздники проводились соревнования: я тоже получал призы за первое место по бегу, а также по бегу на ходулях.

В 1931 году был образован колхоз, и когда-то цветущая деревня Либенталь пришла в упадок до неузнаваемости: ограды, надворные постройки, деревья - всё исчезло. И я не могу понять, куда всё делось. Последний раз я был в деревне Ней-Либенталь в 1973 году".

Из воспоминаний Курта Генриховича Гальвас (1925), сына Генриха Георгиевича Гальвас (1889-1934):

"В 1930-х годах электричества ещё не было, поэтому пользовались керосиновыми лампами. Эти лампы подвешивали к потолку, и она освещала весь дом. Печку топили соломой, которую заносили в дом в корзинах. Один сидел и подкидывал её в печь, а мать готовила кушать. А потом, когда печь хорошо прогрелась, мать пекла в ней хлеб на всю неделю. Однако колхоз не всех мог обеспечить соломой, поэтому ходили в степь, собирали курай (бурьян) и складывали его в скирды, а потом зимой топили. Жару от него было больше".

*Яков Яковлевич Гальвас
(1877-1920?) родился в Крыму,
в деревне Цюрихталь.*

Яков Яковлевич – старший брат моего деда Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938).

Сегодня, 15 августа 2007 года, я могу точно записать, из присланных мне по почте данных от супругов Берниции Эдвардовны Гальвас-Релинг (1932) из Америки, что: "Яков Яковлевич Гальвас родился 21 февраля 1877 года, в Крыму, в деревне Цюрихталь".

Он был женат на Елизавете Вайлер (1875?-1936). У них было 4 детей: Полина (1896-1968), Лея (1897-1980), и двое двойняшек (или близнецов) - Самуил (1904-1942) и Бруно (1904-1944).

Из воспоминаний Нелли Филипповны Миллер-Губер (1923), внучки Якова Яковлевича Гальвас (1878?-1920?):

"Моя мама Полина рассказывала: "Мой отец Яков Яковлевич Гальвас был старшим сыном у деда Якова. У деда была горничная Елизавета Вайлер (1875-1936). Она была из бедной семьи, так как у её родителей было много детей. Поэтому Елизавета пошла работать к деду Якову. И вот на ней потом и женился мой папа. После женитьбы они жили с семьёй в селе Ней-Баяуте". Когда дедушка был уже женат, и у них было двое детей: моя мама Полина (1896-1968) и её сестра Лея (1897-1982), тогда моего деда Якова забрали служить в армию*".

Из воспоминаний Нелли Филипповны Миллер-Губер (1923), внучки Якова Яковлевича Гальвас (1877-1920?):

"В это время моя мама, Полина, жила со своей матерью Елизаветой, а тётя Лея жила у прадеда Якова. Прадед, как потом рассказывала тётя Лея, говорил ей: "Придёт такое время, и вы все вернётесь в Германию".

После армии дед Яков продал землю, которую ему выделили родители, и купил мельницу. На мельнице работал он, его семья, а также дедушка нанимал рабочих. Моя мама Полина пекла хлеб и варила кушать для рабочих.

Мама ничего не рассказывала о прошлой жизни, а тётя Лея рассказывала. Например, она говорила: "У моего отца Якова была машина. И как-то, когда мы ехали по дороге, я выпала с машины, и потом меня все искали".

Дед Яков был плотный мужчина. Однажды, распарившись после тяжёлого труда, он взял стул и сел около двери на сквозняке. После этого он заболел воспалением лёгких. Пока болел, в бреду, всё погонял лошадей кнутом, пока не скончался. Умер он летом. У моей мамы тогда было только двое детей: Эдмунд и Мелита, а меня ещё не было".

Из воспоминаний Арнольда Бруновича Гальвас (1924), сына Бруно Яковлевича Гальвас (1904-1944):

"Бабушка умерла, когда жила у отцовской сестры, в Биюк-Онларском районе. По-моему, во время голодовки в 1930-х годах. Она уже была тогда седая, и последнее время болела".

Из воспоминаний Нелли Филипповны Миллер-Губер (1923), дочери Полины Яковлевны Гальвас-Миллер (1896-1968):

"Моя мама Полина родилась, наверное, в Ней-Баяуте, это 1 км от села Ней-Либенталь. Из дома, который был в Ней-Баяуте, я помню, нас депортировали из Крыма. В этом доме родились и выросли все дети деда Якова. В этом доме у дядьки Самуила была свадьба. Я помню, мой брат Витя был маленький, и меня взяли с собой, чтобы я с ним нянчилась. Это было осенью, наверное, 1929 года.

Моя мама нигде не училась. До замужества работала на мельнице отца. Пекла хлеб и варила для рабочих. Я всё её спрашивала: "Как вы отца нашли?" Она говорит: "Раньше как было. Вот там такая-то девушка живёт, поехали, засватаем. Приехали и засватали".

* Дело в том, что в 1861-1874 годах была проведена серия военных реформ. В 1874 году был издан устав о всеобщей воинской повинности, который в корне изменил порядок пополнения войск. При Петре Великом все сословия привлекались к военной службе. По законам XVIII века дворянство постепенно было освобождено от воинской повинности, и рекрутчина стала участью не просто низших слоев населения, но беднейших из них, так как те, кто побогаче, могли откупиться, наняв за себя рекрута, того, кто служил за него. Такая форма воинской повинности легла тяжким бременем на плечи бедных слоев населения, потому что срок службы в то время был 25 лет, то есть кормильцы, уходя из дома, покидали его практически на всю жизнь, и тогда крестьянские хозяйства разорялись со всеми вытекающими отсюда последствиями. По новому закону, призываются все молодые люди, достигшие 21 года, но правительство каждый год определяет необходимое число новобранцев, и по жребию берет из призывников только это число (обычно на службу призывалось не более 20-25% призывников). Призыву не подлежали единственный сын у родителей, единственный кормилец в семье, а также если старший брат призывника отбывает или отбыл службу. Взятые на службу числятся в ней: в сухопутных войсках – 15 лет: 6 лет в строю и 9 лет – в запасе; во флоте: 7 лет – действительной службы и 3 года – в запасе. Для получивших начальное образование срок действительной службы сокращается до 4-х лет, окончивших городскую школу - до 3-х лет, гимназию - до 1,5 года, а имевших высшее образование - до полугода. Из этого закона можно предположить, что её дед Яков служил 4 года, так как он, скорее всего, имел начальное образование.

Полина Яковлевна Гальвас (1896-1968) с мужем Филиппом Густавовичем Миллером (1895-1950) и детьми: Эдмунд, Мелита, Нелли, Эдгар и Рейнгольд.

Полина Яковлевна Гальвас-Миллер (1896-1968) родилась в Крыму, в деревне Ней-Баяуте. Замуж вышла в 1916 году за Филиппа Густавовича Миллера (1885-1950). Жили в деревне Дармштадт, где у них и родились 7 детей: **Эдмунд** (1917-1982), **Мелита** (1919), **Бертгольд** (1921-1921), **Нелли** (1923), **Эдгар** (1924), **Рейнгольд** (1926-2004) и **Виктор** (1929).*

Филипп Миллер был из средней семьи - и небогатой, и небедной. После свадьбы родители жили в деревне Дармштадт (Чолбаши), где жили все Миллеры. Рядом была деревня Ней-Дорф и Кулоба. Когда начались колхозы, отца выбрали председателем в Дармштадте, а мама работала дояркой. Привезли десять коров, и она их доила. Это я хорошо помню, мне тогда было уже 6 лет, и я ходила с ней, училась

дойти.

Бабушка Миллер, мать моего отца Филиппа, жила в то время со вторым мужем. Первый муж умер рано ещё в 1918 году. В 1930 году их раскулачили и деда забрали. Отец поехал, чтобы помочь собрать остатки вещей и привезти вещи и бабушку к нам. Только все вещи собрали, загрузили на подводу, хотели утром выехать. Но ночью пришли и забрали, и бабушку, и моего отца, Филиппа. Это несмотря на то, что он был председателем. На следующий день мы ждём, ждём, а их нет и нет. Потом сказали, что их забрали. Тогда весь колхоз стал писать, и через полтора месяца отца выпустили. А бабушку, так как они были богаты, ещё оставили. Она долго была в заключении, наверно, 10 лет отбыла. Потом старший брат отца Александр поехал и забрал её в Дармштадт, и она с ними там жила, пока не выехали в Казахстан.

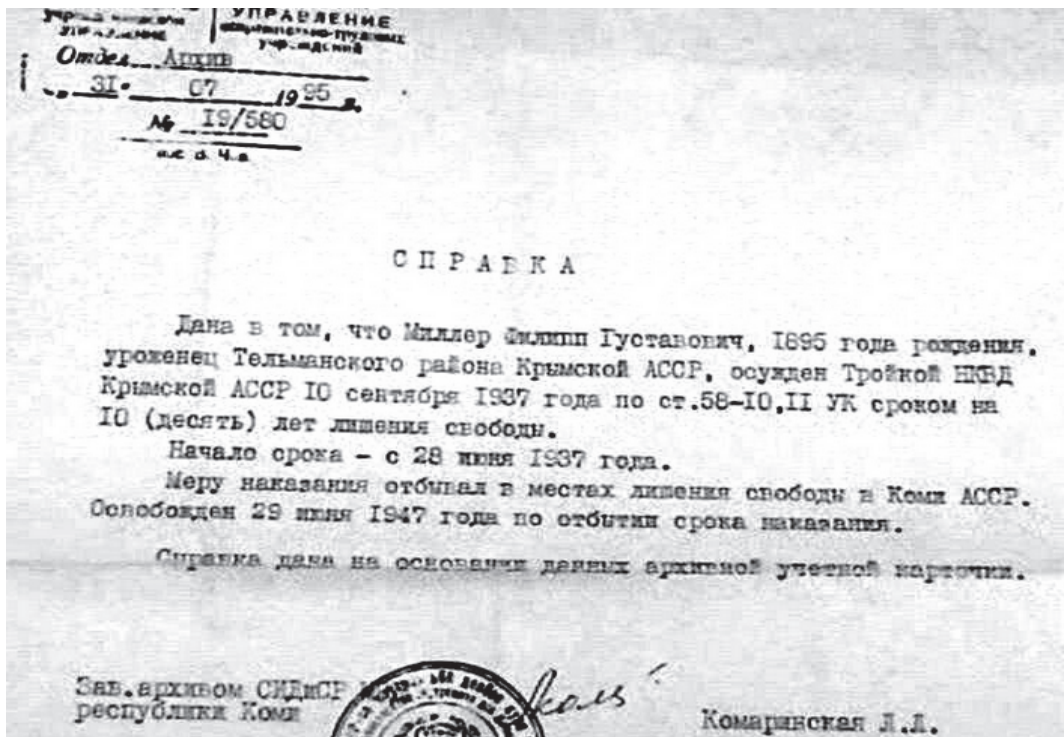
После этого отец от председательской должности отказался и работал трактористом - машинистом в колхозе, а также на установке "тамфор". Эта установка была стационарной и обмолачивала зерно, а солому и полосу отделяла. Потом отец работал почтальоном, развозил почту, а позже работал сторожем на бахче. Оттуда, с поля, его во второй раз и забрали, в 1937 году. Привезли домой, всё перерыли. Искали доказательства связи с границей. Ничего не нашли, но отца всё равно увезли. А брата отца, Александра, забрали раньше. У него в доме проходили церковные службы, т.к. в Дармштадте не было церкви. Для этого к ним приезжал пастор. Может, по-этому его и забрали. Отца осудили на 10 лет.

Срок он отбывал в Коми АССР, в городе Сыктывкар (начало срока в Устьвымлаге). По этому адресу мы с ним переписывались до 1941 года, а потом потерялись, т.к. нас в 1941 году тоже выслали из Крыма. Кроме того, в то время была цензура. Письма вскрывали и проверяли, что там писали. Бывало, приходили такие письма, что пол письма было зачёркнуто. Если какое слово подозрительно, или если писал, что кормёжка плохая, это зачёркивалось.

Папа отсидел срок, как говорится почти день в день. Когда окончился срок, открыли ворота - иди. А куда? Где семья? Ни денег, ни семьи, ни чего. "Иди в Казахстан, немцы в основном, там," - сказали ему.

Пришёл в Казахстан в Келеровский район, Кокчетавской области. Устроился в одном из колхозов, чтобы заработать на жизнь и хоть как-то прокормиться. Потом начали в Казахстане строить дорогу Моинты - Чу. Со всего Казахстана набирали людей. Готовили кирки, лопаты, повозки. Лошадей брали в колхозе Чистополье, чтобы землю возить. Каждый район должен был определённый участок построить. И отец тоже работал на этой железной дороге и у всех спрашивал: "С Крыма есть? С Крыма есть?" Кого не спросит, никто не знает.

** Хотя близнецы Якова Яковлевича: Бруно и Самуил, по архивным данным родились в деревне Ней-Либенталь (Новоселье). Скорее всего сельский совет был в деревне Ней-Либенталь, а родились они в Ней-Баяуте; эти деревни находились в километре друг от друга.*

И вот уже закончили дорогу строить, все собираются домой. То там, то тут валяются лопаты, кирки. Отец стал ходить подбирать их, чтобы был порядок. Вот идут трое девчат. Он думает: "А, всё равно, крымских нет", а потом вдогонку крикнул: "Крымских нет?". Одна повернулась и говорит: "Я с Крыма". Она оказалась дочерью двоюродного брата. Она сказала: "Не знаю точно, где ваши живут, но где-то в окрестностях села Гаршина. Туда идите". Гаршино находилось от села Ялты, Кокчетавского района, где жили мы, в 15 км".

*Виктор Филиппович Миллер
(1929) с женой Лилией Губер
(1932).*

Из воспоминаний Виктора Филипповича Миллер (1929) сына Полины Яковлевны Гальвас-Миллер (1896-1968):

"В Крыму жили без отца, т.к. его, по осуждению тройки НКВД, посадили на десять лет в тюрьму. После освобождения пошёл в Казахстан разыскивать семью. В одном колхозе его направили в Гаршин.

Уже была осень 1947 года. Одним из вечеров он шёл через речку по мосту. А на мосту стояла мельница водяная. И я как раз в тот вечер находился в этой мельнице. Отец прошёл по этому мосту и в селе Чистополье переночевал, а наутро пошёл дальше, в Гаршин. А если бы знал, что я там? Или зашёл бы и спросил про нас? А то получилось так, что пришлось идти так далеко в Гаршино, а потом с Гаршина пришёл к нам в Ялту, и там уже он нас нашёл".

Из воспоминаний Нелли Филипповны Миллер-Губер (1923), дочери Полины Яковлевны Гальвас-Миллер (1896-1968):

"... однажды утром отец, проснулся, сел на кровать, одеться не может. Мама Полина спрашивает: "Что, рукава не найдёшь?" Он молчит. Потом видит, рот перекошен, одна рука висит,

и нога не действует. Инсульт. Видать, много переживал. Пришёл 7 ноября, уже поправился немного, и тут такое случилось. И так ещё три года жил, понимал всё, а говорить не мог, и потом умер в 1950 году.

*Нелли Филипповна Миллер (1923)
с мужем Гильдеберт Губер (1930)
и с сыном Виктором (1945).*

Родилась я в мае 1923 году в деревне Ней-Дармштадт (Чолбаша)*. Здесь прошло моё детство. В школу пошла уже в 1932 году, в 9 лет, так как я была худенькая, маленькая и учитель сказал: "Оставайся ещё дома, каши покушай, а на другой год придёшь". И так, я пошла в школу на другой год и окончила пять классов. Первые три класса я окончила в нашей деревне. А четвёртый класс был только в деревне Берлин, и здесь же был интернат. В нём я жила и училась. А в пятый класс я ходила в деревне Ней-Манн, там тоже был интернат. Потом, когда я уже работала, в нашей деревне Чолбаша, тоже открыли 4 и 5 класс. В Крыму я говорила только по немецки.

В 1937 году, когда отца забрали, я сказала: "Больше я в школу не пойду. Пойду работать". И с этого года я стала работать в колхозе "Дружно", который был при деревне Чолбаша. В то время у нас в Крыму выращивали хлопок, кукурузу, лук, был также баштан с арбузами и дынями.

Осенью собирали урожай и продавали в городе Симферополе.

Там был от колхоза ларёк, и председа-тельница муж продавал всё в этом ларёке, а нам потом на трудодни давали деньги. В общем, работали на поле. Работы было много, и полоть надо было, и особенно много было заботы с хлопком. В Крыму выращивали не высокие сорта хлопка. Чтобы он рос не вверх, а в ширину, мы прищипывали ему верхушку. Это делали потому, что хлопок мы собирали вручную, а если бы он был высоким, мы его не смогли бы собирать. Хлопок рос так: сначала появлялись коробочки, потом на них, как у мака, образовывался желтоватый цветок. Когда цветок отцвел, коробочка созревала, раскрывалась, и из неё тогда показывался сам хлопок - вага белого цвета, которую нужно было собирать. Так я до 1941 года работала на колхозном поле, а мама Полина работала дояркой.

В августе 1941 года нашу семью депортировали из Крыма, со станции Курман (сейчас это станция Урожайная). Нас было четверо: мама Полина, я, и братья: Виктор и Эдгар. Старший брат Эдмунд уже отделился и имел свою семью. Женат он был на Герте, и в то время у них был один ребёнок.

Почти все люди из деревни Дармштадт были выселены из Крыма, так как в нём были почти все немцы, и всего пару семей русских. Нам сказали: "Через три месяца война закончится, и вы вернётесь". Мы оставили ключи от дома и все вещи - всё! На человека нам разрешали брать не больше, чем 20 кг.

Вывозили из Крыма в телячьих вагонах. Как начали загружать в вагоны, мужчины пошли, нашли досок, закинули в вагон, а потом, пока ехали, делали каждому нары. На нарах потом и спали. Ехали долго, так как поезд больше стоял, чем ехал, потому что часто пропускали военные составы. Пол часа везут, потом в тупик загонят, и стоим, час другой. Пока поезд стоял, мы варили себе кушать на костре. Пока найдешь, чем костёр разжечь, а потом, пока закипит вода в кастрюльке, а тут уже кричат: "По вагонам!" Доварилось, не доварилось, хватаешь кастрюлю – и в вагон. Полчаса проехали, опять стоим. На следующей остановке довариваем. Так, иногда с утра начнёшь варить, а вечером закончишь. А в поезде, моего будущего мужа Гильдеберта, им кушать давали. Получать паёк ходили на станцию, потом приходили, делили и кушали в вагоне. Привезли нас в Казахстан, в Кокчетавскую область, Рузаевский** район, село Ялта.

* *Смотри план деревни в приложении на странице 467.*

** *Рузаевский район после войны переименовали в Чистопольский, Петропавловской области.*

В 1942 году я заболела тифом, поэтому в трудармию меня сразу не забрали. А когда уже я выздоровела, тогда в апреле 1943 года меня забрали в трудармию, в Пермскую (раньше была Молотовская) область, Соликамский район.

В Соликамске нас выгрузили, и два дня мы шли пешком в лес. Нас было 80 девчонок. В лесу нас постоянно переводили с одного лесоучастка на другой. Также постоянно отбирали, кто посильней, направляли на рубку леса, а кто слабее, на другую работу. Потом мы жили уже километров 200 от Соликамска, прямо в лесу. А дочери тётки Кати Гальвас-Кюне - Элла и Ирма, находились ближе к Соликамску, они строили бумажную фабрику, а мы были дальше, так как позже приехали.

Сначала мы строили узкоколейку, по которой потом на вагонетках, которую тянула пара лошадей, вывозили из леса брёвна. Одни валили брёвна в лесу, другие складывали их в штабеля, а мы, четыре девчонки, с этих штабелей грузили брёвна в вагонетки, и по узкоколейке лошадьми вывозили их из леса.

Но там мы работали недолго, потом нас отправили валить деревья в лесу. Здесь мы работали уже по трое. Я работала с двумя женщинами: двое пилили и валили дерево, а третья обрубала ветки. Так сначала навалим деревьев, сколько положено было по норме, а потом помогаем обрубать ветки. Ветки надо было складывать на кучу, а они были такие большие и тяжёлые, что втроём еле тянули. Зимой приходилось работать по пояс в снегу. Готовые брёвна на санях свозили к речке и складывали в штабеля, а когда наступала весна, тогда сплавляли брёвна по реке, куда надо было.

А кормили нас гороховой баландой, гороха мы и не видали, только шелуха сверху плавала, и давали 500-600 грамм хлеба. Иногда давали рыбу - камбалу.

Так мы работала до 1946 года, а в марте месяце уже стали отпускать домой. У меня был на руках ребёнок, Виктор, который родился в октябре 1945 года. И когда пришёл приказ, чтобы тех, у кого были дети, отпустить домой. Некоторые образовывали семьи и остались там жить, а я с сыном Виктором поехала домой к матери, в Кокчетавскую область.

В нашем селе Ялта, Рузаевского района жил Гильдебарт Губер, он дружил с моим братом, часто бывал у нас. И как-то в 1953 году он пришёл к нам и говорит: "Завтра я приду, засватаю тебя". На следующий день мы расписались и стали жить вместе, и вот до сегодняшнего дня живём. В Ялте я работала дояркой, а Гильдебарт трактористом. В 1966 начали строить свой дом. В Германию приехали в 1999 году".

*Лея Яковлевна Гальвас-Келлер
(1897-1982), родилась в Крыму,
в деревне Ней-Баяут.*

*Лея Яковлевна Гальвас-Келлер (1897-1982), родилась в Крыму, в деревне Ней-Баяут. Замужем была за Тобиасом ... Келлер (18...-19...), жили они в деревне Мешен. У них было 3 детей: **Валентин** (1922?-19...), **Кергарт** (1923-194...) и **Эдуард** (1932?-19...).*

Из воспоминаний Нелли Филипповны Миллер-Губер (1923), дочери Полины Яковлевны Гальвас-Миллер (1896-1968):

"Тётя Лея Яковлевна была родной сестрой моей матери, Полины Яковлевны Гальвас. Тётя Лея была грамотной женщиной. Она училась в школе для девочек и окончила её. Замужем она была за Тобиасом ... Келлер. Жили они в деревне Мешен. В Мешене родились их дети: Валентин (1922?-19...), Кергарт (1923-194...) и Эдуард (1932?-19...).

Когда они жили в посёлке Биюк-Онлар, тётя Лея работала в военкомате. Потом переехали в село Курман-Киялши, там она тоже работала в военкомате. В Курман приехали они ещё вместе с

мужем, а потом дядьку Тобиаса забрали, и её начали преследовать. Тогда она уехала в город Джанкой и жила там до 1941 года, а работала в столовой.

В августе 1941 года её, как и всех немцев, выслали из Крыма. Город Джанкой относился к другому району, поэтому она попала при высылке в другой эшелон и ехала не с нами. И с этого года мы потерялись, и не помню даже, в каком году мы её нашли. А нашла я её через одну девушку, которая была со мной в трудармии. Тётя Лея, оказывается, при выселении из Крыма попала в город Тургай, возле города Ерментау, Акмолинской* области. Там тётя Лея работала в больнице. А потом она где-то возле шахты посадила с тремя женщинами сад. Потом она работала в этом саду - ухаживала за ним, разводила цветы. Она всегда говорила: "Это мой сад, я его вырастила".

Наверно, где-то в 1960 годах она переехала в Ерментау.

Сын тёти Леи, Эдуард, работал бурильщиком в шахте в городе Тургай. Зарабатывал не плохо. Делал по две-три нормы. Была своя машина. В общем, жили хорошо, был способный парень. И вот в одно прекрасное время послали его учиться в город Свердловск, на инженера. Во время учёбы он женился на девушке по имени Феня.

А потом, когда они приехали со Свердловска и стали жить в городе Ерментау, тогда он стал пить, и пить, и пить. И она с ним пила. Потом жена Феня с детьми ушла от него и переехала в город Целиноград к дочке. Через некоторое время и он тоже туда переехал. У него была своя комната, и он с друзьями там пил.

Тётя Лея болела уже в то время сахарным диабетом и поэтому плохо слышала. Она продолжала жить в городе Ерментау. Потом она ушла жить к внучке Оле. У внучки было трое детей, и ей тяжело было там. Приходилось таскать её маленьких детей, а ей было уже около 80 лет. И тогда она написала нам: "Заберите меня к себе, а то я умру здесь". Ну, мы её забрали, и она жила четыре года у нас в Ялте, Кокчетавской области. А потом заскучала и захотела ехать назад. Внучка Оля написала, что заберёт её в субботу, а в какую – не написала. Тётя Лея стала отправлять к ней посылки с вещами, оставила только одежду на случай смерти и так, сменную. И вот каждую субботу она садилась на крыльцо и ждала. Так у нас она и умерла, не дождавшись, внучки.

Тётя Лея всё записывала, она была грамотной и вела дневник о жизни. После её смерти дневник осталась в чемодане, на чердаке у нашего сына. Но его жена всё, видать, сожгла".

*Бруно Яковлевич Гальвас
(1904-1944) родился в Крыму,
в деревне Ней-Баяут*

*Бруно Яковлевич Гальвас родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Новоселье) 31 июля 1904 года**. Женится он в 1923 году на Якобине Эммануиловне Губерт (1903-1988). У них родилось 4 детей: Арнольд (1924), Элла (1926-2000), Ольга (1927) и Вильма (1930).*

*Из воспоминаний Вилмы Бруновны Гальвас-Шефер (1930),
дочери Бруно Яковлевича Гальвас (1904-1944):*

"Мой отец Бруно Яковлевич жил с семьёй в деревне Ней-Баяут, в Крыму, была в 1-1,5 км от Ней-Либенталья, а город Джанкой был 30 км от него".

Из воспоминаний Арнольда Бруновича Гальвас (1924), сына Бруно Яковлевича Гальвас (1904-1944):

"Мой отец Бруно женился в 1923 году на Якобине Эммануиловне Губерт (1903-1988). В 1924 году у них родился я, Арнольд, потом сестры Элла (1926-2000), Ольга (1927) и Вильма (1930).

До колхозов отец работал на земле. У него была своя сеялка, телеги, мельница, которая досталась от отца Якова. Всё наше хозяйство находилось под одной крышей. Дом, амбар, мельница, сарай для скота, всё было, как продолжение от одного к другому. В хозяйстве были лошади, скот, птица.

** Потом это была Целиноградская область, а теперь Астанинская.*

*** Сведения взяты из архивных данных.*

Зерно обрабатывали на своей мельнице: и своё, и то, что люди просили.

Дом состоял из: гостевого зала, родительской комнаты, детской комнаты, отдельно комнаты для отцовской матери. Также был длинный тёплый коридор от зала до самой кухни, с выходом на летнюю террасу. Кухня была на ширину всего дома и длиной метров 10. Дома в то время делали из красного морского песчаника. Его заготавливали где-то около моря, а потом привозили и строили дом. Стены внутри и потолок штукатурили, а потом белили. На потолке, там, где висела керосиновая лампа, был сделан большой круг из гипса. Лампа была большая, литров на пять, с круглым фитилём. Светила она очень хорошо, так что в комнате было достаточно светло.

Печка была обложена большим кафелем и обогревала все комнаты. Дымоходы были широкие, от трёх до пяти колодцев. Печку топили дровами, которые заготавливались из дерева акации, а также соломой и кизяком. Уголь в наши края не завозили. Когда печку надо было хорошо протопить, например, чтобы печь хлеб, тогда один сидел и постоянно подбрасывал в неё солому. Для этого дела была выделена специально скирда. Также были сплетённые из ивы корзины, в которых солому приносили в дом. Корзину ставили около печки, скручивали солому в жгуты и подкидывали в печь вместо дров. Поэтому в доме было тепло, можно было печь хлеб и в то же время чисто. Вообще раньше в Крыму зима была нехолодной. Когда начались колхозы, то мельницу у отца отобрали, а он работал в колхозе председателем сельсовета.

Через некоторое время его сняли с председателей, и он работал в колхозе, в поле. Например, убирал хлеб на лобогрейке. Эта лобогрейка тянулась лошадьми. Один человек шёл впереди и управлял ими. Лошади и поводырь шли уже по скошенному полю, а лобогрейка катилась по пшеничному полю и от вращения колёс приводила в движение косу. На лобогрейке сидел другой человек и отбрасывал в сторону скошенную пшеницу.

В 1937 году отца забрали и вместе с ним еще, наверное, человек 20. Приехали в 12 часов ночи, увезли в сельсовет. Когда шёл суд, мама Якобина ездила на слушание. Во время суда сказали, что он без разрешения со склада взял мешок муки. И за это ему дали 10 лет. А когда был реабилитирован, то в справке было написано – за подрыв советской власти. Отбывал срок отец в Томске. Там он работал на лесоповале. Оттуда он писал до войны, а когда началась война, нас вывезли из Крыма, и мы потеряли с ним связь. После войны моя сестра Валя (Вильма) писала туда, и пришёл ответ, что умер от воспаления лёгких.

Арнольд Брунович Гальвас (1924) с женой Марией Гоос (1912-1979) и дочерью Ириной (1954).

Мои родители жили в Ней-Баяуте, там в 1924 году я и родился. В деревне Ней - Либенталь была сельская школа, и учиться я ходил неё. Когда мы ходили на занятия в школу, то я часто видел прадеда Якова Гальвас, который жил рядом со школой*. Он ходил с палочкой, туда-сюда, и был мужчиной среднего роста. В этой школе я окончил три класса. В летние каникулы отдыхать нам не давали.

Уже со второго-третьего класса мы должны были за лето выработать 80 трудодней. Работали на уборке хлеба, хлопка".

Спрашиваю его: "Что вы могли делать, вы же были ещё такими маленькими"?

Смеётся. "В солнечные дни мы перелопачивали деревянными лопатами зерно на зернотоку. Обрабатывали и убирали хлопок, кукурузу, на бахче работали. Знания мне давались тяжело.

Когда в августе 1941 года нас депортировали из Крыма, то привезли в село Нагашино Успенского района Павлодарской области. Там я пробыл месяца два, а потом мне пришла повестка в

* Как видно из плана села Ней-Либенталь (стр.592), школа находилась через 3 дома от дома прадеда Якова Генриховича Гальвас (1854-1941).

трудармию. Я попал в город Тавда Свердловской области, это ещё 300 км от Свердловска. Наша зона стояла на берегу реки Тавда, метров 200 от воды. Зона огорожена была деревянным забором, по верху натянута была колючая проволока. По углам стояли вышки с часовами. На территории стоял один длинный барак, метров 300, в котором мы жили.

По реке Тавда приходили баржи с продуктами и другими грузами. Наша работа состояла в том, чтобы эти баржи разгружать. Нас было человек 200, и все работали грузчиками, работа была грязная и тяжёлая. Каждое утро нас строили в колонну, и после переклички вели под конвоем на работу. В бараке у нас была баня, и каждый день после работы мы должны были идти в баню.

Кормили нас от выработки, если работу выполняли на 100% - то давали третий котёл (это самый лучший), если на 50% - второй котёл, если на 30% - то первый. Мы выполняли работу на 100%, поэтому получали третий котёл, т.е. на день нам давали один килограмм хлеба и три раза щи и гороховую кашу. У нас были такие литровые чашки, и нам их полные накладывали.

Здесь я работал с 1942 года по 1943 год. А потом получилось так, что как-то после работы мы пошли купаться в баню. Я в раздевалке разделся, зашёл в баню и встал около печки спиной, чтобы погреться. В это время кто-то плескнул воду, чтобы поддать пару. Пламя из печи вырвалось и сильно обожгло меня, так что были волдыри с ладонь. Я, как стоял голый, так и выбежал из бани, и через весь барак побежал на другой конец барака в медпункт. Там я пролежал ночь, а на следующий день меня перевезли через речку и положили в центральную больницу в городе Тавда. Ожог был такой сильный, что я не мог укрываться одеялом. Тогда медсёстры положили на спинку кровати две палки, а на них марлю, и так я спал, как в шалаше. В этой больнице я пролежал два месяца.

Зимой 1943 года, меня и ещё троих отпустили домой. Когда я приехал в Успенку к сестрам и матери, то устроился работать при детдоме. Зимой с 1943 на 1944 год я с детдомовским скотом зимовал в Белоцерковке. В ней находилась раньше школа механизации района. Весной же мы занимались огородами, сажали картошку и другие овощи для детдомовцев. Летом я пас скот и ухаживал за ним. Осенью работали на поле, на уборке овощей. А когда мне исполнилось 20 лет, мне сказали: "Иди работать в колхоз". А так как приближалась опять зима, а одежды тёплой у меня не было, то в колхозе я работать не мог. Колхозы не выдавали одежду, так как шла война.

И я пошёл с сумкой за плечами побираться. Однажды я направился в сторону Павлодара. И в Ямышевском совхозе мне встретился один казах, который искал пастуха. И он говорит: "Мне нужен пастух, чтобы пасти скот. Если хочешь, поедем сейчас на ферму, там, где мой скот стойт, и будешь там скот пасти, ухаживать за ним". Так как я согласился, то он меня туда отвёз. Ферма находилась под Чернорецким совхозом. Здесь я 6 лет пас скот и ухаживал за ним. Так я работал и питался у казахов. Они мне выделили корову, чтобы я мог её доить для себя. Так я питался и голодным не был.

В 1950 году я женился на Марии Гоос. Потом мы жили пять лет в совхозе Карачилик Павлодарского района, Павлодарской области. Там родились у нас обе дочери **Елена** (1952) и **Ирина** (1954). В Карачелике я работал заправщиком тракторов". Спрашиваю: "На машине"? Смеётся. "Нет, на быках. До тракторов было недалеко ехать. У меня в распоряжении была телега с быками. На телеге стояли бочки с соляжкой, керосином, солидолом. И вот утром и вечером я ездил и заправлял трактора. Зимой отдыхали, а с весны работали на поле - на посевной, уборочной и т.д..

Из Карачелика в 1955 году мы переехали под Алма-Ату. В 8 км от неё было подсобное хозяйство КГБ-1. Там уже жили сестра Валя с матерью Якобиной, туда же переехал и я с семьёй. Здесь я работал в садах, на сенокосе, а также выращивали на полях овощи. Осенью на лошадях возили яблоки в хранилище. Машин в то время было ещё мало. Зимой занимались теплицами, завозили навоз, выращивали овощи для министерства КГБ. Там был тоже плодовоовощной комбинат, и днём и ночью выжимали и делали сок с яблок и других фруктов.

В этом подсобном хозяйстве мы жили, пока не уехали в Германию в сентябре 2000 года".

Вильма Бруновна Гальвас (1930), с мужем Михаилом Борисович Шефер (1926), с матерью Якобиной Губерт (1903-1988) и с детьми Анатолием (1952), Виктором (1954), Юрием (1958) и Василием (1965).

Вильма Бруновна Гальвас (1930) родилась в Крыму, в деревне Ней-Баяут 17 октября 1930 года. Замуж вышла 30 марта 1949 года за Михаила Борисович Шефер (1926-2006), который родился в городе Саратове. У них родилось 5 детей: **Ида** (25.02.1950), **Анатолий** (03.11.1952), **Виктор***

*(28.08.1954), **Юрий** (25.04.1958) и **Василий** (17.07.1965).*

Из воспоминаний Вилмы Бруновны Гальвас-Шефер (1930) дочери Бруно Яковлевича Гальвас (1904-1944):

"Родилась я в деревне Ней-Баяут в 1930 году. У нас там был большой дом, это был ещё дом деда Якова. В те времена, времена репрессий, мало общались друг с другом. Материных троих братьев посадили, отца посадили, и двоюродную сестру мужа тоже посадили. Таким образом, в 1937 году в одну ночь забрали 5 человек из нашей семьи. Поэтому они все сторонились друг друга. В 9 лет я пошла в школу, которая находилась в деревне Ней-Либенталь, это около 1-1,5 км от Ней-Баяута. В ней я окончила 2 класса, и началась война.

В 1941 году нашу семью выслали из Крыма. Я помню две или три фотографии на комодке стояли, и так они там и остались в Крыму. Тогда было не до фотографий. К тому же, нам сказали: через три месяца вы вернётесь. Мама Якобина замкнула дом, а ключ положила под черепицу, чтобы не потерять по дороге. Чтобы, когда вернулись бы домой, ключ был бы на месте. Вот такие были наивные. Но сразу мы не уехали, а сидели ещё некоторое время на станции Курман. И когда на третий день мужчины вернулись на время в деревню, а русские, которые остались в ней, уже грабили наши хаты. Тащили, что что мог, и заселяли наши дома.

18 августа 1941 года нас из Крыма выслали на Кавказ. Там мы прожили месяц. Потом нас опять погрузили в телячьи вагоны и опять везли, везли и привезли в Ташкент. Там переполнено, нас обратно. Везли, везли, и привезли в Павлодарскую область, станция Лозовая Успенского района. Это было уже где-то 12 ноября. Таким образом два месяца мы жизни на колёсах, в телячьих вагонах. Мужчины сделали нары, и мы спали на них. Иногда в два-три дня получали пшённый или гороховый суп, давали хлеб. Мне тогда было одиннадцать лет.

Итак, когда нас выгрузили на станции Лозовой, мужчины остались охранять вещи. Шёл сильный снег. А женщин с детьми казахи забрали к себе домой, на два-три дня, пока распределят по квартирам. Потом приехали с колхозов, и нас повезли в разные колхозы.

Нас с мамой Якобиной и её сестру Эмилию с 4 детьми: старшей было 9 лет, а младшей полтора года, повезли в село Наташино. Там было три немецких деревни: Наташино, Ольгино и ещё одна. Там люди с голоду пухли, а нас туда привезли с Крыма и в чём - в тапочках. По дороге кутались в перины, а когда приехали кто фуфайку, кто валенки - в общем, кто что мог, то дал.

Чтобы прокормиться, многие ходили, побирались. Тётя Эмилия, оставив детей дома, вместе с моей старшей сестрой Эллой, тоже пошла побираться. Дошли почти до районного центра Успенка, до него было недалеко - километров 20. За это время они успели уже по мешку хлеба выпросить. И тут их забрала милиция. И вот, в один прекрасный день, наверно в начале 1942 года, приезжает милиция, и на подводе привозит тётю Эмилию и сестру Элю с этим хлебом.

Потом её оставили там, в колхозе Наташино, а нас - меня, маму, брата Арнольда и сестру Элю

* *Смотри схему деревни в приложении на странице 466.*

забрали в райцентр-посёлок Успенка. Там был детдом с московскими детьми. В этот детдом маму с моими сёстрами устроили на работу, а я была ещё не совершеннолетней, и поэтому игралась с детьми. Мама работала и прачкой, и дрова колола, и воду подвозила, и коров доила.

В 1944 году маму попросили поехать на сенокос. Но она не хотела оставить детей одних и отказалась. А директор был фронтовик и на войне потерял одну ногу. И тогда он с этого дня стал к ней придирааться и потом её забрали в трудармию в город Актюбинск. А уже оттуда, когда закончилась война, её и моего будущего мужа Михаила Шефер, привезли в 1945 году под Алма-Ату, там было подсобное хозяйство КГБ-1. В нём выращивались овощи и фрукты для министерства КГБ, и в этом тепличном хозяйстве они работали. Потом мама попросила директора этого хозяйства сделать нам детям вызов. Я с сестрой Олей училась в это время в городе Павлодаре в ФЗО (фабрично-заводское обучение), а Эля продолжала работать в Успенске, в детдоме. И когда пришёл нам вызов, мы поехали к маме под Алма-Ату.

Здесь в КГБ я работала в теплицах, и здесь познакомилась с Михаилом Шефер (1926-2006). Он был из Поволжских немцев и родился в городе Саратове. Поженились мы 30 марта 1949 года. У нас родились дети: Ида (25.02.1950), Анатолий (03.11.1952), Виктор (28.08.1954), Юрий (25.04.1958) и Василий (17.07.1965).

Михаил работал разнорабочим в тепличном хозяйстве: на поливе овощей, а также плёл корзины из прутьев тальника. В день он мог сплести 5-6 корзин. Корзины нужны были для сбора урожая яблок, груш и других фруктов и овощей. В то время, мы в, лучшем случае, зарабатывали 350 рублей. В день надо было прополоть тяпкой 10 соток, а на заработок получали один рубль с небольшим.

Здесь мы жили, пока не переехали жить в Германию 17 июля 1992".

Самуил Яковлевич Гальвас (1904-1942) родился в Крыму, в деревне Ней-Баяут..

Самуил Яковлевич Гальвас родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Ново-Селье) 31 июля 1904 года. Женится где-то в 1929 году на Аделине Михайловне Бош, которая родилась в 1904 году в Крыму, в деревне Ней-Либенталь. У них было двое детей: Гертруда (1932) и Линда (1940).*

Из воспоминаний Нелли Филипповны Миллер-Губер (1923), дочери Полины Яковлевны Гальвас - Миллер (1896-1968):

"Свадьба дяди Самуила была в селе Ней-Баяут, в отцовском доме. Мой брат Витя был маленький, и я помню, меня взяли с собой на свадьбу, чтобы я с Витей нянчилась. Это было, видать, в 1929-1930 году".

Из воспоминаний Гертруды Самуиловны Гальвас-Бахмайер (1932), дочери Самуила Яковлевича Гальвас (1904-1942):

"Мой папа был Самуил Яковлевич Гальвас (1904-1942), а моя мама Аделина Михайловна, рождённая Бош.

*Родилась она в 1904 году, в деревне Ней-Либенталь**.* Около 1940-х годов мы жили в городе Карассубазар (сейчас город Белогорск.), который находился к югу Крымского полуострова. Это на трассе Феодосия – Симферополь. Но как мы туда попали, я не знаю, потому что я родилась в деревне Окреч в 1932 году, а моя сестра Линда родилась в 1940 году в городе Карассубазар. Из детства помню только, как папа Самуил возил меня в город Симферополь на представление Дурова. В поезда сажали куриц, петухов, кроликов, и они ездили.

Работал папа завучем в Сельскохозяйственной школе, города Карассубазар. В ней готовили специалистов для работы на тракторах, комбайнах, и других сельхозмашинах. Папа, видать, окончил какое-то учебное заведение.

* Из присланных архивных данных.

** См. план деревни в приложении на странице 465.

Гертруда Самуиловна Гальвас-Конрад (1932), и сестра Линда Самуиловна Гальвас-Конрад (1940).

Эта школа находилась на окраине города. Это было большое здание. Перед ним был большой двор, который назывался - тракторный двор, хотя тракторов в этом дворе не было. По кругу от того двора стояли здания, например, двухэтажные общежития для студентов, также одноэтажные здания для занятий. В одном здании, помню, стояло много скамеек, может, это и было как раз такое учебное здание. В этом же дворе жило много семей преподавателей, в небольших домах. За домами был большой сад, он так и назывался - школьный сад. За ним текла река Биюк-Карасу. Помню, были подвалы под землёй и там, в бочках, хранилась соленая брынза. Подвалы эти не закрывались, и мы, будучи детьми, туда иногда заходили отведать брынзы. В эти годы моя мама Аделия Михайловна была домохозяйкой.

Выпуск 7 группы комбайнёров областной школы механизаторов, 23.05.1940 года, город Карассубазар. Самуил Яковлевич сидит в первом ряду, руки на коленях, второй справа.

Когда началась война в 1941 году, тогда осенью, наверное, в сентябре-месяце нас депортировали из Крыма, Впотому что я ходила уже в школу. Я пошла была в том году, видать, во второй класс. Из школьных воспоминаний помню только, как водили нас в красный уголок учить гимн Советского Союза. В тот день я как раз была в школе, когда пришли и сказали, иди домой, вас высылают. Когда я пришла домой, то там уже резали свинью, курей. Потом мясо обжаривали и

заливали жиром. Это нас сильно поддержало во время высылки. Так как к тому времени отец был уже лежачим, у него отнялись ноги, и к тому же был партийный, то нас эвакуировали третьим этапом. Нас везли к морю на подводке. На полях шла уборка урожая. Люди подходили, спрашивали, что и как. Часто попадались ученики Самуила Яковлевича, моего отца. Они узнавали его и тогда говорили другим, а также помогали, давали молоко, арбузы. Всё, что было под рукой.

Потом нас привезли к морю, посадили на пароход, и повезли. В каком-то населенном пункте нас пересадили на баржу, которую тянул катер. Ночью на море поднялся шторм. Люди подняли крик, что нас как будто бы отцепили от катера и хотят потопить. Но потом шторм закончился, и всё выяснилось, и все, как и шторм, успокоились. А вообще я читала, что такое было, что людей топили на баржах в то время.

Когда мы приплыли к противоположному берегу Каспийского моря, там нас стали загружать в телячьи вагоны, чтобы везти дальше. Так как отец был больной, то нас, наверно, пропустили первыми, и мы заняли весь угол. Спали прямо на полу, нар не было. На остановках люди иногда приносили в ведрах какую-то баланду, солёно-горячий бульон.

Привезли нас в Новосибирскую область, станция Юрга-1. Там также была Юрга-2, Юрга-3, а со временем стал город Юрга, Кемеровской области. Туда мы ехали долго, и когда приехали, уже был мороз и выпал первый снег. Мы были обуты в ботинки, а сверху галоши. В то время такая была мода в Крыму, и все носили ботинки с галошами.

В мае 1942 года в Юрге-1 умер мой папа, Самуил Яковлевич Гальвас.

Ещё до замужества, в Крыму, моя мама Аделина жила у своего брата. У него была большая семья, и тогда мама научилась шить и стала хорошей швейей. Потом ей это пригодилось в жизни. В Юрге она работала на дому и всем шила, и даже начальству, а те рассчитывались продуктами и привозили: картошку, мёд, и даже тетеревов.

В школу я пошла в Юрге-1 только во второй год пребывания, т.е. в 1943 году. Школа называлась Железнодорожная, и в ней я окончила 4 класс.

Аделина Михайловна Бош (1904-1982) со вторым мужем Петром Григорьевичем Конрадом (1906), который родился на Алтае.

В июле 1943 года мама вышла замуж за Петра Григорьевича Конрад. Он удочерил меня и сестру Линду, и мы стали носить его фамилию.

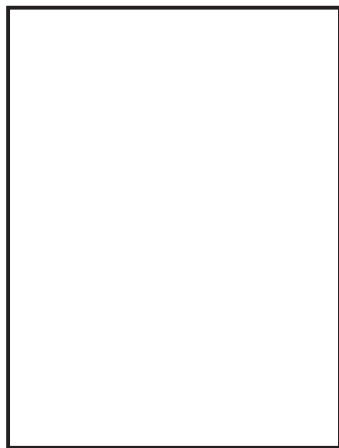
В 1943 году отчима списали с трудармии. Когда он пришёл в Юргу-1, то его, как говорится, ветром качало, был тощий, как щепка. Он был женат на русской, но она его не дождалась и вышла замуж, и тогда он пришёл к нам. Он был немец, родом с Алтая.

За год отчим немного поправился и в 1944 году завербовался на Углемашзавод в город Киселёвск, Кемеровской области. И тогда в этом году мы переехали в Киселёвск. В городе Киселёвске мы прожили до 1970 года.

Здесь я пошла в пятый класс и окончила 7 классов. А осенью 1947 года пошла работать регистратором в амбулаторию при заводе, где работал отчим, Пётр Григорьевич. Здесь была амбулатория и скорая помощь. Днём в амбулатории нас работало трое: врач, медсестра и я - регистратор, на ночь оставался работать другой врач с медсестрой, как скорая помощь. У них была в распоряжении лошадь с телегой, а на дуге был нарисован красный крест. Здесь я проработала года два, а потом эту амбулаторию убрали, а также убрали врачей с шах и объединили всех в поликлинику. В ней я тоже работала в регистратуре. Перед замужеством я ещё работала кассиром в фотоотделе и в часовой мастерской, так как касса стояла посередине на двоих. В 1953 году я вышла замуж за Филиппа Бахмаера. От него у меня родились два сына **Александр** и **Виктор**. В Киселёвске, когда уже были дети, я окончила курсы продавцов и 30 лет проработала в торговле - от продавца до заведующей магазином. С 1971 по 1991 года мы жили в городе Алма-Ате. Здесь мы с мужем и развелись.

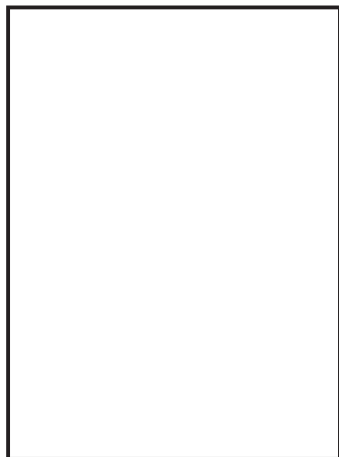
В марте 1991 года я и дети со своими семьями переехали в Германию.

Мой дедушка по маминой линии Михаил ... Бош жил в деревне Ней-Либентале. Я помню, как мы ездили к нему в гости. Он жил отдельно, у него был большой дом и большой двор. За домом он показывал, что у него отобрали часть виноградника, а также конфисковали молотилки. У дедушки с бабушкой было 4 дочери: Аделия, Лидия, Оттилия и Мария. Одна дочь деда тоже жила в деревне Ней-Либенталь. Лидия Бош, замужем была за Фогель, умерла в Казахстане во время войны. Другая дочь дедушки, Оттилия, умерла в 80-х годах, в Тульской области. И ещё дочь Мария, которая была замужем за Форатом. Её сын живёт сейчас в Германии, в городе Падеборн. Его зовут Алик Форат, 1930 года. Алик, его мать Мария, дедушка Бош и тётя Лидия были все вместе высланы из Крыма в Казахстане, там они все, кроме Алика, умерли. Дедушка Михаил Бош умер 1943 году, а бабушка Мария умерла ещё в Крыму".

*Вильгельм Яковлевич Гальвас
(1878-19...) родился в Крыму,
в деревне Цюрихталь.*

Вильгельм Яковлевич Гальвас (Gallwas) родился в Крыму, в деревне Цюрихталь 13 сентября 1878 года. Его крёстными и воспитателями были Георг Гальвас, а также Антон Гальвас и Катерина Гальвас. Но больше о нём пока ничего неизвестно.

*Мария Яковлевна Гальвас (Gallwas)
(1880-1944), родилась в Крыму,
в деревне Цюрихталь.*

Мария Яковлевна родилась в Крыму, в деревне Цюрихталь 17 января 1880 года. Её крёстными (или воспитателями) были Филип Шенер и Мария Брисгин, рождённая Бекк.

*Замужем Мария Яковлевна была за Генрихом Андреасовичем Нусс (24.04.1880-1943), который родился тоже в Крыму, в деревне Цюрихталь. У них родилось 6 детей: **Лидия** (1904-1948), **Ида** (1907-1992), **Клара** (1911-1944), **Кергарт** (1913-19...), **Роберт** (1915-19...) и **Елена** (1916).*

Как говорят родственники, фотографии Марии Яковлевны нет, потому что её один раз сфотографировали, и, видать, из-за гладкой причёски, получились на виду большие уши. И когда она увидела эту фотографию, то порвала её, и больше не фотографировалась.

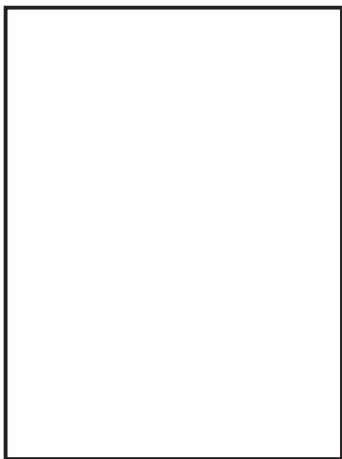
Из воспоминаний Роланда Лорер (1931), внука Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944):

"Моя бабушка по материнской линии Мария Яковлевна Гальвас-Нусс (1880-1944) родилась в Крыму в деревне Цюрихталь, дедушка Генрих Нусс (1880-1942) родился тоже в Крыму, в деревне Цюрихталь. В конце 1930-х годов, когда все дети бабушки разъехались из дома, я жил с ними и помогал им по хозяйству. Перед войной дедушка Нусс пас коров, а я носил ему обед в поле. Бабушка Мария хозяйничала по дому, доила корову, перепускала молоко через сепаратор.

Дедушка ездил в выходные в город Симферополь и продавал там яички, масло*. Потом дедушка работал сторожем на бахче, и я ему туда тоже носил кушать.

18 августа 1941 года в 10-00 вечера пришли из сельсовета и сказали, собирайтесь, утром вас погрузят на повозки и вывезут из Крыма. Мы выехали вшестером: прадед Яков Генрихович Гальвас (1854-1941) и его вторая жена ... Глут; бабушка Мария Яковлевна и её муж Генрих Нусс, им тогда было по 61 году; а также Рейнгольд** Гальвас моей матери Клары двоюродный брат, ему было тогда 17,5 лет. Всего нас было шестеро. Привезли нас в Казахстан, на станцию Жангизтобе, а потом в райцентр Коптекты. Меня оставили со стариками в райцентре.

Дедушка Генрих Нусс устроился на работу в дорстрой. Когда мы приехали с Крыма, то он был обут в ботинки, и так как валенок не было, то в ботинках и работал. В результате зимой 1942 года он отморозил ноги, и пошла гангрена. Он лежал некоторое время в больнице, а где-то в апреле месяце умер, потому что снег уже растаял. Там его и похоронили. Я помню, в больнице плакал, а на похоронах почему-то не был. А бабушка Мария Яковлевна Гальвас умерла в селе Воздвиженке, в 1943 или 1944 году".

*Лидия Генриховна Нусс-Горбенко
(1904-1948) родилась в Крыму.*

*Лидия Генриховна Нусс-Горбенко (1904-1948) родилась в Крыму, видать в деревне Ней-Либенталь. Замужем была за Александром ... Горбенко (19...-19...). У них было четверо детей: **Валентина** (1926), **Линда** (1928?-1942), **Ольга** (1930-2000) и **Виктор** (1932).*

*Ида Генриховна Нусс-Зейбольд (1907-1992)
родилась в Крыму.*

*Ида Генриховны Нусс-Зейбольд родилась в Крыму, видать, в деревне Ней-Либенталь 4 февраля 1907 года. Замужем была за Фридрихом Яковлевичем Зейбольд (21.01.1902-1938), который, возможно, родился в городе Джанкой. У них родилось пять детей: **Арнольд** (1929-1988), **Фридрих** (1931-19...), **Курт** (1933-1934), **Рихард** (1936-1963), **Фердинанд** (1938-1941).*

Из воспоминаний Гедвиг Яковлевны Лорер (1933), дочери Клары Нусс-Лорер (1911-1944), из рассказов её тётки Иды, сестры Клары:

"Тётя Ида, видать, как и все дети Марии Яковлевны, родилась в деревне Ней-Либенталь, в 1907 году. Но когда она вышла замуж, то переехала жить, видать, к мужу в Аджайкат.

Когда нашего отца, Якова Лорер, забрали, тётки Идин муж, Фридрих (Фёдор) Яковлевич Зейбольд (1902-1938), был ещё дома.

И он сказал своей жене: "Забери свою сестру Клару к себе сюда, а то они там, в городе Джанкой, с голоду умрут". И тогда мы переехали в деревню Аджайкат к тётке Иде. Моя мама здесь работала

* Во времена Сталина, в Крыму за то, что была корова, надо было сдать 10 кг топленого сливочного масла или 250 литров молока. Если держишь курей – 70 яиц в месяц – сдай. Всё надо было сдавать, и мясо. Позже, после Сталина, Маленков отменил эти налоги.

** Моей матери родной брат.

телятницей, а тётя Ида работала на хлопке. И она часто брала меня с собой, собирать хлопок. А какая жара стояла в Крыму!

У тётя Иды было пятеро детей, последнего сына Фердинанда она родила уже после того, как забили в 1938 году её мужа, Фридриха Яковлевича (1902-1938)".

Справка зачитана Татьяной Арнольдовной Зейбольд-Герман (1953), дочерью Арнольда Фридриховича Зейбольд (1929-1988).

Справка.

"Зейбольд Фридрих Яковлевич, 1902 года рождения, арестован 22 февраля 1938 года, тройкой НКВД СССР от 31 мая 1938 года за антисоветскую деятельность подвергнут к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведён в исполнение 14 июля 1938* года. Родственникам в 1956 году сообщено, что он умер 21 декабря 1944 года от воспаления лёгких. Определением военного трибунала Одесского военного округа от 30 мая 1961 года решение НКВД СССР от 31 мая 1938 года отменено, и дело прекращено по п.2 ст.6 УПК СССР за отсутствием состава преступления".

Из воспоминаний Гедвиг Яковлевны Лорер (1933), дочери Клары Нусс-Лорер (1911-1944), из рассказов её тётя Иды, сестры Клары:

"В 1941 году нас всех вместе выслали из Крыма, и сначала привезли на Кавказ. Здесь у тётя Иды умер сын Фердинанд, ему было всего три года.

Потом, через пару месяцев нас повезли дальше и привезли в Североказахстанскую область, в Полуденский район, хутор 75 Рязькинского сельсовета. Здесь тётя Ида работала приёмщицей молока от людей, возила его во флягах в Рязькино, а также развозила почту.

После войны колхозы стали соединять вместе, и тогда хутора 75-ого не стало, а стал один посёлок Рязькино. Здесь в Рязькино тётя Ида построила дерновый дом, времянку. Для строительства такой времянки в поле пластами снимали дёрн - это чернозем, переплетённый весь корнями травы. Хотя мы были тогда ещё детьми, но я помню, как дёрн грузили на бричку, запряжённую быками, и везли его к месту строительства. Бригада состояла из пяти человек, сегодня делали одному, потом другому. Дёрн резали размером с кирпич, и выкладывали с него дом, кладя его на замешанную глину. Потом эти стены мазали и штукатурили тоже глиной, и в таком доме мы жили.

В 1963 году у тётя Иды умер сын Рихард, ему было всего 27 лет. Он работал шофёром, а в Токушах учился на ветврача. Потом Рихард заболел белокровьем и умер в раннем возрасте".

*Арнольд Фридрихович Зейбольд
(1929-1988) родился в Крыму.*

Арнольд Фридрихович Зейбольд родился в Крыму в деревне Аджайкат 22 июля 1929 года. Женится на Анне Ивановне Савченко (1925-2007). У них родилось 6 девочек: Зина (1947), Надежда (1949), Любовь (1951), Татьяна (1953), Елена (1955) и Клавдия (1959).

Из воспоминаний Татьяны Арнольдовны Зейбольд-Герман (1953) дочери Арнольда Фридриховича Зейбольд (1929-1988):

"Мой папа, Арнольд Фридрихович Зейбольд родился 22 июля 1929 года. Его отцу Зейбольду Фридриху Яковлевичу было тогда 27 лет от рождения, а его мать Зейбольд Иде Генриховна была тогда 22 лет. Место рождения Крым, деревня Аджайкат, Марьинского сельского совета, Джанкойского района. До войны папа успел закончить всего

* Но его жена Ида Генриховна этого не знала и до конца жизни своей ждала его.

три класса школы. В детстве перенёс желтуху. А в августе 1941 года вместе со своей матерью Идой и братьями был выслан в Северо-Казахстанскую область, Полуденский район, хутор 75-ый. Здесь ему во время войны, несмотря на свой возраст, приходилось работать*.

Жена Анна Ивановна Савченко-Зейбольд (1925-2007).

На хуторе 75-ом, где-то в 1946 году он познакомился с Анной Ивановной Савченко (1925-2007). Её мать тоже была сослана сюда по каким-то причинам с Дона. В 1947 году у родителей родилась дочь Зина, а в 1949 дочь Надежда. И тогда в этом году они расписались. Потом родились ещё четыре дочери: Люба (1951), я - Татьяна (1953), Елена (1955) и Клавдия (1959)".

Из воспоминаний Гедвиг Яковлевны Лорер (1933) дочери Клары Нусс-Лорер (1911-1944), из рассказов её тётки Иды, сестры Клары:

"После войны Анна работала комбайнёршей, а Арнольд был на её комбайне штурвальным. Когда она родила девочку Зину, он забрал её жить к себе, а жил он с тёткой Идой во времянке. Тётя Ида долго воевала с ним, потому что жить было негде. Времянка была маленькая. Я с братом Вальтером была на её шее, и у неё ещё были свои дети.

Арнольд с женой Анной работали и жили хорошо, хлеб всегда был. А мы с Вальтером еле перебивались, отдельно варили. Но Арнольда жена нет-нет да кормила нас. Потом Арнольд выучился на комбайнёра, а жена его была у него штурвальной. Вторая дочка Надя, тогда была у неё ещё грудной. И мне выделяли лошадь во время уборки, чтобы я возила её домой, чтобы она в обед кормила ребёнка, так как у неё были большие груди, и она не могла выдерживать до вечера - молоко распырало.

Потом они переехали в посёлок Полудено, так как МТС было там, и всех комбайнёров заставляли жить там. Заведующий МТС посылал комбайнёров на уборку в ту или иную деревню.

Когда Арнольд пошёл работать на нефтебазу*, то тогда они построили себе дом в посёлке Полудено. Его жена работала до самой пенсии тоже на нефтебазе. На этой нефтебазе стояли цистерны, куда заправщик заливал масло, бензин, солярку и другие нефтепродукты. Когда надо было шофёру или трактористу заправиться, он приезжал на эту нефтебазу и по накладной его заправляли. А когда трактора и комбайны были в поле, тогда на лошадях с бочками приезжали на нефтебазу, заливали в них горючее и везли в поле, а потом появились заправочные машины. С тёткой Аней мы хорошо жили, я много помогала ей, ведь у неё было 6 девчат".

Из воспоминаний Татьяны Арнольдовны Зейбольд-Герман (1953) дочери Арнольда Фридриховича Зейбольд (1929-1988):

"В 1952 году с Хутора 75-ого родители переехали в посёлок Полудено. Здесь папа устроился работать в МТС (Машино-тракторная станция). Зимой они занимались ремонтом сельхозтехники, а с весны работали в поле, на тракторе, осенью – на комбайне. За хорошие показатели, он не раз получал грамоты, медали. В 30 лет папа посетил выставку ВДНХ в городе Москве. Это тоже было, как награда за хорошую работу.

Мама была домохозяйкой, а когда младшей дочери было семь лет, тогда она устроилась работать на нефтебазу. Работала она на заправке кассир-контролером.

Примерно в 1963 году папа выучился на шофёра и стал работать шофёром. Потом он стал заведующим заправкой, на которой работала мама. Как-то раз он в посёлке Полудено сбил машиной женщину и после этого отбывал срок в исправительно-трудовой колонии.

После срока он работал на бойне. До пенсии он не доработал один год. Умер он от заболевания

* Смотри также воспоминания Елены Нусс-Ерейзер (1916).

** В совхозе Жданова, где я вырос, тоже была такая нефтебаза. Когда тётка Гедвиг мне рассказывала, я сразу вспомнил и свою деревню. Эта нефтебаза находилась на берегу Иртыша. Берег был крутой до 9 метров. Справа от нефтебазы были овощные поля, мы её называли - Огородня. Во время моего детства горючее на быках уже не возили, так как были заправочные машины.

сосудов головного мозга. Сосуды атрофировались, сузились, и какая-то часть мозга осталась без кровообращения и перестала работать. В медицине это вроде называют инфарктом (ишемический инсульт) головного мозга".

*Клара Генриховна Нусс-Лорер (1911-1944),
родилась в Крыму, в деревне Ней-Либенталь.*

*Клара Генриховна Нусс-Лорер родилась в Крыму, в деревне Ней-Либенталь 11 декабря 1908 года. Замуж вышла где-то в 1930 году за Якова Петровича Лорер (27.09.1903-1945). У них родилось трое детей: **Роланд** (1931), **Гедвиг** (Галина) (1933) и **Вальтер** (1936).*

Из воспоминаний Роланда Яковлевича Лорер (1931), сына Клары Генриховны Нусс (1911-1944):

"Лореры приехали в Крым с тремя сыновьями: Пётр, Жили они в деревне Кулоба. Работали за счёт того, что ссуды давали, строили дома, пахали, сеяли. Налог с них не брали, поэтому быстро поднялись на ноги.

Когда мама вышла замуж, то она, я так думаю, переехала жить к мужу, моему отцу. Там, в деревне Кулоба, я и родился. Отца, можно сказать, я и не знаю, так

как с ним я не жил, а жил с дедом Генрихом Нуссом, который жил в Ней-Либентале.

Отец с матерью потом жили в городе Джанкое, и я слышал, что он работал там на заводе. Я же, пока был маленький, постоянно болел. Я помню, лежал возле плиты, больной, а отец наклонился надо мной и зовёт: "Роланд, Роланд". Это один раз, когда я его помню, а больше нет. Потом бабушки лечили меня. Они сказали: "Положите его в перину и на солнце". Я пропотел, пропарился, встал, зашёл домой, а моя бабушка Мария так и охнула. Солнце вылечило.

В 1937 году, когда забрали отца, мне было 7 лет".

*Яков Лорер (1903-1945), родился в Крыму.
Он стоит слева третий, спереди, в чёрном.*

Из воспоминаний Гедвиг Яковлевны Лорер (1933), дочери Клары Нусс-Лорер (1911-1944), из рассказов её тёти Иды, сестры Клары:

"Об отце помню только, как он принёс большой арбуз, а я была в красной кофточке, и лазила у него на коленях. И помню, как его забирали. Мы тогда жили в Джанкое. Пришли поздно вечером двое мужчин, одетые в чёрное одеяние. Лампа чуть-чуть, тускло горела. Они перерыли в

комнате всё; что-то искали. В кровати лежал маленький брат Вальтер. Мама сказала мужчинам: "Вы тише, пожалуйста, там спит маленький ребёнок". И это всё, что у меня осталось в памяти об отце.

Когда отца забрали, тёти Идин муж, Фридрих (Фёдор) Зейбольд (1902-1939), был ещё дома. И он сказал ей: заведи Клару, к себе сюда, а то они там, в посёлке Джанкой с голоду умрут. И мы переехали в Аджайкат к тётке Иде.

Там был колхоз, и мама пошла работать телятницей. Она смотрела за маленькими телятами, после отёла кормила их. Когда брат Ролан приезжал к нам, от бабушки Марии, то мы вместе с ним пасли телят.

Ограды не было, телята разбегаются, а я плачу - боюсь, что потеряются. Когда началась война, нашу семью выслали вместе с семьёй тёти Иды. С Крыма нас вывезли сначала на Кавказ. Там мы немного пожили, и потом нас отправили в Северо-Казахстанскую область, в Полуденский район.

Выгрузили на большой станции Токуши. Оттуда нас распределили по деревням. Мы попали в хутор 75-ый, Рявкинского сельсовета.

Мама работала в этом хуторе техничкой в школе. Нам дали в школе маленькую комнатку, и мы там при школе жили. Мама отапливала её, мыла полы и парты. Потом в 1944 году мама заболела, и её увезли в больницу, в посёлок Полудено. Врачи там были евреи. Он сделал ей два укола, и она скончалась. Ей было всего 36 лет. И мы с Вальтером остались вдовёом сиротами, мне было 11 лет, а Вальтеру 7. Тётя Ида была мне крёстной. Когда мама умерла, она взяла меня на воспитание".

Роланд Яковлевич Лорер (1931) с женой Лидией ... Гаас (1923) и сын Фёдор (1950).

Из воспоминаний Роланда Лорер (1931), сына Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944):

"Я родился 26 мая 1931 года в деревне Кулоба Крымской АССР. Перед войной успел окончить один класс. В 1941 году началась война - вот и вся моя учёба.

А после войны надо было о хлебе насущном думать, учиться некогда было. Один - как палец - стоял в степи. Степи, степи - пастухом был, чтобы жизнь спасти ...

Перед войной я жил у Нуссов, помогал им, был как работник, поэтому про прадеда Якова Гальваса почти ничего не знаю. Генрих Нусс уже был стариком, работал сторожем на бахче. Я носил ему обед.

18 августа 1941 года в 10-00 вечера пришли из сельсовета и сказали, собирайтесь, утром вас погрузят на повозки и вывезут из Крыма. Мы тогда жили в селе Ней-Либенталь. С вечера собрали вещи, сон был тревожный. Но утром за нами не пришли, а уже только в обед погрузили на подводы. Потом поехали в соседний посёлок Ней-Байгут, там стояли до вечера. Оттуда повезли на станцию Курман и там высадили на перрон.

Мне было тогда 10 лет. Со мной были: прадед Яков Генрихович Гальвас (1854-1941), ему было тогда уже около 89 лет и его вторая жена по фамилии Глют, рожд. Бауэр; Генрих и Мария Нуссы, мои бабушка и дедушка, им тогда было по 61 году; Рейнгольд, моей матери Клары двоюродный брат, ему было тогда 17,5 лет. Всего нас было шестеро. На станции Курман посадили в телячьи вагоны и через Украину привезли на Кавказ. Там мы оставались один месяц и были задействованы на хлебоуборке. Потом опять погрузили и повезли на поезде в Сталинград. Там две недели лежали на берегу, потом пришли две баржи, нас погрузили и повезли вниз по течению, по Волге, в Астрахань. Там погрузили на другую, рыболовную баржу и привезли по Каспийскому морю в Гурьев. Когда плыли по Каспийскому морю, поднялся шторм. Я проснулся - крик, шум, баржу кидает то вправо, то влево. Военные, сопровождающие нас, встали по середине и кричат людям: направо, налево. Когда баржа клонилась налево, люди должны были бежать направо, а если баржа клонилась на право - люди бежали налево. И так всю ночь, только перед рассветом утихло.

В Гурьеве опять погрузили в эшелоны и везли через Ташкент, Алма-Ату, привезли на станцию Жангизтобе. В то время там было уже много снега, и нас на санях повезли в райцентр Коптекты. От станции Жангизтобе до райцентра Коптекты было 150 км, а оттуда до села Воздвиженка 38 км. Когда мы приехали в Коптекты, то нас оставили там, а всех, кто был моложе, забрали в село Воздвиженку. Тётю Лидию Горбенко с детьми тоже увезли туда. Она ехала с Крыма в соседнем вагоне. После смерти дедушки Генриха Нусс, летом к себе в колхоз нас забрала тётя Лидия Горбенко. Так мы попали в село Воздвиженку. Там лежит прабабушка Глют (рождённая Бауэр); бабушка Мария Нусс (рождённая Гальвас). Там жила тётя Лида Горбенкова, мамина сестра, она тоже там умерла, в 1948 году. Муж её умер ещё в Крыму в 1940 году, перед войной. Работал главным бухгалтером, пил. Потом заболел циррозом печени и умер.

С 1941 по 1946 года время было очень трудное, тяжёлое. Каждый спасал свою жизнь. Многие

молодые люди умирали с голоду, потому что не было работы. Я был проворный, искал работу и выжил. Можно сказать, что работа помогла мне выжить. Я работал в животноводстве, пас баранов в 30 км от посёлка, в Анголе. Получал 5 кг муки на 10 дней, а с 1945-1946 получал по 2 кг на 10 дней, 200 грамм в день. Работать приходилось весь день и помногу. А шёл мне в 1945 году только четырнадцатый год. Зимой по 30-40 км ходил пешком за скотом, а одежды толком не было. Однако за счёт того, что в животноводстве работал, и выжил: летом овцу подоишь, брынзу сделаешь, а зимой хуже, то дохлятину ешь, то ещё что-нибудь. Не дай Бог!!! Никому, даже врагу не желаю того пережить, как мы пережили. Ел всё подряд, когда другие ели, я ждал, если что-то оставалось - в рот и сожрал. Потом уже осенью 1946 года стали давать хлеб, зерно - тогда уже стали лучше питаться. Жизнь пошла.

Женился я в 1949 году, в Воздвиженке, на Лидии ... Гаас (1923). Лидия работала дояркой, а я был скотником, так познакомились и поженились. В 1950 году у нас родился сын, назвали **Фёдором**, а потом в 1954 году родилась дочь **Елена**.

20 апреля 1965 года я уволился с колхоза и мы переехали в Джамбульскую область, Курдайский район, село Георгиевка. В селе Георгиевка я работал трактористом. Потом, в 1979 году, мы переехали жить в Узбекистан в город Навои. Там я тоже работал первый год трактористом, а потом бригадиром по ремонту техники.

В Германию мы переехали жить в 1989 году с Узбекистана".

*Кергарт Генрихович Нусс
(1913-1930?) родился в Крыму.*

**Из воспоминаний Елены Генриховны Нусс-Ерейзер (1916),
дочери Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944):**

"Мой родной брат Кергарт после окончания школы работал на поле вместе с трактористами. Он бегал за трактором, и когда на плуг наматывалось много травы, то трактор останавливался, плуг поднимали, и он его чистил. Однажды в деревне Кулоба он вспотел и сильно простудился. Так как в то время врачей было мало, то лечить было некому. Пастор из деревни Нейман дал ему лекарство, но оно не помогло, и он умер. Это было в Крыму, примерно в начале 30-х годов".

*Роберт Генрихович Нусс
(1915-1942) родился в Крыму.*

**Из воспоминаний Елены Генриховны Нусс-Ерейзер (1916)
дочери Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944):**

"В 1941 году нас, как немцев выслали из Крыма. Когда мы приехали в какой-то город, то я на станций встретила сестру Иду (1907-1992) и брата Роберта (1915-1942). А было это так. Я лежала в вагоне, на верхней полке, у открытого окна, и слышу, кричит кто-то: "Нуссы, есть здесь!" Я тогда быстро соскочила с полки, высунулась в окно и кричу: "Есть!" Это были сестра Ида и мой брат Роберт. Тогда они кричат мне: "Собирайся скорее, пошли к нам, наш поезд стоит тут, за вашим!". Тогда я быстро собрала вещи, и мы пошли в их поезд.

Подходим к их вагону, а на входе стоит военный и ни кого из посторонних не пропускает, и меня тоже не захотел пустить: "Здесь уже и так много человек, мы больше не берём". Однако с их вагона как раз одна женщина ушла в наш вагон. Тогда брат Роберт говорит: "Почему не пускаешь? Одна женщина с нашего вагона ушла в их, у нас теперь место есть". А он говорит: "А я не пускаю! Если она зайдёт в этот вагон, то ты будешь в холодном вагоне трое суток сидеть". Но Роберт не испугался и согласился. Он пошёл, хорошо оделся. У него была фуфайка, мы ему ещё дали шубу, и в том вагоне было ещё

много соломы. И тогда, когда он вернулся, через трое суток, то говорит: "Я так хорошо там отоспался".

Потом нас привезли в Северо-Казахстанскую область, Полуденский район, в хутор 75-ый. Там нас распределили по квартирам. Наутро всех ребят собрали в школе, на краю деревни. И тогда им сказали, чтобы они собрались, и что они будут отправлены в трудовую армию. После того, как они уехали, мы их больше не видели. Они жили где-то на севере в палатках. Роберт писал оттуда, чтобы мы выслали ему махорку, чтобы он мог бы её поменять на хлеб. Но посылки у нас не приняли, и мой брат вместе с другими умер там от голода и холода. Там было большое кладбище. До войны Роберт был женат на Фриде. У них был совместный ребёнок, но он умер. Когда Роберт в трудовой армии умер, Фрида вышла замуж за другого мужчину".

Елена Генриховна Нусс (1916) с мужем Мартыном Мартыновичем Ерейзер и детьми Людмилой, Виктором, Валерией и Катериной.

Елена Генриховна Нусс родилась в Крыму, в селе Ней-Либенталь (Новоселье) 20 июня 1916 года, но записана 1918 годом. Замуж вышла в марте 1947 года за Мартына Мартыновича Ерейзера (1916-1991). У них родилось четверо детей: Людмила (1948), Виктор (1951), Валерия (1953) и Катерина (1954).

Из воспоминаний Елены Генриховны Нусс-Ерейзер (1916), дочери Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944):

"Родилась я в Крыму, в селе Ней-Либенталь (Новоселье) 20 июня 1916 года, но по документам записана 1918 годом. В этой же деревне, в семь лет, я пошла в школу, и окончила семь классов.

Потом я выучилась на воспитателя и работала в детском садике, в Ней-Либентале. Когда я работала в садике, то там была одна русская женщина, которая привела своего ребёнка в садик с больной рукой, но об этом не сказала. Тогда в конце дня я ей говорю: "Что-то ваша девочка целый день плачет"? А эта женщина и говорит: "А я не знаю, что случилось. Это у вас в садике она что-то сделала". И потом она подала на меня в суд. В назначенное время я приехала в суд и взяла с собой журнал посещаемости детей в садике. Как раз перед этим их дочка не была в садике. На суде я показала этот журнал посещаемости и

сказала, что она плакала целый день, и тогда они оправдали меня ипустили. После этого случая я боялась работать в детском садике. И тогда я поехала в город Симферополь, и там устроилась работать на швейно-ткацкой фабрике и работала там до войны.

Когда я жила и работала в городе Симферополь, то в этот же город, после окончания Цюрихтальской школы, приехал работать мой двоюродный брат Кергарт*. Он с другом устроился работать на обувную фабрику. Их работа, вроде, заключалась в том, чтобы упаковывать готовую обувь в коробки. В то время я как раз не имела туфель, так как купить не было возможности. Тогда Кергарт взял хорошие туфли, отложил, а в коробку положил кирпич. И эти туфли он подарил мне. Я была счастлива.

Елена Генриховна Нусс-Ерейзер на фабрике. Фото 1940 г.

* Это моей матери Фриды Александровны (1921-1986) родной брат, пропавший без вести.

В 1941 году нас, как и всех других немцев, выслали из Крыма. В Симферополе я жила на квартире у одной старой бабушки. По-соседски с ней жил участковый милиционер. Он помог мне погрузить мои вещи на машину и отвёз меня на станцию, с которой выслали всех немцев.

Когда нас приехали в какой-то город, то на станции я встретила сестру Иду и брата Роберта*. Потом нас привезли в Северо-Казахстанскую область, Полуденский район, Хутор 75-ый. Там нас распределили по квартирам. Наутро всех ребят собрали в школе, на краю деревни. Там им сказали, чтобы они собрали свои вещи, и что они будут отправлены в трудармию. После того, как они уехали в трудармию, мы их больше не видели. А мы остались жить здесь, в хуторе 75.

И вот однажды, уже после войны, я с племянником Арнольдом Зейбольд (1929-1988) везла на быке солому с поля. Дойдя до небольшого холма бык обессилил и не мог затащить этот воз на холм. Мы с племянником, как могли, помогали, но сил у нас не хватало. Было холодно, и мы уже не знали, что делать. Тут видим: идёт высокий мужчина, а рядом с ним женщина. Я говорю: "Арнольд, давай позовём их, может, помогут". Арнольд побежал, позвал. Это был Мартин Ерейзер со своей сестрой, он сразу меня узнал. После того, как он нам помог, говорит: "Ты не Нусс"? Я говорю: "Да, я Нусс"-, А я Мартин. Помнишь, в Крыму мы вместе на танцы ходили". После этой встречи мы стали дружить с ним, а потом Мартин сделал мне предложение, и в марте 1947 года мы поженились.

С Мартыном Мартыновичем Ерейзер, своим будущим мужем, я познакомилась ещё в Крыму. Когда я работала в детском садике, он учился в Феодосии в педагогическом техникуме. По воскресениям молодёжь съезжалась в свои сёла. Семья Мартина жила в Ней-Баяуте, где он и родился. Это была католическая семья. В деревне Ней-Либенталь, у Мартина был друг по фамилии Гофман, а у его отца был просторный амбар. В нём молодёжь собиралась по воскресеньям на танцы. А так как в селе Ней-Либенталь были самые красивые девчата, то он ходил туда на танцы. Кто-то играл на гармошке, кто-то на скрипке.

До войны Мартин успел окончить Интернациональный Педагогический техникум в городе Феодосии. Видать, он поступил в 1934, а окончил в 1937. По окончании техникума Мартин был назначен в 1937 году директором школы в одну из деревень Тельманского района, Крымской АССР. Когда началась война, он был освобождён от занимаемой должности 16 августа 1941 года. А потом как и все немцы был выслан из Крыма и попал в тот же район, куда были привезены и мы: в Северо-Казахстанскую область, в Полуденский район, в колхоз Тельмана, в 15-20 км. от хутора 75-ый. Оттуда он был забран в трудармию в город Челябинск.

Так как он был грамотный, то начальник лагеря поручил ему бухгалтерскую работу. Вечером после работы начальник забирал его к себе, подкармливал, и тогда Мартин набирался сил, делал отчёты, а потом шёл спать. Благодаря этому хорошему, вечернему питанию он и выжил. В начале зимы 1946 года он вернулся с трудармией. А его сестра жила тоже в хуторе 75-ом, и Мартин её навещал, и во время одних из таких посещений мы с ним опять и встретились, и потом поженились.

До этого я жила вместе с семьёй сестры Иды, а когда я вышла замуж, тогда Мартину дали одну комнату с прихожей на станции Фурмановка, где он работал учителем начальных классов в Фурмановской семилетней школе. Потом мы переехали в село Николаевка, где Мартин был назначен преподавателем пения, математики и иностранного языка Николаевской сельской школы. Здесь, в селе Николаевка, родились четверо наших детей: **Людмила** (1948), **Виктор** (1951), **Валерия** (1953), **Катерина** (1954). А в 1955 году мужа перевели работать в село Рявкино, и здесь уже мы построили дом.

Я начала работать, когда уже наши дети пошли в школу и работала поваром в больнице села Рявкино".

Из воспоминаний Валерии Мартыновны Ерейзер (1953), дочери Елены Генриховны Нусс-Ерейзер (1916):

"В 1963 году мы переехали в Джамбульскую область, Курдайский район, посёлок Лубзавод. Отец поехал в отпуск и присмотрел там одну времянку, и родители купили её. Хозяин этой времянки был чеченец, который переезжал в город Грозный. И он обещал, что его сын, который скоро тоже должен был уехать жить в город Грозный, отдаст нам большой дом, в котором он жил. И тогда в этом году мы переехали в эту времянку и прожили в ней, в тесноте 1,5 года. А потом,

* *Смотри выше в биографии Роберт Генрихович Нусс (1915-1942).*

когда сын чеченца уехал в Чечню, то мы перешли на улицу Школьную в его дом. Там был большой сад, большой виноградник. Папа устроился работать в заводскую школу и работал в ней до 1977 года, а потом пошёл на пенсию.

1 августа 1975 года я вышла замуж за Юрия Зверева, и мы уехали жить в город Джамбул.

Где-то в 1985 году мама с папой переехала к младшей дочери Катерине в город Фрунзе, так как она к тому времени вышла замуж за Андрея Гельцер и уехала жить к мужу. В 1988 году они первые переехали жить в Германию, а я с семьёй переехала жить в Германию в 1994 году".

*Иоганнес Яковлевич Гальвас
(1883-19...) родился в Крыму,
в деревне Ней-Либенталь..*

*Иоганнес Яковлевич Гальвас родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Новоселье) 16 ноября 1883 года. Крёстными (или восприемниками) его были Иоганнес Нусс и Христина Нусс. Женат был, видать, на Розине Фолленвейдер (18...-19...). У них, насколько известно, было 3 детей: **Герберт** (1909), **Гильда** (1910) и **Эмиль** (1911).*

До сегодняшнего дня не было известно о Иоганнесе Яковлевиче, брате моего деда Александра, почти ничего.

Тётя Эльза Гальвас-Вебер (1914-2006) говорила, что он рано умер, и у него, якобы, не было детей. После его смерти жена вышла замуж за другого мужчину. Также у неё было записано, что он приходится крёстным отцом её брата Гуго.

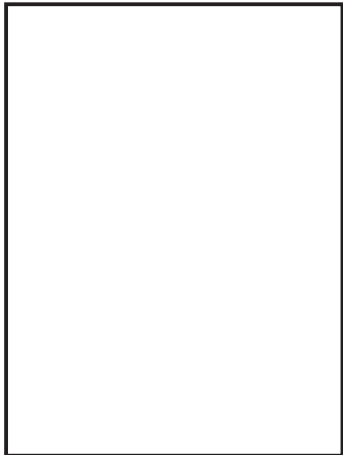
*Но, сегодня 26 марта 2007 года по Интернету пришло письмо из Канады от Нерв Вейс, в котором перечислялся ряд имён фамилии Гальвас, их даты рождения, место рождения, имена родителей, в графе «другая информация» иногда имена дедушек или где родился отец. Многие из этого списка рождёны в селе Новоселье (Ней-Либенталь). И вот трое из них: **Герберт** (16.05.1909), **Гильда** (08.05.1910) и **Эмиль** (13.06.1911). Отец у этих троих записан Иоганнес Гальвас, а мать Розина Фолленвейдер (Folenweider). Отец Иоганнеса записан - Яков из села Новоселье, и Иоганнес тоже рождён в этом селе. Но в селе Новоселье жил только один Яков, мой прадед с 1854 года рождения. Поэтому можно сделать заключение, что этот Иоганес был сыном моего прадеда.*

Обратим внимание ещё на то, что дети у Иоганнеса от Розины ... Фолленвейдер рождались каждый год, и разница между ними почти ровно год. Обычно же интервал между детьми был около двух лет. Из этого можно сделать вывод, что они или были искусственниками, или почти сразу после рождения умирали.

Скорее всего, последнее, и поэтому тётя Эльза Гальвас-Вебер (1914-2006) говорила, что у Иоганнеса не было детей, и что он рано умер. Также она говорила, что после его смерти жена его вышла замуж во второй раз. И поэтому Розине Фолленвейдер легче было выйти замуж во второй раз, как просто вдове, не имеющей детей.

И вот новые сведения. Сегодня, 26 сентября, разобравшись в таблице, присланной мне из Америки Берницией Эдвардовой (1932), выяснилось, что Иоганнес Яковлевич Гальвас родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Новоселье) 16 ноября 1883 года. Но жил, видать, Иоганнес Яковлевич в деревне Ейгенфельд (Eigenfeld), потому что записано, что он в этой деревне умер, значит, ещё до выселения из Крыма.*

* Смотри объяснение на странице 52, в биографии Вильгельм Яковлевич Гальвас (1878-19...).

*Юлиана Яковлевна Гальвас
(1885?-19...) родилась в Крыму.*

*О Юлиане Яковлевне Гальвас на сегодняшний день почти ничего не известно. Из присланного мне плана деревни Ней-Либенталь (Новоселье) видно, что Юлиана Яковлевна была замужем за Яковом ... Приб, у которого были братья: Христиан и Генрих. Сын Христиана Приб Иоганн Христианович был женат на сестре моей бабушки, по линии матери, Елизавете Генриховне Дубс-Приб. И сегодня, 26.09., можно более точно сказать, что Юлиана Яковлевна родилась в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Новоселье), возможно в 1885 году. Из слов родственников, у них родилось пять детей: **Юлиана** (19...-19...), **Вилли** (19...-19...), **Тереза** (19...-19...), **Клара** (1912-19...) и **Марта** (1915-19...).*

*Эдуард Яковлевич Гальвас
(1887-1914) родился в Крыму,
в деревне Ней-Либенталь.*

*Эдуард Яковлевич Гальвас родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Новоселье) 11.05.1887 года. Женится он где-то в 1912 году на Катерине Эдуардовне Сутер (1885-1966), которая была родом из деревни Цюрихталь. У них родилось двое детей: **Гуго** (1913-1942) и **Эльза** (1914-2006).*

Из воспоминаний Эльзы Эдуардовны Гальвас-Вебер (1914-2006), дочери Эдуарда Яковлевича Гальвас (1887-1904):

"Когда в 1914 году началась первая мировая война, мой отец Эдуард Яковлевич был тоже призван в армию. В том же году он попал в плен к австрийцам и там

умер. А я в том году только на свет появилась, поэтому своего отца я не знаю. У меня были только мать Екатерина и старший брат Гуго. Воспитала меня мама, и при жизни в Крыму я русского языка не знала. От отца остался только дом, а твой дедушка, Александр Яковлевич (1892-1938), а также мамин брат, кормили нас - давали сено для скота, зерно и т.д.. Мой дедушка Яков был уже старый, поэтому его сын Александр был хозяином во дворе. Александр Яковлевич Гальвас был моим крёстным, а у брата Гуго крёстными были: Иоганнес Яковлевич Гальвас (брат Якова, Эдуарда и Александра), а также мамина сестра Иоганна Сутер-Хагенлох.

Старший сын деда Якова, Яков Яковлевич, в то время уже жил отдельно в своём доме, в селе Ней-Баяут".

*Жена Катерина Эдуардовна
Сутер-Гальвас (1885-1966).*

*Гуго Эдуардович Гальвас
(1913-1942).*

Гуго Эдуардович Гальвас (1913-1942), родился в деревне Ней-Либенталь. Женился примерно в 1935 году на Эмилии ... Зель (1912-1997?). У них родился сын Эдуард (1936-1984).

Из воспоминаний Эдуарда Эдуардовича Гальвас (1960), внука Гуго Эдуардовича Гальвас (1913-1942):

"Дедушка Гуго женат был на Эмилии ... Зель, которая родилась 2 октября 1912 года. До того как дедушку забрали в 1939 году, он работал механиком по ремонту тракторов. Умер он в 1942 году в Магадане, куда его сослали ни за что. У тётки Эмилии было потом ещё двое детей, от другого мужа, и последнее время она жила с дочкой, но писалась до своей смерти - Гальвас".

Ещё некоторые сведения о нём записаны в биографии его сестры Эльзы.

*Эдуард Гугович Гальвас
(1936-1984), родился в Крыму.*

Эдуард Гугович Гальвас родился в Крыму, в городе Джанкой 29 июня 1936 года. 10 мая 1959 года он женился на Виктории Александровне Гельвер (1935). У них родилось двое сыновей: Эдуард (1960) и Роберт (1965).

*Виктория Александровна
Гельвер-Гальвас (1935), родилась
на Кавказе.*

Из воспоминаний Эдуарда Эдуардовича Гальвас (1960), сына Эдуарда Гуговича Гальвас (1936-1984):

"Мой отец, Эдуард Гугович Гальвас, родился в Крыму, в городе Джанкой 29 июня 1936 года.

В 1941 году он вместе с матерью был выслан в Кустанайскую область. Там отец пошёл в школу и окончил 4 класса.

Примерно в 1956 году отец со своей матерью переехал жить в Джамбульскую область, Джамбульский район, в колхоз имени "Свердлова". Здесь тогда жила папина тётка - Эльза Эдуардовна. В колхозе "Свердлова" отец стал работать трактористом и так всю жизнь им проработал.

10 мая 1959 года он женился на Виктории Александровне Гельвер (1935). Машины родители были родом с Волги, но она сама родилась на Кавказе, так как после раскулачивания её родители переехали туда жить. Мама работала и в больнице санитаркой, и в регистратуре. 29 июня 1960 года у них родился я, Эдуард, а 18 января 1965 года мой брат Роберт.

В 1983 году папа уехал к своей матери в город Старый Оскол, там он хотел обжиться, и потом перевезти всю семью, но через некоторое время его нашли там убитым. Что случилось с ним, мы до сих пор ничего не знаем. Это произошло 16 апреля 1984 года.

Потом мы с мамой жили под Целиноградом в селе Островная, а потом переехали жить под Ташкент в посёлок Улугбек, который со временем сросся с городом. Отсюда мы переехали жить в Германию, 15 ноября 1992 года".

*Эльза Эдуардовна Гальвас (1914-2006)
с мужем Эмилем Александровичем
Вебер (1911-1978).*

*Эльза Эдуардовна Гальвас-Вебер родилась в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Новоселье) 4 ноября 1914 года. Замуж вышла в 1936 году за Эмиля Александровича Вебер (1911- 07.12. 1978), который родился в Крыму, в деревне Заурчи, Джанкойского района. У них родилось шесть детей: **Линда** (1938-1939), **Лилия** (1940-1941), **Эмиль** (1944-1944), **Бернгарт (Борис)** (1949), **Эдуард** (1953) и **Александр** (1954).*

Когда я в Германии первый раз разговаривал с Эльзой Эдуардовной Вебер, рождённой Гальвас, ей было уже 90 лет. Виделись мы с ней первый раз где-то в 1974 году. Тогда я со своей матерью Фридой Александровной Гальвас (1921-1986) ездил в гости в город Джамбул к материному двоюродному брату дяде Гене Дубс (1930-2004) и заезжали также к тёте Эльзе, которая тоже жила тогда в городе Джамбуле. Тётя Эльза и моя мама были двоюродными сёстрами.

Из воспоминаний Эльзы Эдуардовны Гальвас-Вебер, дочери Эдуарда Яковлевича Гальвас (1887-1904):

"В 1929 году пошло раскулачивание. Сначала раскулачили моего дедушку Якова с сыном Александром, а потом и нас. В то время у нас был дом, корова, свинья, куры. И всё это у нас отобрали. Мама поехала и добивалась, чтобы дом вернули, и добилась своих прав, что это не кулацкое хозяйство. Суд присудил всё вернуть, но ничего не вернули. Но в то время, когда мама добивалась своих прав, забрали её детей: брата Гуго и меня, и сослали в Архангельскую область. А мама осталась в Крыму одна под небом - без дома, без хозяйства и без детей.

Это было где-то в 1931 году, потому что в 1930 году я сделала конфирмацию, а на следующий год нас выслали в Архангельскую область. Там мы были один год, так как мама писала в Москву или ещё куда-то, и нас освободили. Мы приехали в свою деревню Ней-Либенталь. Нам выдали документы, что мы свободные, а маме документов не дали, чтобы вернуть всё имущество, и ничего не вернули. И опять мы под небом стояли: иди куда хочешь. Мой двоюродный брат Бруно в то время был председателем сельсовета в соседнем колхозе".

Я спрашиваю: "Что, брат Бруно не мог заступиться, раз в суде оправдали".

Она говорит: "В то время рот не открыт было, только открыл – забрали. Потом мы пошли в деревню Конграт, там был председателем Яков Людвигович Гальвас*. Этот Яков Людвигович доводился двоюродным братом моему отцу. У него были дочки Эрн и Лина. Жизнь была тогда тяжёлая, я тогда ничем не интересовалась, такая прибитая была, обиженная.

В Конграте мы жили недолго. Был там один, по фамилии Рихтер. Из-за него мама не вступила в колхоз, потому что он сказал: "Она же кулачка, надо их вычеркнуть с колхоза". Потом брат Гуго тоже ушёл там с колхоза, и мы переехали жить в город Джанкой".

Из воспоминаний Лины Яковлевны Гальвас (1924), дочери Якова Людвиговича Гальвас, двоюродной сестры Эльзы Эдуардовны Вебер:

"Когда Эльза с матерью и братом Гуго приехали в Конграт, отец их принял. А потом отцу за это попало. Рихтер Отто говорил: "Вот она кулачка, а ты принял её в колхоз". Потому что Эльзы мать Катерина была из богатой семьи. Этот Отто виноват в том, что моего отца посадили, а также брата моего отца - Вильгельма. Мы тогда уже в Феодосии жили, а он всё докапывался - они кулаки*. Мать же Эльзы, с ней и сыном Гуго, уехали в город Джанкой. И потом я их не видела до 1958 или 1959 года. Уже в Казахстане, в Джамбульской области, только и встретились".

* Подробнее смотри в роде Якобины Генриховны Гальвас (1867-1904?), стр. 170.

Из воспоминаний Эльзы Эдуардовны Гальвас-Вебер, дочери Эдуарда Яковлевича Гальвас (1887-1904):

"Вокруг Джанкоя жило много евреев. Брат Гуго устроился на работу, трактористом, а я работала в магазинах уборщицей. В Джанкое я познакомилась с Эмилем Александровичем Вебер (1911-1978), который родился в Крыму, в Джанкойском районе, в деревне Заурчи 2 января 1911 года. Когда мы поженились, мне было 22 года, видать, в 1936 году. Брат Гуго в то время тоже был уже женат. И тогда он с моим мужем Эмилем начал строить дом. Сами делали саман, выложили стены, поставили крышу. Потолка ещё не было. Сделали одну комнату нам и одну брату. Посередине была кухня, и ещё сенцы. И вот пришла осень, и брата Гуго забрали*. Его жена Эмилия ушла жить к своей маме, которая жила недалеко от Джанкоя. Там она устроилась на работу.

В Джанкое 07.08.1938 году у нас родилась дочка Линда, но 6 октября 1939 она умерла. Потом, 19 сентября 1940 года, родилась снова девочка. Я хотела её тоже назвать Линдой, но мама не разрешила, и я назвала её Лилией. Опять потихоньку жили, и вот 1941 год, война, депортация. Сначала нас привезли на Кавказ, а потом в Казахстан, в город Джамбул. С собой у нас была шуба. Наверное, она ещё там, на вешалке висит".

Смеётся. Тёте Эльзе, когда она это вспоминала, был уже 91-й год, но, несмотря на это, у неё была неплохая память, видела она и читала без очков. Как она говорила, зрение у неё к старости вернулось, хорошо слышала.

"Там у нас умерла 29 октября 1941 года дочь Лилия и похоронена в Джайкуруке. А 5 марта 1944 года у нас родился сын, которого мы назвали в честь отца - Эмилем. Но вскоре мужа призвали в трудовую армию. Я, с маленьким Эмилем на руках, пошла на вокзал, провожать мужа. Паровоз дал сильный гудок, и сын Эмиль, которому было всего 1 месяц и 8 дней, умер. То ли от гудка, то ли от чего-то ещё, не знаю. А мужа забрали, и он уехал, а я осталась с мёртвым сынишкой одна. У мужа в городе Джамбуле жил брат Бернгарт Александрович. У него я оставила тело ребёнка и пошла пешком в колхоз "Октябрь", в котором мы жили. Он находился в 40 км от Джамбула. Там я взяла деревянное корыто для стирки белья, которое мне сделал муж Эмиль, когда он был ещё дома, и потом пошла с этим корытом назад. В этом корыте мы и похоронили маленького Эмиля. Это в 5 км от Джамбула, там же, где похоронили Лилию".

Из воспоминаний Бернгарта Эмильевича Вебер (1949), сына Эльзы Эдуардовны Гальвас-Вебер (1914-2006):

"Отец вернулся с трудовой армии где-то в 1947 году. Жили родители тогда в колхозе "Октябрь", Джамбульского района, Джамбульской области. Здесь же 7 апреля 1949 году родился я, Бернгарт (Борис). А в начале 50-х годов мы переехали жить в Джамбульский Свеклосовхоз. Здесь родились два моих брата: 26 февраля 1953 года Эдуард и 4 декабря 1954 года Александр.

В Свеклосовхозе в 1956 году я пошёл в первый класс. Так как в этом совхозе была только восьмилетка, я её окончил, а потом поступил учиться в училище железнодорожников в городе Джамбуле, по специальности радиомеханик, и параллельно окончил в вечерней школе 11 классов. После окончания училища я устроился работать на Джамбульский химзавод в КИП (контрольно измерительная аппаратура) и отработал один год.

В 1972 году я поступил на вечерний факультет в Новосибирский Электротехнический институт связи по профессии радиоинженер, а работал на заводе "Электросигнал". Учились мы четыре раза в неделю с 6 до 10 часов вечера и так шесть лет. В 1978 году я окончил учёбу, получил диплом и потом работал на этом же заводе инженером, а потом замначальником цеха радиотехнической аппаратуры.

В 1973 году я женился на Лилии Фёдоровне Вайднер (1949). Здесь у нас родились дети: Маргарита (14.02.1975) и Александр (04.02.1976). В Новосибирске мы жили почти до отъезда в Германию. Но сначала мы вернулись в город Джамбул, а потом переехали жить в Германию".

Из воспоминаний Лины Яковлевны Гальвас (1924), дочери Якова Людвиговича Гальвас, двоюродного брата Эдуарда:

"Когда мы приехали жить в Свеклосовхоз в 1957 году, семья Эмиля Вебер уже жила там. Где-то в этих годах к нам в гости приехали дядя Вильгельм и тётя Катя. А утром дядя Вильгельм

* Наверное это было в 1937 году.

говорит: "Поедем на базар в город". Ну, мы с ним собрались и пошли на автобусную остановку. Там жил ещё Гуго Готфридович Гальвас*, он тоже стоял на остановке с женой Бертой.

Ну, мы стояли и разговаривали. А Эльза стояла в стороне и слышала: что мы все стоим тут - Гальвасы. Она подошла и говорит: "Я слышу, вы все тут Гальвасы, а я тоже рождённая Гальвас". А я спрашиваю: "А чья ты?" Она отвечает: "Эдуарда Яковлевича дочь, в Конграте жили. Тогда мы только узнали друг друга. Потом уже ходили друг к другу в гости, пока они не переехали в колхоз имени "Свердлова". Её муж, Эмиль, работал там механиком".

Эмиль Александрович Вебер (1911-1978) с женой Эльзой Эдуардовной Гальвас-Вебер (1914-2006) и детьми: Бертольд (Борис) (1949), Эдуард (1953) и Александр (1954).

Из воспоминаний Бернгарта Эмильевича Вебер (1949), сына Эльзы Эдуардовны Гальвас-Вебер (1914-2006):

"В 1964 году мы переехали жить в колхоз имени Свердлова. Отец работал здесь заведующим мастерскими, а мама была домохозяйкой. В 1972 году родители купили дом в городе Джамбуле на улице Чкалова 49, и мы переехали жить тогда в Джамбул.

7 декабря 1978 года умер от инфаркта сердца наш папа Эмиль Александрович.

Из города Джамбул моя мама в декабре 1981 года уехала в Германию с семьёй моего младшего брата Александра. А моя семья переехала в Германию в сентябре 1982 года".

Александр Яковлевич Гальвас (1892-1938) родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь.

Мой дедушка по материнской линии Александр Яковлевич Гальвас родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь (Новоселье) 1 июня 1892 года. Он был младшим сыном у прадеда Якова Генриховича Гальвас (1854-1941)..

*Женился дедушка Александр 31 мая 1918 года на Оттилии Генриховне Дубс (1895-1924?). Моя бабушка Оттилия родилась, видать, в 1895** году в Крыму, в посёлке Цюрихталь. Её отец, Генрих Генрихович Дубс, родился тоже в посёлке Цюрихталь, и к тому времени, когда его дочка Оттилия выходила замуж, он уже был умер. Об этом говорится в их свидетельстве о бракосочетании.*

У них родилось трое детей: Кергарт (1919-19...); моя мама Фрида (1921-1986) и Рейнгольд (1924-1995). Когда их третьему ребёнку, а моему дяде Рейнгольду было несколько месяцев, его мать

Оттилия умерла, по какой причине, неизвестно, но ей было всего 29 лет.

* Смотри в роде Генриха Людвиговича Гальвас (1840-1908), стр. 382.

** Из ниже приведённого свидетельства о бракосочетания выходит, что она родилась примерно в середине января 1895 года.

ОКРУГЪ
ПЕТРОГРАДСКОЙ
Евангелическо-Лютеранской
КОНСИСТОРИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКОСОЧЕТАНИИ

Выписка из списка сочетающихся браком Найманского Евангелическо-Лютеранского прихода, Таврической губернии.

Том 20 стр. 11 № 23

Тысяча девятьсот восемнадцатого (1918) года, мая (31) тридцать первого нового стиля, обвенчаны Пастором И. Реймерс в с. Новоселье, в молитвенном доме оглашённые 12.05., 19.05. и 26.05. нового стиля.

Холостой Александр Гальвас (Alexander Gallwas) Новосельский поселянин, сын жителя села Новоселье Якова Гальвас, родившийся в селе Новоселье, 24 г. 11 м. от роду и девица Оттилия Дубс (Ottilie Dubs) дочь умершего Цюрихтальского поселянина Генриха Дубс, родившаяся в селе Цюрихталь, 23 г. 5 м. от роду; оба лютеране.

Совершённую верность сей выписи с выше означенным списком свидетельствую с приложением церковной печати.

с. Найман	Печ. Найманск.
Август 1-го дня	Еванг. Лют.
1920г.	приход

sub fide pastorale
Пастор И. Реймерс

*Мелита Яковлевна Гаар
(1902-1971) родилась в Крыму,
в деревне Кулоба.*

Мелита Яковлевна Гаар родилась в Крыму, в деревне Кулоба 20 февраля 1902 года. От бабушки Мелиты у деда Александра было ещё трое детей: Эдвин (1927-1998); Ванда (1929 -1931) и Гуго (1935).

Из воспоминаний Гуго Александровича Гальвас (1935), сына Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938), от второй жены Мелита Яковлевна Гаар-Гальвас (1902-1971):

"Мама говорила, что Рейнгольду было 6 месяцев, когда умерла его мама Оттилия, и что через год к ним в дом пришла Мелита Яковлевна, моя мама.

Мою маму, Милиту Гаар, замуж выдали насильно. Её отца тоже звали Яковом. Родители дружили и договорились поженить Александра и Милиту. А так как раньше дети были послушны родителям, то, несмотря на 10 летнюю разницу в возрасте, они расписались. Мой отец был с 1892 года, а моя мама с 1902. Итак, Мелита Яковлевна стала второй женой моего отца. У мамы Милиты были сёстры Берта и Амалия, остальных не помню".

30 октября 1925 года дед Александр Яковлевич женился на Милите Яковлевне Гаар. Это стало известно из того, что у Агнеты (Наташи) Мартинс-Гальвас (1928-2007) жены моего дяди, Эдвина Александровича Гальвас (1927-1998), нашлась запись о бракосочетании деда Александра со второй женой, буквально на клочке бумаги. Я когда был у неё в гостях, в 2004 году, то бегло снял этот документ на камеру, так как в то время я ещё не писал книгу, а только собирал данные по родам.

В 1931 году дед Александр со второй женой Мелитой Яковлевной и тремя детьми были депортированы, как кулаки, в Архангельскую область. Дядя Рейнгольд говорил: "У нас осталось в Крыму большое имение, в котором потом был сельсовет".

В ниже приведённой справке почему-то не записан Эдвин Александрович, но его жена говорила, что он тоже с ними был выслан из Крыма.

*Братский район
улицы уральские
перейти к вых.*

Справка о реабилитации

Выдана в том, что гр. Гальвас Александр Яковлевич, 1892 года рождения, уроженец и житель с. Новоселье Феодосийского района Крымской АССР вместе с семьей:

жена - Милита Яковлевна, 1902 г. рождения;

дочь - Фрида Александровна, 1921 г. рождения;

дочь - Ванда Александровна, 1929 г. рождения

были высланы из Крыма в мае 1931 года на спецпоселение в Архангельскую область в порядке раскулачивания по решению местных органов власти Крыма.

На основании статьи 3 Закона Украины от 17 апреля 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий в Украине", архивной справки ИЦ УВД Архангельской области № 18 Г-И от 23 марта 2000 г. (архивное дело № 128378) гр. Гальвас Александр Яковлевич, жена Милита Яковлевна, дочери: Фрида и Ванда РЕАБИЛИТИРОВАНЫ.

Из воспоминаний Агнеты (Наташи) Петровны Мартинс-Гальвас (1928-2007), жены Эдвина Александровича Гальвас (1927-1998):

"Когда Александра Яковлевича и его жену Милиту Яковлевну с тремя детьми: Фридой - твоей матерью, Эдвином - моим мужем, и дочерью Вандой депортировали, как кулаков из Крыма, то их привезли в посёлок Глубокий, Плесецкого района, Архангельской области.

Ванда умерла почти сразу от голода и неравномерного питания. Кто-то дал бабушке Милите утку, и она сварила её. А с бульона она сварила нудель-суп и дала этот суп изголодавшейся Ванде и другим детям. Ванде было всего два годика. Она попросила ещё, а матери жалко было отказать, и она дала ей ещё. А так как желудочек у неё был непривыкший к такой пище, ведь утка тяжёлая пища даже для здорового человека, то Ванде от этого стало плохо, и она вскоре умерла. Бабушка Мелита говорила: "Я хотела как лучше, а получилось, наоборот, хуже".

В посёлке Глубоком они жили в бараке и до войны и некоторое время после. В посёлке Ижошке, Плесецкого района был смолокурный завод, и отец моего мужа Александр Яковлевич до ареста работал на этом смолокурном заводе. Так как в том районе рубили много леса, то в лесу оставалось много пеньков, а в этих пеньках было много смолы. Поэтому эти пеньки выкорчёвывали, взрывая их, а потом везли на смолокурный завод, чтобы из них выгнать смолу. Одни взрывали, другие возили и т.д."

Из воспоминаний Раисы Степановны Кузминой-Дубс (1934), жены Генриха Рейнгольдовича Дубс (1930-2004):

"Мы жили в посёлке Ижошка Плесецкого района, а сельсовет был в большой деревне Ветка Кочмас, это примерно в 15 км от нас". Смолокурный завод был в Ижошке, а когда мы подросли, его уже закрыли.

Из воспоминаний Гуго Александровича Гальвас (1935), младшего брата моей матери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"Первоначально Глубоком и Ижошка были небольшие посёлки, домов 12-16. А потом, когда лесоразработки закончились, тогда в них образовали колхозы".

В апреле 1938 года Александра Яковлевича вместе со многими другими мужчинами посёлка Глубокого забрали, и 11 ноября того же года расстреляли.

В 1938 году, когда деда Александра расстреляли, его детям было: Кергарту-19 лет, Фриде-17 лет, Рейнгольду-14 лет, Эдвину-11 лет и Гуго-3 года.

Моя мама Фрида пошла работать в 17 лет, так совпало, почти в тот же день, когда расстреляли её отца, но она об этом тогда не знала. А потом началась война.

Исп. вх. № _____

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

23 И Ю Л Я 1964 г.
№ 151-Н-64
Ленинград 55, ул. Герцена, 1

С П Р А В К А

Дело по обвинению гражданина ГАЛЬВАСА Александра Яковлевича, 1932 года рождения, уроженца села Новосель Феодосийского района Крымской области, арестованного 16 апреля 1938 года, - пересмотрено Военным трибуналом Ленинградского военного округа 5 июня 1964 года. Постановление от 31 октября 1938 года в отношении ГАЛЬВАСА А.Я. ОТМЕНЕНО и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления. Гр-н ГАЛЬВАС реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВТ ДЕНВО
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ

(И. ВОРОБЬЕВ)

Типогр. газ. «На страже Родины»

Из воспоминаний Агнеты (Натальи) Петровны Мартинс-Гальвас (1928-2007), жены Эдвина Александровича Гальвас:

"Бабушку Мелиту с твоей матерью в 1942 году забрали в трудовую. Эдвин рассказывал, что ему в то время было 15 лет. Эдвина тоже хотели взять в трудовую, но ему по возрасту не хватало пару лет. Тогда власти сказали: "Пусть он остаётся работать в колхозе "Глубоком", и мы тут за ним будем присматривать". Так он остался жить в бараке, в той же комнате, где они жили когда-то всей семьёй вместе. Эдвиного брата - Гуго, который родился уже здесь в колхозе "Глубоком", пришлось отдать в детдом. Их мама Мелита вернулась с трудовой ещё во время войны, так как у неё были проблемы со здоровьем. Потом, когда она немного пришла в себя и когда закончилась война, тогда они забрали Гуго домой".

Из воспоминаний Александра Гуговича Гальвас (1966), сына Гуго Александровича Гальвас (1935), по рассказам отца:

"Моя бабушка Мелита, когда была в трудовой, попала в психбольницу, и там некоторое время лежала. А потом её комиссовали, но, как говорится, нет худа без добра, если бы она не заболела, то вообще могла бы не вернуться домой, и тогда мой отец тоже не вернулся бы с детдома. После возвращения у неё иногда были завихрения, но терпимо".

Из воспоминаний Агнеты (Наташи) Петровны Мартинс-Гальвас (1928-2007), жены Эдвина Александровича Гальвас:

"После войны в колхозе "Глубоком" остались одни старики, и примерно в 1947 году колхоз "Глубокий" и "Ижошку" объединили, а всех людей с колхоза "Глубокого" забрали в "Ижошку". Эдвина мама Мелита

тоже переехала в колхоз "Ижошку" вместе с детьми: Эдвином и Гуго. Этот колхоз находился в 13 км от Плесеца. Эдвин работал в колхозе на ферме. Мелита Яковлевна устроилась работать в школу уборщицей. Она получала теми деньгами 200 рублей и на эти деньги жила и учила сына Гуго, который окончил школу и поехал учиться на ветеринарного врача в Холмогорский техникум*.

Эдвин и свекровь Мелита ездили в гости в Соликамский район Пермской области к брату Рейнгольду и сестре Фриде, твоей матери. Рейнгольд работал там, на лесоповале, и он писал: "Эмма болеет, может, мать приедет, за детьми посмотри" Когда мама Мелита с сыном Гуго переехала в Казахстан, там она уже больше не работала, получала пенсию и на эти деньги жила.

У Мелиты Гаар было две сестры: Берга, которая жила в Свердловске или в Челябинске, и Амалия. Одна из этих сестёр вышла замуж за однофамильца Гаар. Был также брат, но я не помню, как его звали".

Бабушка Мелита умерла в декабре 1971 года, не своей смертью. Ей было почти 70 лет. Она угорела от угарного газа из печи. Это было в Казахстане, в совхозе имени Жданова, где я родился. В декабре-месяце мы всюто топчили печи углем, и она по какой-то причине закрыла раньше времени задвижку и угорела. Жизнь у неё была тоже не из лёгких, как у многих в то время: замуж отдала насильно в 22 года, уже в 36 осталась вдовой с двумя детьми: Эдвином (11 лет) и Гуго (3 года) Замуж больше не выходила.

Из воспоминаний Агнеты (Наташи) Петровны Мартинс-Гальвас (1928-2007), жены Эдвина Александровича Гальвас:

"С тётей Милитой было целое горе, всё на печке экономила, ещё с Архангельска. Когда мы жили уже в Казахстане, в совхозе им. Жданова, она тогда жила с младшим сыном Гуго и его семьёй, дом которых был по соседству с нами. Как-то раз** я встала ночью кормить маленькую дочь Аню. Окно в нашей спальне выходило прямо к ним во двор. Я гляжу, в коридоре у них горит свет, Валя, Гутина жена, сидит со старшим сыном Андрюшей, Гуго и Мелита Александровна здесь же. Несмотря на то, что была зима, дверь была открыта на улицу. Я разбудила Эдвина и говорю: "Оденься и иди, посмотри, наверно у них там случилось что-то".

Ну, он сходил, потом приходит и говорит: "Ну что ты думаешь, мать ведь опять раньше времени трубу закрыла. Хорошо, что Андрей проснулся и плакал. Тогда Валя проснулась и стала его кормить. А потом она поняла, что у них весь дом в угаре, и это спасло их". Они отругали мать и сказали: "Зачем же ты это делаешь, всё время трубу раньше времени закрываешь". И так, на этот раз миновало. Гуго говорил: "Она и в посёлке Глубоком, в Архангельской области также делала, закрывала трубу в печке раньше времени". Потом, уже в 1971 году, Гуго собирался уехать жить в Джамбул, а дом продать Курпасам. А тётя Мелита оставалась жить в совхозе одна. Ей в двухэтажном доме, в трёхкомнатной квартире дали одну комнату, и она в ней жила. Квартира отапливалась печкой. В соседней комнате жила Надежда Шульга с дочкой, а кухня была общая.

В один из этих дней она опять закрыла задвижку в печке раньше положенного времени. Гуго в тот день хотел резать свинью и пришёл к ней в 11 часов дня, чтобы взять её с собой для разделки мяса. Когда он пришёл к ней - а дверь закрыта. Что такое? Стучит, никто не открывает. Тогда он выбил дверь, а она лежит на кровати, и изо рта пена - отравилась. Когда пришёл Эдвин, то заглянул в печку, а там ещё были красные угли".

*Кергарт Александрович Гальвас
(1919-19...)*

О дяде Кергарте Александровиче Гальвас нам почти ничего неизвестно. Помню только, мамина двоюродная сестра по Дубсам, Пеннида Леопольдовна Шейнер (1923-2005), рассказывала:

"Когда я была в трудармии, то встретила парня,

* *Подробнее смотри ниже в биографии Гуго Александровича Гальвас (1935).*

** *Это, видать, было в 1963 году.*

сильно похожего на Кергарта. Я спросила его: "Тебя зовут Кергарт Гальвас". Он ответил: "Вы ошиблись, моя фамилия Кузнецов". Тогда я сильно обиделась на него, и когда мы были как-то вдвоём, он хотел поговорить со мной, но я не стала с ним разговаривать. Больше я его не видела".

Выжил он или нет, из родни никто не знает.

Из воспоминаний Елены Генриховны Нусс-Ерейзер (1916), двоюродной сестры моей мамы Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"Кергарт, мой двоюродный брат, был хороший парень. Кергарт с другом окончил Цюрихтальскую школу и приехал работать в Симферополь. Там он устроился работать на обувную фабрику. Я в то время тоже работала в Симферополе. Их работа заключалась в том, чтобы запаковывать готовую обувь в посылки и забивать их.

Как раз в то время мои туфли порвались, и мне не в чем было ходить. Тогда Кергарт подарил мне новые красивые туфли. Я так рада была, так как в магазине туфель не было, и поэтому купить их было невозможно".

Фрида Александровна Гальвас (1921-1986) родилась в Крыму, в Тельманском районе, в селе Ней-Либенталь (Новоселье) Фото-1938г..

Моя мама, Фрида Александровна Гальвас, родилась 30 августа 1921 года в деревне Ней-Либенталь или его ещё называли село Новоселье. Замуж вышла 4 ноября 1948 года за Василия Ивановича Генрихс (Wilhelm Heinrichs) (1917-1966). У них родилось 5 детей: Елена (1948), Володя (1951), Нелли (1953), Виктор (1958) и Василий (Willi) (1962).

Мама говорила, что окончила всего три класса школы. Дело в том, что в мае 1931 года, когда маме было неполных 10 лет, её вместе с отцом Александром Яковлевичем (1892-1938), с мачехой Милитой Яковлевной Гаар-Гальвас (1902-1971), с братом Эдвином и с маленькой сестрой Вандой выслали из Крыма, как кулаков, в Архангельскую область,

Плесецкий район, посёлок Глубокий. Там Ванда умерла в возрасте 2 лет.

После того, как её отца, а моего деда Александра Яковлевича Гальваса вместе с другими мужчинами посёлка Плесецк в апреле 1938 года арестовали, мама пошла работать. Ей было 17 лет. Деда расстреляли 31.10.1938 года, а 10.11.1938 мама пошла работать, но того, что её отца расстреляли, она конечно тогда не знала. Сначала она работала уборщицей в пекарне Перекопской базы лесопункта Плесецкого Райтрансторгпита (РТТП) при Севтранлесе. А 9 марта 1939 была уволена за допущенный прогул. Потом 15 марта опять была принята уборщицей, но 1 июля этого же года была уволена из лесопункта в связи с переводом на работу в РТТП. После принятия на работу её направили на курсы продавцов и после окончания этих курсов мама была направлена 10 августа 1939 года на работу, на Перекопскую базу, в качестве развозного буфетчика. 21 ноября этого года мама была переведена на работу буфетчиком столовой "Новостройка", где она работала до 31 июля 1940 года, а в этот день она была назначена на должность заведующей лавкой №1. 6 марта 1941 года она переведена была на должность заведующей лавкой №2. 12 октября 1941 мама была освобождена от занимаемой должности и направлена на оборонные работы. С 24 ноября 1942 года до 29 марта 1946 года мама пребывала в трудармии в городе Бугуруслан. Я помню, она рассказывала, что во время трудармии им приходилось тяжело работать. Например, они строили какой-то аэродром, и им зимой приходилось долбить ломами замершую землю.

29 марта 1946 года она была принята на работу в должности разнорабочей в строительномонтажной конторе треста "Бугуруслан нефть", а 23 ноября 1947 освобождена от работы

в связи с переездом на новое местожительство. Видать, в это время её перевели в Пермскую область, Соликамский район, и здесь произошло событие, рассказанное ниже Роландом Яковлевичем.

Из воспоминаний Роланда Лорер (1931), сына Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944):

"С двоюродным братом Рейнгольдом после войны я виделся ещё в 1970-х годах. Он мне рассказывал, как встретился со своей сестрой. Это было где-то в 1947 году. Он пошёл в клуб, а ему ребята и говорят: "Здесь есть одна девушка, Гальвас Фрида. Это случайно, не твоя ли родственница? У тебя есть сестра?" Он говорит "Да, есть". "Так Гальвас Фрида, не твоя сестра?" - говорят они. Он отвечает: "Не знаю, надо посмотреть. Мою сестру тоже звали Фрида". "Её сейчас в клубе нет, но она должна подойти. Как придёт, мы тебе её покажем". Так Рейнгольд встретился со своей сестрой Фридой".

Из трудового стажа видно, что мама каким-то образом попадает из города Бугуруслан, треста "Бугуруслан нефть", на лесоучасток ОЛП (отделение лагерного пункта) при посёлке Кузнецово, Чердынского района, Пермской области. Видать в связи с переводом на другую работу. А её брат Рейнгольд был здесь в трудовом лагере, и здесь они, таким образом, встретились. Как у нас говорили: "Как в кино". Но, оказывается, и в жизни, действительно, много таких случайных моментов.

Как бы там не было, но 11 декабря 1947 года мама была принята рабочей на комбинат стройдеталей МВД, лесоучастка посёлка Кузнецово.

Фрида Александровна Гальвас (1921-1986) с братом Рейнгольд Александрович Гальвас (1924-1995)

Из воспоминаний Нелли Васильевны Генрихс (1953), дочери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"Дядя Рейнгольд был знаком с Василием Ивановичем Генрихс. И в середине 1947 года он познакомил нашу маму с ним. 4 ноября 1948 года они расписались. Во время регистрации брака мама осталась на своей фамилии, потому что они жили тогда ещё под комендатурой, и фамилию менять им не разрешали. Так до конца жизни она оставалась на фамилии Гальвас.

Наш папа родился 29 декабря 1917 года в деревне Григорьевка, Славгородского района, Омской области. Но его родители жили и родились в Крыму и были менонитами. Образование у папы было начальное. По профессии был столяр".

Фрида Александровна Гальвас 1921-1986) с мужем Василием Ивановичем Генрихс (1917-1966). Переснято с фотографий, как это делали в 1960-70 годах и обработано ретушью*.

Из воспоминаний Петра Петровича Генрихс (1950), моего двоюродного брата, сына брата моего отца Петра Ивановича Генрихс (1911-1995):

"Мой отец Пётр Иванович Генрихс родился в 1911 году в Крыму, в деревне Карассан, но потом его родители, а мои дедушка с бабушкой:

Иоганнес Генрихс (18...-19...) с женой Марией (1886-1921), переехали на Алтай". *Я его спрашиваю: "Их сослали туда"?*

"Нет, они до революции сами туда переехали. Наш дед Иоганнес Генрихс, вроде, погиб во время революции, на гражданской войне. Бабушка Мария осталась одна с пятерью детьми: **Катериной** (1907-19...), **Иоганном** (Иваном) (1909?-193...?), **Петром** (1911-1995), **Марией** (1915-1944) и **Вильгельмом** (Василием) (1917-1966), твоим отцом. В 1921 году бабушка Мария умерла. После смерти родителей твоего отца Василия Ивановича и его сестру Марию Ивановну забрали в детдом, а их брат Пётр, мой отец, работал у одного богатого учителя. Когда в 1927 году этот учитель уехал в Канаду, тогда мой отец выкрал из детдома свою сестру Марию и брата Василия, так как добровольно их не отпускали, и они уехали все в Крым, где была в то время старшая сестра Катерина.

Моя бабушка по отцу Мария (1886-1921) с детьми: Иван (1909?-193...), Пётр (1911-1995), Мария (1915-1944).

Пётр Иванович Генрихс (1911-1995) с братом Василием Ивановичем (1917-1966).

Их же старший брат Иван жил тогда в Крыму, в городе Керчь. Он отслужил в Морфлоте, был моряком, после службы устроился работать в городе на какой-то завод. Как-то раз они к нему приехали в гости и пошли все вместе купаться на Чёрное море. Брат Иван нырнул, а они на берегу ждали, а он так и не вынырнул. Видать, стукнулся о камень головой и утонул. После этой трагедии они поехали назад в деревню Карассан и до войны жили в Крыму.

Здесь они, видать, со временем построили дом, потому что отец рассказывал, что они жили в доме. Их бывшая соседка по Крыму, тётя Лиза, жила здесь в городе Березняки, к сожалению, она сейчас умерла. Так она была в этой деревне Карассан и говорила, что дом их ещё тогда стоял, но её даже в свой дом на порог не пустили".

* РЕТУШЬ, -и, ж. Подрисовка для исправления рисунка, изображения на фотографических негативах и снимках, их специальная обработка для улучшения при печатании. РЕТУШИРОВАТЬ – обработать (-тывать) ретушью. (Из словаря Ожегова И.)

Сейчас же техника ушла вперёд, но, тем не менее, мне приходилось почти каждую фотографию реставрировать, но не на негативах, а в самом компьютере. И бывало так, что на это уходило по несколько дней.

Пётр Иванович Генрихс
(1911-1995) с женой Анной ... (1915-
1989)

В 1941 году мой отец, видать, вместе со своим братом Петром Ивановичем, был выслан из Крыма в Орджоникидзевский край (сейчас Ставропольский), на что указывает ниже приведённая справка, адресованная моей старшей сестре.

Оттуда, видать, они вдвоём были мобилизованы в трудовую армию и вместе попали в Молотовскую область (сейчас Пермская). Дяди Петины дети живут там до сих пор в городе Березники.

Из этой же приведённой справки также видно, что наша фамилия была раньше не Генрихс, а Гейнрихс, об этом мне также говорил отцовский брат, дядя Петя, я это хорошо помню. Но, видать, в каких-то записях буква "й" была упущена, и фамилия получилась Генрихс. Когда же мы переехали жить в Германию, то записались по фамилии Heinrichs, так как "ей" по-русски, по-немецки пишут "ei" и читается как "ай". Также из справки видно, что отца звали по-немецки Вильгельм, а по-русски Василий, а деда, наверное, звали по-немецки Иоганнес, а по-русски Иван.

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Исполнительного комитета
ПЕРМСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
Информационный центр
614600, Пермь, ГСП 597
Комсомольский проспект, 74
16 ОКТЯБРЯ 1990г.
№ 10/310735
на №

Вх. 14-332

Гр. Штарк Елена Васильевна
352650, Краснодарский край,
г. Апшеронск, ул. Юдина д. II, кв. 2
Газораспределстанция.

Уважаемая Елена Васильевна!

На Ваше заявление о высылке данных на отца - ГЕНРИХС ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧА, 1917 г.р., сообщаем, что в архиве ИЦ УВД Пермского облисполкома ~~находится~~ есть учётная карточка на трудовейца Гейнрихс Вильгельма Ивановича, данные с карточки:

- Гейнрихс Вильгельм Иванович, 1917 года рождения, уроженец г. Славгород Омской области, мобилизован в трудовую армию Благодарненским РВК Орджоникидзевского края 30 августа 1941 года, работал в Соликамстрое НКВД Молотовской области до 10 мая 1946 года.

Начальник ИЦ УВД
Пермского облисполкома А.П. Терасимов

исп. - Хитяева

Из трудовой книжки отца видно, что общий стаж работы до поступления на Соликамский комбинат стройдеталей МВД 8 лет и 4 месяца. Отсюда видно, что папа начал работать ещё в Крыму с 1933 года, то есть с 15 лет, а то и раньше. Так как когда его брат, Пётр Иванович, забрал его и сестру Марию Ивановну из детдома, то ему было всего 10 лет, а сестре 12 лет, и они втроём жили, видать, сами. В трудовой отец приступил к работе уже с 25 сентября 1941 года, и по 1 мая 1946 года находился при Соликамском НКВД СССР (из личного дела №76).

1 мая 1946 года папа был переведён на работу в качестве рабочего лесоучастка "Кузнецово".

20 июня 1952 года временно мастер лесоучастка "Кузнецово".

1 апреля 1955 старший рабочий-бригадир лесоучастка "Кузнецово".

16 января 1957 уволен по собственному желанию.

20 марта 1957 года зачислен рабочим в совхоз имени "Жданова", Павлодарской области, Краснокутского района в качестве столяра.

Из воспоминаний Иоганна Францовича Штайнбек (1925), который работал вместе с моим отцом Василием Ивановичем Генрихс (1917-1966):

"Где-то к осени 1945 года кирпичный завод в деревне Пыскор стали закрывать. И тогда нас всех направили в прежний лагерь в городе Соликамске, а уже оттуда распределяли кого куда. Где-то в конце этого года я выехал с кирпичного завода одним из последних, вместе с начальником завода Польгер. Красивый был мужчина, из наших трудармейцев. В посёлке Боровск, под Соликамском, в 1946 году образовался комбинат "Стройдеталей". И тогда меня с лагеря направили работать на этот комбинат "Стройдеталей". При нём был конный двор, и здесь я работал.

На конном дворе я и познакомился с твоим отцом, Василием Ивановичем Генрихс. И тогда уже мы вместе работали на лошадях при комбинате стройдеталей. Твой отец уже до меня работал на комбинате и возил директора комбината "Стройдеталей" Дмитрия Павловича Щёткина*, летом на дрожках, а зимой на санях, так как с машинами в это время было ещё туго.

Весной 1946 года меня в составе пяти человек командировали от комбината на лесоучасток в посёлке Кузнецово. Сначала мы жили в этом посёлке на квартирах. Потом на лесоучастке построили финские домики, круглые, деревянные, и мы жили в них. Рейнгольд Гальвас** уже работал здесь, опять в инструменталке. Здесь он точил пилы, топоры и другой инструмент.

Сборный финский домик "Юрта". Их выпускали на многие стройки страны до 500 штук в год, в том числе на собственные нужды.

Жилой барак. В таких бараках размещались также различные службы: конторы, д/садики, магазины, школы и другие службы.

Недалеко от посёлка Кузнецово был старый лагерь для заключённых. Назывался он - ОЛП (отдел лагерного пункта). Потом, когда заключённых с ОЛП вывезли куда-то, тогда эта территория перешла к комбинату, и тогда мы стали жить на территории этого ОЛП. Здесь стояли бараки, и мы в них жили. Все холостые жили в бараке для холостых, в одной комнате было и по 20 человек, и по 15, и по 10 человек. Я же тогда был уже женат, и нам дали квартирку из двух комнат, тоже в бараке, и тогда в 1947 году я перевёз свою жену Марию Петровну Шот (1923-1990) с деревни Пыскор, так как она до этого времени ещё оставалась там с сыном. Ведь мы были под комендатурой, и передвигаться без разрешения коменданта не разрешалось.

Через некоторое время, после того как я приехал на лесоучасток в посёлке Кузнецово, твоего отца тоже командировали к нам на лесоучасток. Сначала твой отец зимой возил начальника леспромхоза, а летом тот сам ездил верхом на лошади. Но когда пришёл работать другой начальник, то он уже на лошадях не ездил, и твоего отца тогда перевели работать к нам в лес. Здесь он работал

* Из воспоминаний И.Ф. Штайнбек: Дмитрий Павлович Щёткин впоследствии ослеп.

** Моей материн брат, его биографию смотри ниже.

на лошади, возчиком брёвен, так же как и я, но мы работали в разных звеньях. В леспромхозе было два участка заготовки леса. В лесу мы работали по звеньям. В одном звене было два возчика, у каждого было по лошади, и два грузчика.

Валка леса лучковой пилой.

Раскряжёвка хлыста у пня на сортименты лучковой пилой.

Лесорубы же работали отдельно по одному, но у некоторых были помощники. Каждому лесорубу выделялась загонка. Посередине её шла дорога. Десять метров справа от неё и десять метров слева лесоруб валили лес. Дело в том, что первое время мы валили лес поперечными, двухручковыми пилами, а потом пришли другие пилы - лучковые, и ими можно было валить дерево одному.

Если работали вдвоём, то норма соответственно увеличивалась вдвое. Некоторые мужчины были сильные и по две нормы делали. Норма была, например, пройти 6 м в длину по участку, при ширине его 20 метров и повалить все деревья, а он делал 10-14 метров. После того, как лесоруб выполнял норму по валке леса, он должен был сам ещё обрубить сучки (раскряжевать дерево), сучья сложить на кучу, а хлысты (стволы деревьев без сучков) распилить по размеру. И только тогда уже возчики свозили готовые брёвна лошадьми на определённую площадку, где их складывали в штабеля: шестиметровые к шестиметровым, четыре с половиной к четырём с половиной и т.д..

Брёвна мы таскали с помощью лошадей, волоком. Летом передний край брёвен клали на передок, который состоял из крепкой оси на двух колёсах. Вот навалим на этот передок бревен, из расчёта, сколько лошадь могла утянуть, привяжем цепью и вперёд.

Разметка хлыста.

Если бревно было толстое, то одно тащили, а в среднем по два-три бревна, короткие и по пятнадцать штук. С горы больше, в гору меньше. Лошади были у нас обычные, не тяжеловозы. Зимой возили на санях и подсанках, которые были соединены между собой цепями. В это время года площадки для складирования брёвен были прямо в лесу. Мы стаскивали брёвна на них, штабелировали, а потом приезжали большие машины, лесовозы и увозили брёвна на комбинат, которому постоянно нужен был лес. На площадке же было звено из 4 грузчиков, которые загружали эти лесовозы. Площадки выбирали, если была такая возможность, с таким расчётом, чтобы она была немного на высоте. Штабеля делали высотой до 4-5 рядов. Лесовоз подъезжал со стороны уклона, к нему проводил пару лежек (брёвен), и по ним брёвна закатывали на лесовоз. Летом площадка была около озера, которое было связано притоками с рекой Камой. Мы тащили брёвна лошадьми к нему и там штабелировали. Здесь сплавщики вязали брёвна в плоты.

*Конная трёлёвка и вывозка брёвен,
ручная штабелёвка сортиментов.*

*Третий слева мой отец Василий
Иванович Генрихс возчик при
Кузнецовском лес-прамхозе.*

Каждый делал определённую работу. Одни лес валили, сучья обрубали и распиливали хлысты на определённые длины (сортименты). А мы вывозили и штабелировали готовые брёвна или целые хлысты. Вечером приходил десятник и записывал, какое звено сколько сделало. Пока мы были холостые, нас кормили в столовой. Хлеб выдавали в зависимости от выработки, от 500 до 900 грамм, больше 900 не давали. На первое

был суп из крупы. Когда в меню был гороховый суп, тогда все были голодные. Горох тяжёлый, оседал на дно чана, и мы его не видели, так называемый бульон выпил и всё. Но на второе нам ещё давали кашу, обычно овсяную.

Когда мы строили военный завод в 1942 году, то был такой период, что очень плохо кормили. Половина людей поумирало. Но потом приехал один военный человек с проверкой, выяснилось, что кормление плохое, работа не идёт, и тогда стали лучше кормить, и дело пошло. Это был самый тяжёлый год.

В свободное время у этих людей ещё хватало сил собираться вместе. Мы видим, что почти все здесь по парам. Третья пара слева направо, в заднем ряду, мои родители Фрида Александровна Гальвас и Василий Иванович Генрихс. Перед ними девочка, моя старшая сестра Елена, и рядом брат Володя.

родители, Василий Иванович с Фридой Александровной. Они жили там, пока не уехали в Казахстан. Дальше жил Динст с семьёй, он был заместителем директора, а дальше пекарь – Фёдор Шнейдер.

Слева мой отец Василий Иванович Генрикс (1917-1966) и пекарь Фёдор Шнейдер (Schneider)

Когда мы были уже женаты, пришла карточная система. На карточку выдавали каждый день хлеб, по-моему 800 грамм, а также раз в месяц крупу, подсолнечное масло, сахара 500 грамм. Получишь карточку, выкупишь, что на месяц положено, и живёшь. А потом, где-то в 1949 году, за проделанную работу стали выдавать деньги, кто сколько зарабатывал, тот столько и имел.

Зарабатывали мы неплохо, но для этого надо было потрудиться. Зима была

длинная, работали всё время в снегу. Когда мы были уже женаты, зимой мы выезжали в такие места, где летом работать было невозможно, так как вокруг были одни болота. Поэтому зимой, когда всё замерзло, мы выезжали в такие места, в командировку. Это было в километрах 7 от посёлка Кузнецово. Там мы работали по целым неделям, и только в субботу приезжали домой, а воскресенье опять уезжали на работу. Там были построены бараки, в которых были большие комнаты. В нашей комнате жило 7 человек: я, Бальзам, Вольф, Данил Майстер, Василий Иванович, твой отец и Райхер Адольф. Все работали возчиками. Данил Майстер был напарником твоего отца. С твоим отцом мы никогда не сорились, жили нормально, и на гулянках были вместе, он человек был компанейский. С ним можно было договориться, и с ним можно было мириться.

Потом в 1950-х годах стали образовываться малокомплексные бригады из 5-8 человек, но тогда уже труд стали механизировать: один валил лес бензопилой, трое разделяли дерево на брёвна, брёвна вывозили тракторами, грузили автомобильными кранами. Я последнее время был бригадиром, не освобождённым от работы. В общем, в леспромхозе я отработал 16,5 лет".

Как видно из трудовой книжки отца, он тоже работал с апреля 1955 года старшим рабочим бригадиром на лесоучастке Кузнецово до 1957 года, а в том году мои родители со старшими детьми поехали жить в Казахстан.

Из воспоминаний Елены Васильевны Генрикс-Штарк (1948), дочери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"В посёлке Кузнецово у родителей родились трое детей: я, **Елена** (1948), **Владимир** (1951) и **Нелли** (1953). Когда сняли комендатуру, родители стали задумываться, куда поехать. Дядя Рейнгольд собрался ехать поближе к Крыму. А наши родители в начале 1957 года поехали жить на целину, в Казахстан. Здесь они остановились в совхозе имени Жданова, Краснокутского района, Павлодарской области. Сначала мы жили в бараке, а за лето этого года папа построил длинную времянку. Она была перегороджена стеной, в которой была смежная дверь. Эта дверь соединяла жилое помещение с помещением для скота. Так сделано, видать, было из-за того, что в те года в Северо-Восточном Казахстане были сильные бураны. Один раз, когда мы жили уже в построеном доме, нас занесло так, что не могли двери открыть, так как они открывались наружу. Хорошо, что соседи пришли и откопали. Тогда отец сразу переделал наружные двери, чтобы они открывались внутрь.

Весной следующего 1958 года приехали с Архангельской области, Плесецкого района, колхозов "Глубокое", "Ижошка": Маухи, Ремпели, Шрейдеры, Краутеры и другие. Многие из них остановились у нас во времянке, и поэтому в ней не пройти было. Помню, как тётке Лизе Ремпель, приходилось писать письма во второй половине - в сарае, где был скот. Но ничего, пережили, а иначе нельзя было".

Из воспоминаний младшего брата матери Гуго Александровича Гальвас (1935):

"Когда твои родители переехали жить в Казахстан, я же в то время ещё жил с мамой Мелитой в Архангельской области, Плесецкого района, посёлок Ижошка. Там также жил мой брат Эдвин, а также Дубс Гена, Маухи.

Зимой 1957 года твои родители написали нам письмо, чтобы мы приехали посмотреть, где они живут, мол так и так, может и вам здесь понравится. В феврале 1958 года я приехал к ним и остался".

Из воспоминаний Елены Васильевны Генрихс-Штарк (1948), дочери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"В сентябре 1958 года, ещё во времянке, родился брат Витя, а в марте 1962 ты родился уже в доме. Когда родился Витя, я помню, прибежала со школы, а мне говорят: "Папа привёз маму с малышом". А я говорю: "А я не подойду посмотреть, я девочку хотела". Мне тогда было 10 лет. А потом говорю: "Ну ладно, если назовёте Витей, тогда буду нянчиться", потому что я любила двоюродного братишку Витю, сына дяди Рейнгольда. Ему было всего полтора годика, когда мы уехали. Я всегда с ним нянчилась, а когда мы уехали, я плакала и скучала за ним. И вот я сказала: "Раз уж мальчика привезли с больницы, то, если Витей не назовете, не буду нянчиться", поэтому родители его назвали Витей. А тебя уже назвали в честь папы.

Фрида Александровна Гальвас (1921-1986) с мужем Василием Ивановичем Генрихс (1917-1966) и детьми: сзади Елена (1948) и Володя (1951), между родителями Нелли (1953) и у мамы на руках Витя (1958).

Из воспоминаний Владимира Васильевича Генрихс (1951), сына Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"В совхозе им. Жданова первые два года отец работал в поле: на посевной, на уборке урожая, а также в столорке. Например, на посевной: трактор тянул сеялку, а на сеялке он стоял и следил за зерном в ёмкостях сеялки. Как зерно заканчивалось, он подсыпал. Потом до самой смерти он работал столоярком и

плотником. Когда родители приехали на целину, там очень хорошо плодоносили арбузы, и отец умел их хорошо солить. Он делал деревянные бочки из дуба, и арбузы солил в этих бочках. В то время они были по цене 5 копеек. Арбузы даже раздавали бесплатно, а взамен должны были сдавать семечки.

Где-то в 1960-1961 году папа достроил дом. Дядя Рейнгольд Гальвас приезжал к нам в это время. Он работал электриком и весь наш дом электрифицировал.

Отец умер скоропостижно в 1966 году. В середине апреля 1966 года на работе при ремонте борта машины, на которой с Алтайского края, с Чалдая возили лес, он поранил руку ржавым металлом. 26 апреля начался ледоход на реке Иртыш. Я сплёл сетку для черпака, чтобы по мутной воде наловить чебаков, так называлась рыба, которую мы ловили в реке. Черпак состоял из рукоятки длиной метра три. На конце её через интервал прибавались изогнутые высушенные прутья, сантиметра 2,5 толщиной, поперёк по отношению к рукоятке, а на самом конце одна полудуга прибавалась как продолжение её. Потом на этот каркас натягивалась сетка с ячейкой 1 см на 1 см, и получался, таким образом, черпак. Сразу после ледохода на Иртыше вода была мутная, и тогда брали такой черпак и шли на рыбалку. Рыбачить можно было и одному, но лучше вдвоём. Один с черпаком заходил в сапогах в воду, и черпак тоже опускал в воду, конец рукоятки клал на плечо, а руку – на рукоятку черпака. И так с черпаком начинал двигаться против течения. Если рыба попадалась, то она начинала в черпаке биться, и тот, кто тащил этот черпак, чувствовал это через рукоятку. И тогда он начинал черпак выводить на берег, а тут уже помощник выбирал рыбу в ведро. Пока вода была мутная, и рыба не видела сетку, уловы обычно были неплохие.

И вот мы с отцом пошли на рыбалку с черпаком. Черпали, черпали, домой пришли – у отца на руке синяк. Сначала думали, это от рыбалки. Потом, когда он спать пошёл, глядит – и на ноге синяк.

На 1 мая он почувствовал себя хуже. Поэтому гостям, пришедшим в этот день, сказал: "Наверно, последний раз собираемся вот так, все вместе". "Да ты что, Василий Иванович, такое говоришь", - говорили гости. Но это действительно была их последняя встреча.

4 мая он пошёл на работу, а когда пришёл с работы, из носа уже шла кровь. На следующий

день его отправили в райцентр, посёлок Краснокутск. Там сказали, что надеяться не на что, всего 5 % своей крови. А тут эти праздники. Было очень холодно. На 9 мая пошёл снег, всё застелило снегом. 10 мая самолётом отправили отца в город Павлодар. И тут же мама вызвала папиного брата, дядю Петю Генрихс (1911-1995). И он был с ним там последние дни".

Я хорошо помню, хотя тогда не придавал сильно внимания этому, так как мне было всего 4 года, но я помню, как ещё дома, он лежал в задней комнате, на койке, и я периодически мочил марлю в холодной воде и приносил ему. Он прикладывал её на переносицу, так как уже дома у него шла кровь из носа. Когда он лежал уже в Краснокутске в больнице, то мама ездила к нему по утрам. Когда я утром просыпался (старшие братья и сестры уже все уходили в школу, а самая старшая сестра Елена работала, т.е. я оставался один), то она уже успевала вернуться из больницы. Я говорил ей, почему она меня не разбудила, мне тоже хочется к отцу поехать, но она каждый раз говорила, что в следующий раз возьмет, но в следующий раз было то же самое. Так в больнице у него я и не был. Мама говорила также мне, что отец говорил ей: "Я Васю (т.е. меня) вижу вот, как на ладони".

Когда он лежал уже в больнице в городе Павлодар, тогда приехал его брат Пётр Иванович. Когда-то папин брат, Пётр Иванович, забрал его с детдома. И вот, находясь в больнице в тяжелейшем состоянии, он просил брата: "Выкради меня отсюда, как ты выкрал меня с детдома". Но на этот раз брат был бессилён что-либо сделать. Жизнь покидала отца, так как здоровой крови оставалось всё меньше и меньше, и та выходила ручьём. Это ужасно, когда человек физически здоров, а крови нет - хоть на стенку лезь....

Из воспоминаний Елены Васильевны Генрихс-Штарк (1948) дочери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"Когда папа уже лежал в больнице города Павлодара, мне пришёл с техникума вызов на сдачу экзаменов, так как я заочно училась в городе Джамбуле. Я заехала к папе в больницу, и он сказал мне: "Всё равно езжай, сдавай экзамены". И я уехала. Три дня я на поезде ехала до Джамбула. Приехав в Джамбул, я рассказала дяде Гене Дубс, что папа тяжело болеет. Он весь этот день посвятил мне, везде ездил со мной, в кино сводил, а вечером когда мы пришли домой, его мама Эмилия Генриховна вынесла телеграмму, в которой говорилось, что папа умер. Это было 19 мая 1966 года. В этот же вечер мы с дядей Геней вылетели в город Павлодар. После того, как мы похоронили папу, дядя Гена, за свой счёт, отвёз меня опять в город Джамбул, чтобы я всё-таки сдала экзамены. Если бы он этого не сделал, то я бы, наверное, второй раз сама уже не поехала бы".

Я глубоко уверен, что и отец и мать воскреснут, и опять будут жить здесь на земле. Другое дело – будем ли мы жить на ней? Это во многом зависит от нас.

Фрида Александровна Гальвас.

Фото середины 1970-х годов.

Когда папа умер, и мама осталась одна с пятью детьми, ей было очень тяжело. Теперь одной нужно было кормить и воспитывать детей. Хорошо хоть моя старшая сестра Елена уже работала. Не знаю, какая у матери была пенсия сразу при потере кормильца, но в 1970-х годах она составляла 45 рублей. Так что основной груз лёг в финансовом отношении на плечи сестры, хотя ей было ещё только 18 лет. Володе тогда было 15 лет, Нелли 13, Вите 8, а мне 4 года.

Первое время мама даже как-то растерялась. Она договорилась с папиным братом, дядей Петей, чтобы Нелли пожила у них. И Нелли жила у них полгода. Зимой 1966 года, видать, в ноябре-месяце мама ездила в город Новосибирск лечить зуб. Как то она мне рассказывала: "Потом я подумала, что я делаю? Зачем я раздаю детей?" И тогда она, видать, написала дочери Елене, чтобы та вызвала Нелли назад домой, и Нелли приехала в начале декабря, домой.

В то время нас сильно ещё выручало домашнее хозяйство. У нас была корова, поросёнок, утки, куры, а также огород для овощей и 25 соток земли под картошку.

Из воспоминаний Елены Васильевны Генрихс-Штарк (1948), дочери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

Сидят: Елена Васильевна Генрихс-Штарк (1948) и её муж Конрад Андреевич Штарк (1950), между родителями сын Кондрат (1987), стоят слева направо: Александр (1983), Василий (1981), Владимир (1985).

«Я родилась 5 декабря 1948 года в посёлке Кузнецово, тогда это был Чердынский район Молотовской (сейчас Пермской) области. Здесь же в 1956 году я пошла в школу, но доучивалась уже в Казахстане, в совхозе имени Жданова, куда мы переехали в начале 1957 году. Здесь я в 1964 году окончила восемь классов. Так как семья у нас была большая (семь человек), а папа работал один, то на одну зарплату жить было не легко, да и зарплата у него была небольшая. Тогда, как старшей в семье, мне пришлось рано начать работать. Уже с 1964 года, после 8 классов, я работала учётчицей в полеводческой бригаде. А также после работы ходила в райцентр Краснокутск*, в вечернюю школу, чтобы окончить 10 классов. Многие тогда работали и в то же время учились, и поэтому мы все вместе ходили в райцентр в вечернюю школу. В 1965 году я поступила учиться на заочное отделение бухгалтерско-экономического техникума в городе Джамбул. Здесь в то время уже жил мамин двоюродный брат Генрих Генрихович (мы звали его Геннадий Иванович) Дубс (1930-2004)**. После окончания техникума в 1969 году я работала в конторе нашего совхоза ученицей, а потом в стройбригаде бухгалтером. А уже со временем перешла работать в расчётный отдел в главной конторе совхоза. По специальности я бухгалтер-плановик.

В июле 1973 года я вышла замуж за Кондрата Андреевича Штарк, который родился 3 декабря 1950 года, в Павлодарской области, в Куйбышевском (сейчас Краснокутском) районе, в селе Житковка (потом стало имени Калинина)***, на 4-ом отделении. Село так называлось, потому что там жило много Житковых. Когда Конрад родился, они жили ещё в мазанке, а потом родители построили дом».

Из воспоминаний Василия Генриховича Редхер (1925), брата Марии Генриховны Редхер-Штарк (1911-1994):

"Дедушка Кондрата, т.е. твоей сестры мужа, по отцу был Кондрат Иоганнович Штарк (1909-1943), который родился в Кабардино-Балкарской АССР, город Нальчик, село Александровка. А его жена Мария Генриховна**** Редхер (1911-1994), была моей сестрой. Она родилась тоже в селе Александровка 11 февраля 1911 года. У них было 6 детей: **Андрей** (1930-1988) это Кондрата отец, **Иван** (Иоганн) (1932-1983?), **Яков** (1934-19...), **Марга** (1936-19...), **Кондрат** (1938-19...) и **Ирма** (1941-19...). Все их дети, кроме Андрея и Ивана, умерли в 1940-х годах. Иван в три года ослеп после болезни корь.

Я тоже жил в селе Александровка и в своё время нянчил Андрея. Мы жили до войны без паспортов, и когда нас в 1941 году выслали, мы остались без документов. В нашем селе Александровка жили, в основном крестьяне, и они почти все были, в отличие от других немцев Закавказья, безграмотными, и не могли даже писать.

* Это три км от совхоза имени Жданова, где мы жили.

** Смотри его биографию ниже.

*** Это село находилось на границе с Краснокутским и Ермаковским районами, и переходило то туда, то сюда.

**** По-русски его и её отца звали Андреем

О выселении нам объявили 29 сентября, а 5 октября посадили на станции города Нальчика в товарные вагоны и повезли в сторону села Прохладного, потом на Армавир, Тихорецк и через 30 с лишним дней, т.е. 8 ноября привезли в Казахстан, в город Павлодар. У меня была общая тетрадь, в которую я записывал каждый полустанок, но потом казахи у меня её выкрали.

В городе Павлодаре нас продержали 18 суток под открытым небом. В это время пошёл снег, и на реке Иртыш остановился и встал лёд. Тогда Кондрат Иоганнович вместе с нами ребятами, сделал хороший шалаш (юрту) из ивовых хлыстов. И потом мы в этом шалаше спали и дожидались, когда нас разберут по селам. Через 18 дней нас забрали в совхоз Житковку, но в разные колхозы.

В 1942 году Кондрат Иоганнович был забран в трудовую армию из города Павлодара. Попал он в Свердловскую область, в город Нижний Тагил, и там он умер от голода, от болезни и тяжёлой работы в 1943 году.

Меня забрали в трудовую армию 2 мая 1942 года, и я попал в город Челябинск, на Бакалстрой. Это было в 13 км от города, там протекала река Меас, и в долине этой реки был этот Бакалстрой. Там мы построили во время войны большой металлургический завод, по мощности он был второй после Свердловского.

Андрей, сын Кондрата и Марии, был женат на Эльзе Степановне Дер (1930-1992). У них родилось 12 детей: **Кондрат** (1950), **Яков** (1952), **Степан** (1954), **Василий (Вильгельм)** (1955), **Мария** (1956-2003), **Эльвира** (1958), **Флориан** (1960), **Елизавета** (1961), **Андрей** (1963), **Ирма** (1964), **Катарина** (1965) и **Куста** (1970).

Моя сестра Мария Генриховна умерла 16 февраля 1994 года в селе Константиновка, колхоз "30 лет Казахстана", в Павлодарской области".

В первом ряду стоят: мама Кондрата - Эльза Степановна Дер-Штарк (1930-1992), потом Кондрат Андреевич Штарк (1950), моя мама Фрида Александровна Гальвас, моя старшая сестра Елена Васильевна Генрихс-Штарк (1948), за руку её держит Кондрата отец Андрей Кондратьевич Штарк (1930-1988) между ними стою я, за мной моя сестра Нелли (1953), а за ней моего папы сестра Катерина Ивановна Генрихс-Абрагамс (1907-19...), рядом с ней тётя Марта (тоже с папиной стороны). Между моей мамой и сестрой Еленой двоюродная сестра моего папы, тётя Сара Фаст.*

Из воспоминаний Елены Васильевны Генрихс-Штарк (1948), дочери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

** Она нашла нас буквально перед папиной смертью, но застать его живым уже не успела. Его гроб опустили в могилу, но не закопали, а лишь прикрыли досками. Когда на следующий день т. Катя приехала, тогда гроб подняли. Она попрощалась с ним и тогда гроб опустили и закопали землёй. Об этом говорила моя мама.*

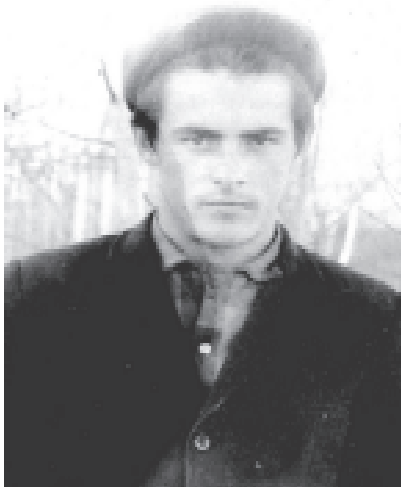
"Наша свадьба проходила в доме Кондратовских родителей. После свадьбы мы сразу уехали жить в город Джамбул. Кондрат рассчитался на работе, а я взяла отпуск, и мы уехали, так как он не захотел в моё село ехать, а я в его.

Где-то в 1975 году мы переехали жить в Краснодарский край, Апшеронский района, село Самурское. В 1976 году здесь у нас родилась дочка **Елена**. Когда дочери было 4 года, мы переехали жить под Анапу в совхоз Ленинский. А потом уже оттуда мы вернулись жить назад в Казахстан, в совхоз им. Жданова. Мы думали – за мамой присмотрим, а потом вернёмся назад в Краснодарский край. Здесь у нас родилось пятеро сыновей: **Андрей** (1978-1978), **Василий** (1981), **Александр** (1983), **Владимир** (1985) и **Кондрат** (1987).

В 1986 году умерла наша мама в возрасте 65 лет от цирроза печени.

А в 1988 году мы переехали жить в город Апшеронск Краснодарского края, где сейчас и живём. В 1989 году начали изучать Библию и в 1990 году крестились, как Свидетели Иеговы".

*Генрихс Владимир Васильевич
(1951-2011).*

Мой старший брат Владимир Васильевич Генрихс родился 9 июля 1951 года в посёлке Кузнецово, Чердынского района, Молотовской (сейчас Пермская) области. В школу пошёл в 1958 году уже в совхозе имени Жданова, куда в 1957 году переехали родители. Здесь он окончил 8 классов, а потом их возили на машине в райцентр Краснокутск, и там он окончил 9 и 10 классы. В 1968 году Володя поступил в Павлодарский индустриальный институт на энергетический факультет, и в 1973 году окончил его. До развала СССР работал в Павлодарской мехколонне №54. На его счету оформлено много рационализаторских предложений.

Женился в 19... на Надежде ... (), которая родилась в ... У них родилось двое детей: ... февраля 1978 года Александр и 1983 года Марина.

В 19... уехал с семьёй жить на Украину, в город Кривой Рог. Работал там не по профессии, реальзовывал обои. Умер Володя, как и наша мама, от цирроза печени, 27 апреля 2011 года.

Нелли Васильевна Генрихс-Кузовова (1953) с мужем Виктором Алексеевичем Кузововым (1953) и сыновьями: слева Владимир (1986) и справа Алексеем (1983).

Из воспоминаний Нелли Васильевны Генрихс (1953), дочери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"Родилась я 18 февраля 1953 года в посёлке Кузнецово, тогда это был Чердынский район Молотовской (сейчас Пермской) области. Когда мне было 4 года, родители переехали жить в Казахстан. В то время я по-русски говорить не умела - на Урале всё по-немецки разговаривали.

В совхозе имени Жданова я пошла в 1960 году в школу и окончила 10 классов. В пятом классе я заболела воспалением лёгких, и поэтому мне пришлось повторять его два раза.

После смерти папы, осенью 1966 года я поехала жить к дяде Пете, папиному брату. Меня посадили в городе Павлодаре на поезд, а на станции Киянлы (Петропавловская область) меня

встретила папина старшая сестра Екатерина Ивановна (1907-19...), которая с детьми жила тогда там. Они там меня опять посадили на поезд до города Березники, а там уже встретил папин брат Пётр Иванович. Так я попала к дяде Пете и жила у них полгода.

Вернулась потому, что сестра Лена попросила приехать помочь по дому. Мама тогда лежала в больнице, в городе Новосибирске, с эндокринной болезнью, т.е. по части щитовидной железы. Лена одна не справлялась, так как она уже работала и заочно училась, Витя и Вася были ещё маленькие, Володя учился в 9 классе Краснокутской школы. Я вернулась на 5 декабря в день Конституции, у Лены как раз было день рождение, было застолье. На улице было очень холодно, уже стояли морозы, а у меня не было рукавиц, ботиночки тонкие. Пока я дошла с грейдера*, то так замёрзла, что еле открыла дверь, и зуб на зуб не попадал.

Нас растить и воспитывать помогала маме старшая сестра Лена. В основном, за счёт её денег, за счёт её работоспособности мы выжили.

В 1971 году после окончания 10 классов я работала секретарём-ротаторщицей в областном комитете комсомола города Павлодара. Работа заключалась в следующем: данный мне текст я печатала на ручной печатной машинке, а потом его размножала, тоже с помощью печатной машинки, вставляя сразу по несколько листов, а между ними копировальную бумагу. Потом я рассылала этот текст по почте, по всему району. Работать в областном комитете комсомола меня устроил Класин дядя Федя. Его жена Клара** была двоюродной сестрой моей мамы, Фриды Александровны. У неё был ещё брат Бруно. У тёти Клары с дядей Федей были дети Елена и Юрий.

В сентябре 1972 года я поехала учиться в Алма-Ату и там поступила в технологический техникум на отделении хлебопечения - хлебопекарни и производство. В 1975 году по окончании техникума я стала работать технологом в Райпотребсоюзе, в райцентре Краснокутск Павлодарской области. Технологом я отработала 18 лет до 1993 года.

20 декабря 1980 года вышла замуж за Виктора Алексеевича Кузовова (1953). У нас родилось двое детей: **Алексей** (1983) и **Володя** (1986). Жили мы в посёлке Краснокутск, а в 2003 году переехали в город Апшеронск, Краснодарского края".

Генрих Виктор Васильевич (1958) с женой Надеждой Петровной Рубановой-Генрих (1959).

Мой брат Виктор родился 22 сентября 1958 года в Казахстане, в Краснокутском районе, в совхозе имени Жданова. В 1965 году он пошёл здесь в школу и окончил 10 классов. По окончании школы в 1975 году Виктор поступил в Павлодарский Индустриальный институт на факультет Промышленное и Гражданское строительство (ПГС) и в 1980 году после его окончания работал на строительстве Экибастузской ГРЭС-2. 29 апреля 1979

года он женился на Надежде Петровне Рубановой (1959).

Из воспоминаний Виктора Васильевича Генрих (1958), сына Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"Надя родилась в Павлодарской области, в Качирском районе, в совхозе Октябрьском. Она училась вместе со мной на одном факультете, но на курс ниже, т.е. она поступила через год после того, как поступил я.

31 мая 1980 года прямо во время сессии Надя родила дочь Ольгу, а 1 июня она должна была идти сдавать экзамен, так как заканчивался учебный год. Этот экзамен ей пришлось сдавать потом, в конце сессии. А я должен был 13 июня защищать диплом, но тоже пришлось защиту отложить на пять

* Так мы называли дорогу, которая шла с города Павлодар в город Иртышск, так как она возвышалась над землёй. По ней мы, например, ездили на автобусах в город, когда учились. Или летом на велосипедах, в райцентр Краснокутск, это 3 километра в сторону Павлодара.

** Я так думаю, что это дочь сестры моего деда Александра Гальвас, Юлианы Гальвас-Приб.

дней. После окончания института – меня по распределению от института направили на работу в город Экибастуз на строительство ГРЭС-2.

Но сначала меня, как и многих других ребят с института, от военной кафедры, направили в военные лагеря. Они находились тогда под городом Семипалатинском, около деревни Аягуз. Там мы были три месяца, по окончании нам присвоили звание лейтенанта запаса*. Некоторых же ребят с нашего факультета сразу забрали служить офицерами на два года.

Когда я приехал с лагерей, дочери Ольги было уже четыре месяца. Через некоторое время я поехал работать в Экибастуз, а жена Надя осталась с дочерью и ещё год доучивалась.

ГРЭС, на которой я работал, в 1981 году только начинала строиться, и в организации тогда было всего 7-8 человек. Сначала я работал инженером по технике безопасности. А с 1982 года стал работать мастером, потом прорабом и потом уже начальником участка.

В 1981 году Надя защитила диплом и с дочерью Ольгой приехала жить ко мне в Экибастуз. Жили мы первое время в общежитии в одной небольшой комнатке - это была и спальня, и кухня, всё вместе. Здесь у нас 4 ноября 1981 года родилась дочь Марина".

*Я помню, как один раз я приехал к ним на выходные в гости, и так получилось, что старший брат Володя тоже заехал к ним на ночь. Но комнатка была такая маленькая, что в ней мог поместиться на полу только один человек. А нас приехало двое. Тогда брат Виктор говорит: "Один может спать в комнате, где мы сушим детское бельё. Правда, здесь тараканы есть, но мы поставим раскладушку, и можно будет переночевать". Тогда брат Володя говорит: "Ну хорошо, я буду спать в этой комнате". А я пошёл спать на полу в комнате. Утром Виктор спрашивает: "Ну, как спалось"? А Володя говорит: "Ну, вас в баню**. Всю ночь тараканы снились".*

Из воспоминаний Виктора Васильевича Генриха (1958), сына Фриды Александровны Гальвас (1921-1986):

"Потом мы получили 2-х комнатную квартиру, а в 1988 году у нас родился сын Алексей.

В 1989 году мы переехали жить в Краснодарский край, в город Апшеронск. Здесь мы купили маленький домик, пригодный только под снос. Вокруг поставили стены и крышу нового дома, а тот потом снесли. Сейчас мы живём в нём с сыном Алексеем. Дочери уже вышли замуж, и у них есть теперь уже свои дети, наши внуки".

Рейнгольд Александрович Гальвас (1924-1995) родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь.

Рейнгольд Александрович Гальвас родился в Крыму, в селе Ней-Либенталь (Новоселье) 23 февраля 1924 года. Женится в 1948 году на Эмме Фёдоровне Коль. Родилась она в Ставро-польском крае, Стлицевском районе 6 ноября 1924 года. У них родилось 6 детей: Валерий (1949), Оскар (1951), Рейнгольд (1952-1952), Александр (1954), Виктор (1955) и сестра Ольга (1957).

Из воспоминаний Валерия Рейнгольдовича Гальвас (1949), старшего сына Рейнгольда Александровича Гальвас (1924-1995), маминого брата:

"Мой отец Рейнгольд Александрович родился в 1924 году в Крыму в селе Ней-Либенталь (Новоселье) Феодессийского (Тельманского) района.

Когда в 1931 году моего деда Александра Яковлевича Гальвас (1892-1941) вместе со второй женой Милитой Гаар (1902-1971) и детьми Фридой, Эдвином и Вандой выслали, как кулаков в * Эти лагеря прошли мы все - трое братьев. Старший брат Володя тоже был в военных лагерях в Аягузе, а я уже попал в лагеря всего на 1 месяц в Капчагае, под Алма-Атой. Там рядом протекала горная река Или, но купаться в ней нам строго настрого запретили, несмотря на то, что была сильная жара, так как эта река была горная, и имела сильное течение. Рассказывали, что были случаи, когда в ней тонули ребята. Самым тяжёлым заданием было, наверное, когда нам была дана команда одеть ОЗК (общевоинской защитный комплект при ядерной угрозе) с противоголозом и рыть противотанковый окоп. Земля была, правда, песчаная, но жара была, наверное, под 40 градусов.

** Такая прибаутка была в разговоре, когда жили в Казахстане.

Архангельскую область, то отец почему-то был оставлен в Крыму. Там он жил с его дедом Яковом до 1941 года. Когда в 1941 году началась война, его вместе с родственниками выслали в Семипалатинскую область, а оттуда или даже ещё с Кавказа, его забрали в трудармию".

Из воспоминаний Роланда Лорер (1931), сына Марии Яковлевны Гальвас-Нусс (1880-1944):

"Когда нас выслали в 1941 году из Крыма, мне было тогда 10 лет. Со мной были: прадед Яков Яковлевич Гальвас, ему было тогда около 89 лет и его вторая жена по фамилии Глют; Генрих и Мария Нуссы, мои бабушка и дедушка, им тогда было по 61 году; Рейнгольд, моей матери двоюродный брат, ему было 17,5 лет - всего нас было шестеро. Рейнгольд был с нами до Кавказа это точно, потому что, когда перед Кавказом умер по дороге прадед Яков Яковлевич, то он вместе с дедом Генрихом Нусс бежал, чтобы сдать его для погребения. А потом вот не помню, где мы с ним расстались: или на Кавказе, или в Семипалатинской области".

Из воспоминаний Эммы Андреевны Шнайдер-Гальвас (1952), жены Оскара Рейнгольдовича Гальвас (1951), сына Рейнгольда Александровича Гальвас (1924-1995):

"Я точно помню, что Рейнгольд Александрович в трудармию был забран в 1942 году. Он рассказывал, что в 1941 году их через Каспий на пароме привезли на Кавказ, а потом уже к зиме в Казахстан. А в 1942 году, когда ему в феврале исполнилось 18 лет, тогда его забрали в трудармию в Молотовскую (сейчас Пермская) область, Соликамский район".

Из воспоминаний Иоганна Францовича Штайнбек (1925), который работал вместе с моим дядей Рейнгольдом Александровичем Гальвас (1924-1995):

"В 1941 году я был забран в трудармию и попал в посёлок Боровск (сейчас это город), который рядом с городом Соликамском. Здесь мы строили военный завод. Когда мы его построили, нас перевели на Соликамский кирпичный завод, который стоял на окраине города.

Где-то в 1943 году этот завод стали закрывать, и в это время приехал человек вербовать людей на другой кирпичный завод, в деревню Пыскор, Ворошиловского района (сейчас вроде Усольевский район). Эта деревня расположена на правом берегу реки Кама, немного выше города Березники. Я как раз был после ночной смены, сидел, отдыхал. Этот вербовщик шёл из столовой. Одет он был в военную форму. Поздоровавшись, он говорит мне: "Отдыхаем?". Я говорю: "Отдыхаю. Я в ночную смену работал и вот отдыхаю". "А почему не спишь?" "Вот, не спится" - говорю. Во время разговора я узнал этого человека. До войны он был председателем в нашей деревне № 11, Николаевского района, Запорожской области, откуда я был выслан. Тогда я сказал ему об этом, и так мы познакомились. Потом он мне говорит: "Мне надо людей на Пыскорский кирпичный завод. Кого ты можешь предложить, как земляк"? Я говорю: "Нашу бригаду". В нашей бригаде было человек 20. Он согласился, но этого было маловато, и тогда ещё с другой бригады добавили несколько человек. И так я попал в деревню Пыскор. В Пыскоре я на лошади подвозил дрова к обжиговым печкам. У меня была в распоряжении двуколка (двухколёсная повозка), на неё я грузил метровые нерубленные дрова и привозил их к печам. Здесь же на кирпичном заводе я познакомился с Рейнгольдом Александровичем Гальвас (1924-1995). Он здесь работал в инструменталке. Если в инструменталке работы не было, тогда он помогал нам заготавливать метровые дрова для обжига печей.

Когда закончилась война, мы ещё работал на кирпичном заводе в деревне Пыскор. Это было так. У нас была лодка, и мы поплыли 9 мая на левый берег реки за сеном для лошадей, так как пастбища были ещё плохие, а сено по норме уже закончилось. На том берегу реки были луга, где частники скидывали с копн подопревшее сено. Оно потом подсыхало, и мы его брали для лошадей. По реке ещё нет-нет проплывали льдины. На обратном пути одна из таких льдин зацепила нас и потянула вниз по течению, и мы чуть не проплыли свою деревню, но потом всё-таки освободились от неё. Подплывая к своей деревне, мы слышали в лагере и на заводе и в самой деревне - крик, шум. А когда поднялись на берег, оказалось, что объявили о конце войны.

Весной 1946 года меня в составе пяти человек командировали на лесоучасток в посёлок Кузнецово. Рейнгольд Гальвас тоже работал здесь в инструменталке. Здесь он точил пилы, топоры и другой инструмент".

Из трудовой книжки Рейнгольда Александровича Гальвас (1924-1995), зачитано сыном Оскаром Рейнгольдовичем Гальвас (1951):

"В мае 1946 года принят на работу инструментальщиком в лесоучасток "Кузнецово". С июня 1946 года работал приёмщиком леса до ноября этого года, а с ноября опять работал инструментальщиком до 1961 года".

Из воспоминаний Валерия Рейнгольдовича Гальвас (1949), старшего сына Рейнгольда Александровича Гальвас (1924-1995):

"После войны стало больше свободы, и тогда, где-то в 1948 году, отец познакомился с моей будущей мамой Эммой Фёдоровной Коль (1924-2004). Родилась она в 1924 году в Ставропольском крае, Спицевском районе".

Рейнгольд Александрович Гальвас (1924-1995) с женой Эммой Фёдоровной Коль (1924-2004) и детьми: сзади стоят Оскар (1951) и Валерий (1948), внизу Виктор (1955) и Александр (1954).

Из воспоминаний Иоганна Францовича Штайнбек (1925), который работал вместе с моим дядей - Рейнгольдом Александровичем Гальвас (1924-1995):

"Эмма была дальней родственницей моей жены и неделю-другую жила у нас. Но Рейнгольд уже видел её где-то в посёлке. И вот он приходит ко мне и спрашивает: "Ну, ты знаешь? Что она за девушка"? Я говорю: "Я знаю, что вот некоторое время она живёт у нас". "Ну, что ты мне посоветуешь"? - говорит он. Я ему говорю: "Вон она сидит в комнате, иди, разговаривай, а там сам, как решишь". И потом он с ней поговорил, и через некоторое время они сошлись и жили, вот и вся женитьба была".

Из воспоминаний Валерия Рейнгольдовича Гальвас (1949), старшего сына Рейнгольда Александровича Гальвас (1924-1995):

"В бараках для женатых людей сделали перегородки, и получились комнатки. В 1949 году здесь родился я, Валерий, в 1951 году – брат Оскар, потом в 1952 году – брат Рейнгольд, но он почти сразу умер, в 1954 году брат – Александр, в 1955 – брат Виктор и в 1957 году – сестра Ольга. Сельсовет находился в селе Кузнецово, поэтому мы записаны как рождённые в этом селе, а жили в ОЛП. Здесь в ОЛП в 1957 году я пошёл в школу.

В 1961 году отец переведён был работать шофером, и работал до 1963 года, пока мы не уехали жить на Кубань. Сначала мы приехали в совхоз Черноморский, Краснодарского края, Темрюкского района. Отец заранее списался с директором этого совхоза насчёт работы. Директор дал добро, но отец почему-то сомневался и целый год не ехал. Но потом всё-таки собрался, и мы в феврале приехали в совхоз Черноморский. Остановились у семьи Шнайдер (Schneider), Андрея и Марии. Они тоже жили во время войны с нами. Потом их дочь Эмма (1952) вышла замуж за моего брата Оскара. Однако директор совхоза отцу в работе отказал, и пока отец искал работу, мы пошли в школу здесь, в совхозе Черноморском. Потом он нашёл работу в станице Тамань, это километрах в десяти от совхоза Черноморского. Там он купил землянку, которая была сделана из самана. Пол был немного ниже земли. Крыша была покрыта морской травой, которая морем выбрасывается на берег. На местном языке она называлась "камкой". Она не боится воды и не гниёт. Сверху такая крыша мазалась глиной. И так после окончания третьей четверти учебного года мы переехали в станицу Тамань.

Станица Тамань была большая, в ней было два винсовхоза. Сначала был один винсовхоз – Южный, а потом, наверное, в 1966 году образовалось два совхоза Южный и Таманский. Сначала отец работал в совхозе Южном, а потом перевёлся в винсовхоз Таманский. В винсовхозе был винзавод, а также свиноферма, овцеферма, птицеферма. В винсовхозе отец работал на

винограднике, разнорабочим. В то время виноградные кусты росли сами по себе, и были неподвязанными. Так вот, их бригада занималась тем, что вбивали в землю колья, а потом натягивали между ними проволоку в 3-4 ряда. Это всё называлась шпалерой. Следом шла другая бригада, которая подвязывала лозу винограда (виноградные ветки) к натянутой проволоке.

На винограднике он работал два года, а потом в 1965 году перешёл работать в совхоз Таманский на другую работу - в качестве электрика, в электросетях. Станица и совхозы разрастались, поэтому требовались линии электропередач более мощные. Тогда подвели линию электропередач 35 000 Вольт (35 киловольт), а раньше здесь была линия мощностью только 0,6 кВ.

В 1967 году отец уволился по собственному желанию и устроился работать шофёром на автобазу Темрюкского Райпотребсоюза (РПС). Но потом стали образовываться Славинские электросети. Они обеспечивали электричеством определённый район Краснодарского края. И в 1969 году отец опять вернулся работать в электросети и устроился в эти Славинские электросети. Здесь он работал в бригаде по обслуживанию линий электропередач 10 кВ, 35 кВ. В 1972 году отец был переведён работать электромонтажником на подстанцию. На шофёра он выучился ещё в трудармии, а здесь он окончил определённые курсы и стал работать на машине с вышкой, и на ней он проработал до самой пенсии. На пенсию ушёл в 1979 году.

Приехали в Германию 24 июля 2000 года".

*Эдвин Александрович Гальвас
(1927-1998) родился в Крыму,
в деревне Ней-Либенталь.*

Эдвин Александрович Гальвас родился в Крыму, в деревне Ней-Либенталь 8 апреля 1927 года. Женился на Анганете (Наталье) Петровне Мартинс (1928-2007). У них родилось 5 детей: Елена (1953), Наталья (1954), Лидия (1956), Александр (1958) и Анна (1963).

Из воспоминаний Анганеты (Натальи) Петровны Мартинс-Гальвас (1928-2007), жены Эдвина Александровича Гальвас (1927-1998):

"Когда отец моего мужа Александр Яковлевич был выслан с семьёй из Крыма, тогда они попали в посёлок Глубокий, Плесецкого района, Архангельской области. Его сыну Эдвину было тогда всего 4 года.

В колхозе Глубоком Эдвин пошёл в семь лет в школу и окончил 4 класса. Потом в 1938 году его отца расстреляли, а в 1942 году мать Милиту и сестру Фриду забрали в трудармию, а младшего брата Гуго отдали в интернат. Таким образом, всех из их семьи раскидали кого-куда, и он остался один. **Эдвин рассказывал:** "Когда я остался один, мне было 15 лет. Меня тоже хотели взять в трудармию, но мне по возрасту не хватало пару лет. Тогда сказали: "Пусть он остаётся, работать в колхозе*", а мы тут за ним будем присматривать". Так я остался жить в бараке, в той же комнате, где мы жили когда-то все вместе.

Меня назначили пастухом общественного скота. Там была одна пожилая женщина тётя Берта Шемрай. Я был пастухом коров, а эта женщина, хотя и была с плохим зрением, но помогала мне и поддерживала. Вокруг было много диких зверей - волков, медведей. Так я с этой тётей Бертой пас коров, она шла сзади, а я спереди, и, кроме того, бегал всех коров до кучи собирал. Вечером меня по очереди кормили колхозники. Уже после войны в 1952 году я попал на учёбу ветеринарных врачей. В нашем колхозе был ветврач Савченко, но он уехал в Краснодарский край, и колхоз остался без врача. И тогда решили кого-то послать учиться в ветеринарное училище в городе Шенкурск. И тогда решили послать меня, так как я с детства был с коровами - пас их, и немного уже знал о них. Так как мы тогда были под командатурой, то меня повезли в зоветшколу в сопровождении милиции. Осенью 1952 года меня увезли и следующей осенью привезли. Мою

* К тому времени при посёлке Глубоком образовался колхоз с таким же названием.

учёбу оплачивал колхоз.

Когда я пришёл в училище, все на меня смотрели, как на преступника, шарахались от меня. Учителя смотрели настороженно. Но потом все поняли, что я нормальный парень и учился хорошо, и тогда уже стали лучше относиться".

*Анганета (звали Наталья) Мартинс
(1928-2007) с дочкой Аней (1963).*

Я же родилась в Запорожье, на Днестре, в одной из менонитских деревень. Первое менонитское поселение было в Хортице, это районный центр, а мы жили в семи километрах от него, у самого берега Днестра, в селе Энлаге (по-немецки). Здесь мы жили до войны. Моего отца звали Пётр Абрамович Мартинс, а маму звали, рождённой Вибе.

17 августа 1941 года был приказ переправляться на другую сторону Днестра. Отец и мать не хотели уезжать и не торопились. Пока лошадей запрягли, а тут и Днепрогэс взорвали, так мы и вся наша родня остались. В тот же день немцы из Германии захватили нашу деревню, и с ними мы жили до 1943 года. К нам они относились хорошо. Они говорили, что это первые немцы, которых мы встретили, продвигаясь от польской границы. Они и не думали, что здесь столько немецких сёл. Мы могли говорить и по-платдойч и по-хохдойч. В

нашей деревне они всё сделали по-немецки, открыли школы. Посылали наших учителей в Германию учиться.

Когда уже немцы стали отступать тогда с левого берега Днестра, в наш дом попал снаряд, и он рухнул.

С Украины, во время отступления, немцы нас повезли в Германию на открытых платформах с бортами, так как закрытых вагонов не хватало, даже телячьих. А мама была худая, слабая, у неё уже был бронхит, и она простыла ещё сильнее. Её положили в лёгочный диспансер и потом признали, что у неё лёгочный туберкулез. И так мама осталась в Шлейдире, это сейчас Польша, а тогда была Германия. Мы некоторое время тоже находились в Шлейдире, в лагере. Здесь нас всех сильно проверяли на все болезни: сердце, легкие, по-женски, хоть мы и были девчонками, чтобы никакую заразу не занесли. А потом нас отправили дальше в город Дуисбург. Сюда были вывезены Ремпели, Питкауцы.

Работали мы на фабрике по производству минеральной воды. У хозяйки муж был на фронте, а она, свекор и свекровь, работали на этой фабрике. Моего папу взяли развозить готовую продукцию, и он на лошадях развозил ящики с водой по магазинам. А я и ещё несколько молодых девчат и ребят работали на заводе, на разливе минеральной воды, лимонада и пива с бочек в бутылки.

Немного погодя, после того как нас определили на работу, мы ещё раз проводывали маму, но врач сказал, что она больше трёх недель не проживёт. Потом фронт приближался всё ближе, и нам нужно было ехать на работу, и мы уехали. Позже мы получили открытку, что больницу эвакуировали. И так мы больше ничего и не знаем. Красный крест тоже не ответил по этому вопросу. И так, больше маму мы не видели.

Из Германии русские нас вывезли в 1945 году, и в ноябре привезли в Архангельскую область, в Немцовский леспромхоз, который был в 40 км от Плесеца. В Немцовске мы всю зиму проработали в лесу на рубке деревьев, а потом в 1946 году нас комендант перевел в колхоз "Ижошка". Уже в 1950 годах русские стали оставляли свои колхозы и уезжать, кто к детям, кто куда. А в нашем колхозе Ижошка были, в основном, немцы, и нас хотели переселить за 40 км дальше, в запущенный колхоз. Ну, мы поняли, что здесь мы больше не нужны и решили переехать оттуда. Твои родители в это время жили уже в Казахстане, в Павлодарской области, Краснокутском районе, совхозе имени Жданова. Ваша мама, Фрида, писала, что там было хорошо: росли

помидоры, огурцы, картошка. Сначала к ним туда уехал Гуго с мамой Милитой, а потом и Эдвин поехал посмотреть.

Эдвин работал в колхозе Ижошка, заведующим фермой (зоотехником) и он говорил: "Я не могу так уехать, мне надо скот сдать. Все телята, коровы - все головы за мной числятся". И ему нужно было, прежде чем уволиться, перевезти весь скот, в тот отсталый колхоз, куда нас выселяли. После того, как он перевёл весь скот в тот колхоз, тогда мы уехали в Казахстан, туда, где уже жили Эдина сестра Фрида, твоя мама и брат Гуго. Мой отец, Пётр Абрамович Мартинс, переехал вместе с нами в совхоз имени Жданова, и умер там, в 1962 году.

Когда мы уехали на том месте, где мы жили в Архангельской области, потом построили город Мирный, сейчас там космодром. К тому времени лес был весь вырублен, и образовался большой пустырь. На этом пустыре и построили космодром".

*Гуго Александрович Гальвас
(1935) родился в Архангельской обл..*

Гуго Александрович Гальвас родился в посёлке Глубокое, Плесецкого района, Архангельской области 7 июня 1935 года.

*Первый раз он женился на Валентине Петровне Митрофановой (1938). У них был ребёнок **Пётр** (1960-1983).*

*Второй раз женился в декабре 1961 года на Валентине Николаевне Никулиной, которая родилась в городе Нолинске, Кировской области 29 марта 1940 года. У них родилось 6 детей: **Андрей** (1963), **Александр** (1966), **Милли** (1967), **Эльвира** (1970), **Ольга** (1973) и **Анатолий** (1977).*

Из воспоминаний Гуго Александровича Гальвас (1935), сына Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938):

"Родился я в 1935 году в колхозе "Глубоком", Архангельской области, Плесецкого района. Когда мне было три года, моего отца забрали вместе со многими мужчинами этого колхоза в одну из ночей. За одной бедой последовала другая. В 1941 году началась Великая Отечественная война. В 1942 году забрали в трудармию мою маму Милиту и мою сестру Фриду. Теперь мы с братом Эдвином остались одни, без родителей. Чтобы мы не умерли с голоду, колхозники отдали меня в детдом в деревне Нёнокса. Нёнокский детдом находился недалеко от города Северодвинска и километрах в двухстах от нашего колхоза. Мне тогда было семь лет, и в первый класс я пошёл уже в детдоме. Учился я на отлично и находился там до 1947 года".

Из воспоминаний Александра Гуговича Гальвас (1966), сына Гуго Александровича Гальвас (1935), то, что рассказывал ему отец:

"В детдоме отцу было нелегко, так как он был немец, а в то время шла война с немцами. Соответственно, его называли "фашистом", и потому ему приходилось часто драться.

В отношении гигиены в детдоме был порядок. Отец часто вспоминал, что когда они ходили в баню, то воспитательница следила за тем, как они помылись. Если грязь собиралась на теле, то опять отправляла в баню.

Его брат Эдвин Александрович приезжал к нему в детдом в гости, а 1947 году он приехал к моему отцу, чтобы забрать его из детдома домой. В это время бабушка Мелита уже вернулась с трудармии, и она послала сына Эдвина поехать в детдом и забрать брата Гуго домой. И вот моего отца вызывает воспитательница и говорит: "Иди, там за тобой приехали". Отец вышел, глядит: стоит мужик, взрослый такой, ведь брат моего отца был старше его на 8 лет. Но отец его узнал. Они обнялись, и брат забрал его домой".

Из воспоминаний Гуго Александровича Гальвас (1935), сына Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938):

"Когда я с Эдвином поехал с детдома домой, то мне, как отличнику учёбы, дали совсем новую одежду. Потом, когда мы приехали домой, то все ребята мне завидовали, что я такой нарядный. С

детдома мы приехали снова в колхоз "Глубокий". А потом переехали на 13-ый километр. Этот населённый пункт имел тогда три названия: 13-ый км, 85-ый квартал, а также Ижошка. Школу я окончил в Ижошке (на 13-ом км), куда мы переехали".

Из воспоминаний Александра Гуговича Гальвас (1966), сына Гуго Александровича Гальвас (1935), то, что рассказывал ему отец:

"У отца была тяга к учёбе, и когда он приехал с детдома, то он продолжил учиться в школе. В 1951 году он окончил её и подал документы в Архангельскую мореходку. Но его туда не взяли, и соответствующее письмо отправили на имя коменданта спецкомендатуры. Комендант пригласил отца к себе в кабинет. Положив перед собой на стол пистолет, он сказал: "Если ты сделаешь хоть шаг за пределы района, я имею право тебя застрелить". Отец говорит: "Я хочу учиться". Тот сказал ему: "Вам нельзя, вы высланы на вечное поселение".

Из воспоминаний Гуго Александровича Гальвас (1935), сына Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938):

"После школы мне два года не разрешали учиться. Я постоянно писал в Москву, надоедал властям. Одно письмо с Москвы приходило ко мне - "не имеет права", а другое в райисполком. А те боялись верховной власти и молчали. А тут 5 марта 1953 года умер Сталин И.В. и тогда в 1953 году мне разрешили учиться в зооветтехникуме, в городе Холмогоры. Я был один из немногих, кто смог вырваться, чтобы учиться.

В 1957 году я окончил учиться на ветеринарного врача. В этом же году у меня обострилась язва желудка, и мне сделали операцию, но удачно, вот уже 50 лет после этого прожил. Когда я отучился и приехал домой, то к тому времени нас стали с колхоза Ижошка потихоньку выпроваживать в соседние колхозы, километров за 40. А русскоязычное население не трогали. Тогда мы поняли, что мы там больше не нужны. Дело в том, что на этом месте правительством запланировано было строительство космодрома. А немцы в их глазах был народ ненадёжный.

Осенью 1957 года твои родители написали нам письмо, чтобы мы приехали посмотреть, где они живут. Мол, может и вам здесь понравится. И тогда в феврале 1958 года я приехал в совхоз имени Жданова, где уже жили твои родители, а моя сестра Фрида. Мне понравилось там, я остался и устроился на работу зоотехником. Но директор поставил меня главврачом совхоза, несмотря на то, что я был только после учёбы. Когда я приехал, в совхозе было уже два отделения с фермами, где держали скот. На первом отделении была свиноферма тысячи на две голов. Ситник Павел Иосифович* был её управляющим.

Первое время я жил у твоих родителей, но когда приехала моя мама Мелита, тогда нам дали квартиру. Моя мама приехала вместе с Маухами, Ремпелями, Шрейдерами и др. А получилось это так. Они написали мне и попросили, чтобы я походатайствовал у директора товарных вагонов для переезда на целину. Директор поддержал это предложение, и тогда семей 15 переехало из Архангельской области в Павлодарскую область, в совхоз имени Жданова. Первое время многие жили у вас, а потом им дали квартиры в общежитии.

Брат Эдвин с семьёй приехал последним. Им дали комнатку в общежитии у старой конторы, и они первое время там жили. Эдвин работал первое время, больше года, в плотницкой бригаде вместе с твоим отцом.

В 1960 году я уезжал жить в Ленинград с первой женой, а 1961 году вернулся назад в совхоз имени Жданова".

Из воспоминаний Александра Гуговича Гальвас (1966), сына Гуго Александровича Гальвас (1935), то что рассказывал ему отец:

"Когда отец приехал в совхоз имени Жданова, то он стал работать сначала ветврачом. Совхоз был образован, чтобы поднимать целину. Назывался именем Жданова, потому что туда приехало 30 комсомольцев с завода имени Жданова, города Ленинграда.

И вот там он познакомился с одной ленинградкой, которая вместе с другими приехала на целину. Её звали Валентина Петровна. У них родился сын Пётр, и какое-то время они жили вместе.

Потом Валентина Петровна уехала назад в Ленинград, а через время отец поехал за ней. Жил некоторое время с ней, но её родители, как говорил отец, его не приняли, так как он был немец. И тогда он опять вернулся в Казахстан, в совхоз имени Жданова. Здесь он познакомился с Валентиной

Никулиной, которая и стала нашей матерью. С Петром я хотел встретиться после армии, но не успел, так как он погиб".

Из воспоминаний Валентины Петровны Куницыной-Гальвас-Митрофановой (1938), первой жены Гуго Александровича Гальвас (1935):

"Я родилась в 1938 году. В совхоз имени Жданова, Краснокутского района, Павлодарской области я приехала работать по комсомольской путёвке в 1959 году. До этого я работала в Ленинграде в ремонтно-строительном тресте. Но в этом году из города Ленинграда направили на целину в Казахстан, в Павлодарскую область, целый эшелон молодёжи. Мы четверо девчат получили направление в совхоз имени Жданова. В этом же году я познакомилась с Гуго Александровичем Гальвас. Через некоторое время мы расписались.

В мае 1960 года мы поехали в гости к моей маме в город Ленинград, и по дороге, в Акмолинской области на станции Есиль 22 мая родился наш сын - Пётр Гугович Гальвас. Окончательно же из совхоза им. Жданова я уехала поздней осенью 1962 года, а в 1964 году мы с Гуго развелись".

Пётр Гугович Гальвас (1960-1983). Фото сделано во время его свадьбы в 21 июня 1982 году. На втором плане его мама Валентина Петровна (1935).

Пётр Гугович Гальвас (1960-1983) родился в Акмолинской области на станции Есиль 22 мая 1960 года. Женился он 21 июня 1982 года на Наталье Валентиновне Леонтьевой, которая родилась в городе Ленинграде 8 мая 1960 года. Детей у них не было. Умер от боевых ранений, приобретенных в Афганистане 14 апреля 1983 года.

Материал взят из Книги Памяти "Не дай, Отчизна, умолчать..." Афганистан. 1979 - 1989. Российская Федерация. Ленинградская область, прислано:

"Петенька родился в пути, когда Валентина Петровна ехала из Казахстана в Ленинград. Через некоторое время семья распалась. Валентина Петровна, ее мама и сынишка Петенька переехали жить в Ленинградскую область, Волосовский район, посёлок Большая Вруда.

Петенька знал нужду, горе, знал, что деньги достаются с трудом, знал, как плохо жить без отца.

"Материально трудно было жить, - рассказывает Валентина Петровна, - мама получала пенсию 28 рублей, а я зарплату - 100. Приходилось брать дополнительную работу. Вот так и жили. Ему, как и другим мальчикам, хотелось хорошо одеваться, иметь что-либо из техники. Мечтал о велосипеде. Мальчишки есть мальчишки, а ему в то время было уже 11 лет. Когда я сыну давала деньги на сладости, кино - он во всём себе отказывал - копил деньги на велосипед. И велосипед появился в доме. Сколько было радости, вы бы только видели! Ласково гладил он руль, колеса, словно это было живое существо.

Петя рос послушным, добрым мальчиком. Возможно, на формирование его характера влияло то, что в нашей семье жила больная бабушка. С нею он делился радостями, сомнениями, бедами, ценил её мудрость, жизненный опыт, стремился приносить ей больше радости. Заботы по уходу за ней он взял на себя. Петя действительно был хорошим заботливым внуком, умело прикасаясь к старости. Ни зазнайства, ни себялюбия не было в нем, ни наглости, ни развязности, ни лени".

Валентина Петровна работала медицинской сестрой, сутками дежурила, поэтому заботы по дому Петя тоже брал на себя. Отношения мамы, бабушки, внука-сына складывались так, что порою они не могли прожить и дня без того, чтобы не рассказать друг другу, что произошло в течение дня, что на душе.

Когда Пете исполнилось 12, Валентина Петровна вышла замуж за Геннадия Егоровича Митрофанова (13.08.1941). В 1974 году у них родился сын Александр, а в 1977 - Сергей. Со своими младшими братьями Петя был терпеливым. На себя он возложил ответственность за братьев, хотя ему приходилось и нелегко

с ними.

Время шло. И вот Петр - курсант военного училища".

Из воспоминаний Валентины Петровны Куницыной-Гальвас-Митрофановой (1938), первой жены Гуго Александровича Гальвас (1935):

"В 1967 году Петя пошёл учиться в Большеврудскую среднюю школу. В школе учился на тройки и четверки. После окончания 10 классов в 1977 году он поступил в Ленинградское Высшее Ракетно-зенитное командное училище (ЛВРЗКУ). При поступлении в училище он сдал только один экзамен на 4, а остальные на 5. Учился Пётр в училище четыре с половиной года. Был спортивный парень. Занимался бегом, лыжами. Владел иностранным языком - французским. Во время учёбы дружил с одной девочкой, которую звали Натальей Валентиновной Леонтьевой (1960). Она училась в институте. Родители у неё были военными".

Материал взят и записан из Книги Памяти "Не дай, Отчизна, умолчать..." Афганистан. 1979 - 1989. Российская Федерация. Ленинградская область, прислано:

"Документ:

"За время обучения зарекомендовал себя дисциплинированным курсантом. Командирские и методические навыки развиты хорошо. Занятия по боевой и политической подготовке проводит методически грамотно. В тактической обстановке ориентируется уверенно. Большое старание проявил при изучении боевого применения радиотехнических подразделений. Умело управляет расчётом на боевой работе. По специальности подготовлен хорошо. С технической литературой работать умеет. Знает правила хранения, эксплуатации и ремонта радиолокационного вооружения. Уставы в СССР знает хорошо и правильно руководствуется ими в повседневной деятельности. ... Имеет 1 спортивный разряд по гирям и кроссу. Является членом сборной команды училища по лыжам. Здоров. Стойко переносит все тяготы и лишения военной службы. Исполнителен и инициативен. Спокоен, общителен, честен, правдив. В быту скромен. С товарищами вежлив. Морально устойчив. Военную и государственную тайну хранить умеет. Вывод по аттестации: достоин присвоения первого офицерского звания "лейтенант". 8 июля 1981 года".

Пётр Гугович Гальвас (1960-1983) с невестой Натальей Валентиновной Леонтьевой (1960).

Из воспоминаний Валентины Петровны Куницыной-Гальвас - Митрофановой (1938), первой жены Гуго Александровича Гальвас (1935):

"И вот Петя выучился на инженера-программиста. После окончания училища его оставляли в училище на преподавательской работе, но он не остался. Сказал так: "Ещё послужу". Тогда его отправили в Тощкое, а оттуда в скором времени, буквально за сутки,

часть перебазировали в Афганистан. Это было в 1981 году. 18 декабря этого же года получил первый раз ранение, но продолжал служить. Из Афганистана он дважды приезжал в отпуск. Женился он 21 июня 1982 года на Наталье Валентиновне Леонтьевой, которая родилась в городе Ленинграде 8 мая 1960 года. Детей у них не было. Летом 1983 года он должен был вернуться домой, но в апреле этого года он умер от ран".

Материал взят и записан из Книги Памяти "Не дай, Отчизна, умолчать..." Афганистан. 1979 - 1989. Российская Федерация. Ленинградская область, прислано:

"Пётр Гугович писал домой добрые, нежные письма.

"Господи, как мы любили и понимали друг друга, - вспоминает мама Валентина Петровна. - В трудные минуты жизнь ему казалась неполной без родного и близкого человека - без меня".

"Мамочка, недавно у нас стала работать своя баня. В период затишья, если есть время, вымоешься - и на душе становится как-то по-домашнему, тепло и хорошо. Что и говорить, для солдата

главное - быть накормленным, обутом, одетым, чистым, тогда и служить можно. Ребята у меня подобрались очень хорошие, душевные, смелые, умные и, главное, с открытой душой. Обо мне не беспокойся, все хорошо. Целую. Петя".

"Здравствуйте, мои дорогие мамуля, папа, брагишки.

С горячим приветом ваш сын, брат Петя. Вначале хочу сообщить, что у меня все нормально, на здоровье и настроение жаловаться грешно. Погода хорошая, днем светит солнышко, а ночью появляется и встает в зените красавица-Луна. И тогда становится светло, как у нас в морозные январские дни. Хотя и днем горы кажутся красивыми, то ночью, особенно когда подмораживает и на небе светит ярко Луна, они становятся просто великолепными. И столько в них красоты и величия, что не всякий художник смог бы, наверное, передать это на холсте. Вот бы нам с тобой, родная, полюбоваться этой красотой и подышать горным воздухом. Воздух здесь чист.

Помнишь, как мы в лес ходили на лыжах, как упивались свежестью лесного воздуха. Вот и здесь почти то же самое. Ведь ты же, мамуля, никогда не была в горах, но попробуй представить нас вместе и сразу на сердце станет легче, думай, что любящий тебя сын стоит рядом с тобой. Прости, родная, что разбередил тебе твою душу. Но только, ради Бога, не волнуйся, береги себя. Крепко целую. Петя. 19.12.81 год".

Служить бы да служить ему, молодому, здоровому, да только 18 декабря 1981 года он получил тяжелую травму на боевом дежурстве, как сообщал командир части подполковник Тимин и начальник медслужбы капитан Аношкин.

Это письмо П. Г. Гальвас послал домой 14.2.82 года из госпиталя:

"Вот я и в Союзе! Доехал хорошо. В 15.20 был у себя "дома". У нас лежит снег, вчера снова выпал. Кругом тут ходят. Лежу и смотрю в окно, вижу небо, такое родное. А какие снежинки, кажется, что я могу их обнять руками. Такие пушистые, близкие, в них можно утонуть. До чего ж красиво! Не волнуйся, родная, у меня все хорошо. Здоровье отличное. Целую. Ваш сын Петр".

Письма родные получали из Ташкентского госпиталя и в каждом: "Мамочка, не волнуйся, я поправлюсь, все будет хорошо, я молодой, сильный, должен жить. А ты береги себя".

Военно-врачебная комиссия 340 окружного госпиталя от 1 июня 1982 года сделает заключение: "...Заболевание получено в период прохождения военной службы в ДРА..."

Лейтенант Петр Гугович Гальвас находился на лечении в 12 отделении с 11 января 1983 года по настоящее время. По характеру заболевания уволен из рядов Советской Армии. И нуждается в срочной транспортировке к месту жительства - город Ленинград. Для сопровождения больного вызван отец - Митрофанов Геннадий Егорович, справка дана для предъявления в кассу аэрофлота. Начальник медчасти 340 ОВП Ломакин".

В феврале 1983 года Петр Гугович написал письмо на имя Митрофанова Геннадия Егоровича (отчима):

"Папа, хочу, чтобы ты приехал ко мне в госпиталь в Ташкент. Я буду тебя ждать к последнему дню февраля. Хочу быть дома в мамин любимый праздник 8 Марта, как всегда, с духами "Визит" и "Летний сад". Только, пожалуйста, не волнуйтесь, ничего не случилось. Ты приедешь, побеседуешь с моим лечащим врачом, и мы вместе полетим домой. Ради Бога, ничего не думайте плохого, а то я знаю маму, у нее богатая фантазия, вообразит, Бог знает чего.

Желательно, чтобы ты приехал один, без мамы. Ее надо беречь и не заставлять волноваться за нас. Она у нас одна - единственная, неповторимая, а у нее нас четверо. Вот так, папуля. В общем, мой приезд зависит от тебя. 17 февраля 1983 года".

А потом его привезли домой. Через восемь дней Петра Гуговича не стало. Последние его слова были: "Я не знал, что судьба роковая сведет меня в могилу. Только ты не плачь, не страдай, дорогая, что не будет в живых меня. Мамочка, я не хочу умирать! Я молод, должен жить..."

"Умер сын в 18.45 14 апреля 1983 года у меня на руках, - говорит Валентина Петровна. - Как же больно, душа изболелась, пока пишу. Пока растила, учила, никто не обращал внимания. А вырастила, выучила - и потеряла. А теперь вечная боль, горе моё. Это невыносимо: кто это испытал, поймет. Так тяжело ворошить прошлое. Недавно я получила награды сына: Грамоту, а это - не пойму, то ли орден, то ли медаль. Через одиннадцать лет после смерти Петеньки вручили. Я где-то читала, что в нашей стране наградные документы не оформляются вовремя. Только через одиннадцать лет награду вручили не сыну, когда он лежал в госпитале среди боевых друзей, а нам. Боль от потери сына вечно со мной. Простите, больше не могу. Мама Петра Гуговича Гальвас. 27 февраля 1994 года".

*Валентина Николаевна Никулина
(1940). Фото 1962 года.*

Из воспоминаний второй жены Валентины Николаевны Никулиной-Гальвас (1940), жены Гуго Александровича Гальвас (1935):

"Родилась я и жила в городе Нолинске, на реке Вятке. У меня была подружка Римма Терентьева, и мы вместе с ней работали в городе Нолинске. У неё в Павлодарской области, Краснокутского района, в совхозе имени Жданова жили тётя с дядей. И вот мы решили, поехать в Казахстан на целину. Это было в 1961 году. Совхоз имени Жданова был целинным совхозом. Образовался, после того как при Хрущеве стали поднимать в Казахстане целину".

Спрашиваю: "С какой целью поехали в Казахстан"?

"Жить, работать и замуж выйти ... С города Павлодара мы на автобусе доехали до райцентра Краснокутск. Там спросили, где совхоз имени Жданова. Нам сказали – в той стороне, и мы пешком пошли вдоль Иртыша в этот совхоз. По дороге нам попалась бахча с арбузами. Нам понравилась природа вдоль реки Иртыш, и всё остальное, и мы остались жить в совхозе Жданова. Жили в общежитии, пять девчат в одной комнате. Общежитие стояло напротив маленького, деревянного клуба. Молодёжи было в совхозе много, так что в клубе по вечерам было тесновато. В этом клубе завклубом работал Гуго Гальвас, а по вечерам на танцах он играл на баяне. Там я с ним и познакомилась. Я с подружкой приехала в июле 1961, а в декабре вышла замуж за Гуго".

Из воспоминаний Гуго Александровича Гальвас (1935), сына Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938):

"В январе 1962 года я поехал в город Караганду и там девять месяцев учился на киномеханика. Выучившись, я вернулся в совхоз Жданова, и с сентября 1962 года до 1969 года работал в совхозе киномехаником и завклубом.

"В 1963 году мы купили небольшой дом. В этом доме у нас родились первые четверо детей: **Андрей** (1963), **Александр** (1966), **Миля** (1967) и **Эльвира** (1970).

В 1969 году я перешёл работать в Краснокутскую ветеринарную станцию, а жить мы оставались в совхозе им. Жданова. В декабре 1971 умерла моя мама Мелита. И мы уехали из совхоза им. Жданова и с 1972 года мы живём в Кировской области, городе Нолинске, селе Рябиновщина. Здесь 3 ноября 1973 году у нас родилась дочь **Ольга**, а 10 апреля 1977 года – сын **Анатолий**. В этом же году мне удалили селезёнку, и уже 30 лет я живу без неё".

Прочитано Валентиной Николаевной Никулиной-Гальвас (1940), жены Гуго Александровича Гальвас (1935):

"Недавно наша внучка, дочь Мили, Наташа Скрябина (она уже окончила 9 классов), написала в школе сочинение про нашего деда Гуго. Эту заметку опубликовали даже в газете". *Спрашиваю: "Можете вы мне её выслать"*. Тётя Валя говорит: "Если хочешь, я тебе её сейчас прочитаю:

"Мой советчик и утешитель. Для тех, кто рядом.

Мой дедушка – Гуго Александрович Гальвас. Родился он в колхозе "Глубоком", Плесецкого района, Архангельской области. Перед войной его родителей репрессировали по национальному признаку. Потом, в 1938 году, его отца Александра Яковлевича Гальвас расстреляли, а мать во время войны, в 1942 году, забрали в трудовую армию. Дедушка Гуго остался один со средним братом Эдвином. За неимением родителей колхозом было решено отдать Гуго в детдом.

В детдоме дедушка пошёл в первый класс. Был бойким, но смышленным мальчишкой, учился на отлично. За время проживания в детдоме совсем забыл немецкий язык, который знал с раннего детства.

Зато именно в детдоме дедушка увлёкся игрой на гармошке. В свободное время он помогал одному старичку, который давал ему на часок другой в руки гармонь. Любовь к музыке дедушка сохранил на всю жизнь, поэтому всем своим детям он старался дать музыкальное образование. А сам постарался в своё время освоить баян и аккордеон, домбру и балалайку.

В 1947 году брат Эдвин приехал за ним, чтобы забрать его домой, так как вернулась из трудармии их мама Мелита. Когда Эдвин пришёл за братом в детдом, то воспитатели не решались отдать ему Гуго, так как не было ни каких доказательств тому, что они родные братья. Договорились так, если Гуго узнает Эдвина, то пойдёт с ним. И конечно же он узнал брата.

Позади, остались школьные годы. Дедушка хотел учиться дальше, но в получении дальнейшего образования ему отказали. По этому поводу он очень переживал. С детства дедушка Гуго мечтал стать капитаном дальнего плавания. Тогда он вместе с учительницей русского языка написал письмо в министерство образования СССР, в котором он просил позволить ему учиться дальше. Оттуда пришёл ответ, в котором разрешалось поступить учиться в ветеринарное училище. Окончив это училище, дедушка Гуго уехал на целину, где жили его сестра Фрида Гальвас с семьёй. Там дедушка нашёл свою единственную и женился. Там же он получил профессию киномеханика. Даже поступил учиться в институт, но не доучился, так как надо было воспитывать 4 детей.

Спустя несколько лет семья снова переехала в Россию. Здесь родились ещё двое детей. Пока дети росли, дед всегда был помощником в учёбе. За неудачу никогда не наказывал. Все шестеро получили высшее образование. В больницу его домочадцы по мелочам не обращались, так как дедушка лечил всех их сам. Всю свою жизнь он помогал людям, никому не отказывал и в любой ситуации оставался человеком. Не заметно подкралась старость, волосы поседели, которые когда-то были чёрными. Но тёмно-карие глаза остались неизменными, живыми и весёлыми. Говорят раньше, он был очень красивым парнем. Для меня дедушка и сейчас такой любящий и добрый человек, советчик и утешитель.
Наталья Скрябина".

Александр Гугович Гальвас родился 9 марта 1966 года в совхозе им. Жданова, Краснокутского района, Павлодарской области.

Женился 26 июля 1992 года в горде Нолинске на Татьяне Генадиевне Матушкиной, которая родилась 25.12.1969. У них родились две дочери: Эрика 14.11.1992 и Анна 7.06.1999.

Михаил Михайлович Мальцев (1929-1993) с женой Натальей Исааковной Ремпель (1933), дочерью Наташей (1966), и сыном Александром (1958).

Из воспоминаний Гуго Александровича Гальвас (1935), сына Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938):

"В Плесецком районе, Арханльской области не далеко от Ижошки был Орловский лесопункт, где заготавливали лес для города Орёл. На этом лесопункте работал шофёром Михаил Мальцев (1932?-198...), который возил начальника лесопункта. Он был родом с города Орёл. В Ижошке познакомился с Натальей Исаковной Ремпель, дочерью Исака и Лизы, и потом они поженились. Они тоже приехали вместе со всеми в совхоз им. Жданова с Архангельской области. У них было трое детей: Володя, Александр и Наташа. Миша был хороший человек, добрый и всегда старался помочь твоей матери, когда она осталась без мужа". *Я тоже помню, что он всегда помогал нам, и ни когда его не забуду о его добрых делах, это был хороший человек. Таких людей сейчас почти нет.*

А сейчас мне хочется не много рассказать про Эмилию Генриховну Дубс-Вагнер (1898-1982), которая была родной сестрой моей бабушки Оттилии Генриховны Дубс-Гальвас (1895-1924). Но прежде я хочу читателя немного познакомить с родом моей бабушки Оттилии.

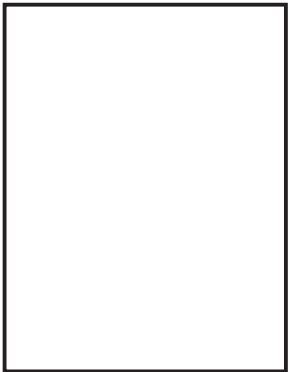

*Вообще родословная Дубсов известна нам с 1755 года. Именно в этом году 5 марта родился **Рудольф ... Дубс**. И именно он выехал из Швейцарии, с деревни Бонитеттен в Россию, в Крым в 1803 году. Рудольф Дубс был дважды женат.*

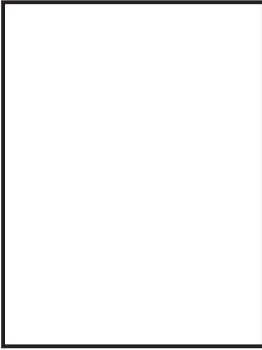
*Его первую жену звали Елизаветой ... Глетли (Glettli). У них родилось 6 детей: **Елизавета** (28.05.1783-18...), которая вышла замуж за Якова Фоленвайдер в августе 1803 года, потом **Эльзбет (Elsbeth)** (01.02.1786-18...), **Ганс-Генрих** (17.01.1790-18...), **Ганс-Яков** (01.07.1792-18...), **Верена** (02.04.1797-18...) и **Иоганнес** (23.06.1799).*

*Вторую жену звали Сусанной ... Губер (27.04.1766-18...), на которой Рудольф ... Дубс женился 4 января 1801 года. У них была одна дочь **Сусанна** (28.08.1803-18...). Таким образом все дети родились в Швейцарии, в деревне Бонитеттен.*

*Таким образом, род Дубсов, проживавших в России, идёт от одного предка Рудольфа ... Дубс (1755-18...) и от его трёх сыновей: **Ганс-Генриха** (17.01. 1790-18...), **Ганс-Якова** (01.07.1792-18...) и **Иоганнеса** (23.06.1799).*

*Род наших бабушек идёт от среднего сына Ганс-Якова Рудольфовича Дубс (1792-18...). Кто была его жена не известно. У них было два сына: **Вильгельм** (18...-18...) и **Генрих** (18...-18...).*

*Генрих Яковлевич Дубс
(18...-18...).*

*Когда он родился и как звали его жену не известно. У них был тоже сын **Генрих** (18...-18...) (возможно один), который родился в деревне Цюрихталь и имел прозвище "Oberschulz".*

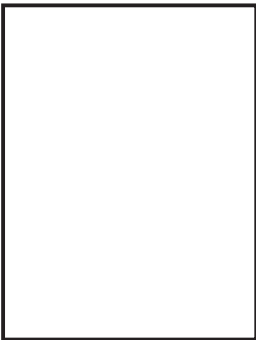

*Генрих Генрихович Дубс (Oberschulz),
(18...-18...), отец моей бабушки, на
фото с сыном Генрихом Генриховичем
(1894-1937).*

Генрих Генрихович был дважды женат.

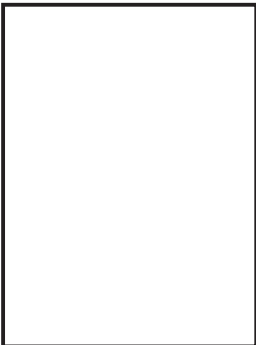
*От первой жены родилось двое детей: **Теодор** (18...-19...),
выехал в Америку и **Эмма** (18...-19...).*

*От второй жены Розины родилось 6 детей: **Генрих**
(05.04.1894-05.11.1937), **Оттилия** (1895-1924) - моя бабушка,
Вильгельмина (19.02.1896-01.01.1973), **Эмилия** (31.03.1898-
23.03.1982), **Елизавета** (21.05.1900-18.11.1941) и **Елена** (19...-
19...).*

*Генрих Генрихович Дубс (1894-1937), брат моей бабушки, был
женат на Фриде Эмануиловне Дубс (00.06.1897-00.12.1943). У них была
одна дочь **Эльфрида** (1929), о которой будет упоминаться дальше.*

*Фрида Эмануиловна идёт из рода Ганс-Генриха (1790-18...),
старшего сына Рудольфа, потом от Рудольфа (18...-18...), Бернгарда
(18...-1850) и Луизы Вихенмайер, Емануила (1873-1907) и Каролины
Мюллер (1873-1942). Таким образом, она доводилась мужу
четвероюродной племянницей, а моей матери – пятиюродной сестрой.*

*Оттилия Генриховна Дубс-Гальвас
(1895-1924), родилась в Крыму,
в деревне Цюрихталь.*

*Моя бабушка Оттилия Генриховна Дубс была замужем за
Александром Яковлевичем Гальвас (01.06.1892-11.11.1938). У них
родилось трое детей: **Кергарт** (1919-19...), **Фрида** (30.08.1921-
19.08.1986), моя мама и **Рейнгольд** (23.02.1924-21.01.1995).*

*Из приведённого на странице 67 свидетельства о бракосочетании
выходит, что она родилась примерно в середине января 1895 года, в
Крыму, в деревне Цюрихталь. Умерла бабушка Оттилия где-то в августе
месяца, 1924 года.*

Вильгельмина Генриховна Дубс-Шейнер (1896-1973), родилась в Крыму, видать, тоже в деревне Цюрихталь.

Вильгельмина Генриховна Дубс (1896-1973) была замужем за Леопольдом Генриховичем Шейнер (1896-1940). У них родились: дочь – **Пенида** (26.12.1923-00.03.2005) и сын **Роберт** (19...-19...).

По фамилии Шенерам есть родословная начиная с 1796 года. Георг Шенер (1796-18...) видать заехал в Крым, и там родился его сын -

Георгий Георгиевич Шенер (7.03.1828-18...). Женился он 11 декабря 1851 года на Елизавете Губер. У них родилось 12 детей: Якобине (22.04.1853-?), Магдалена (4.06.1856-?), Генрих (21.03.1858-9.12.1858), Маргарита (28.12.1859-11.09.1943), Андрей (Andreas) (25.05.1862-?), **Генрих** (11.01.1865-?) (его

жена Барбара родилась 15.03.1866. У них родились: **Леопольд** (1896-1940), Рейнгольд (1894-1938) и Оскар (189...-19...), Катерина (27.04.1867-?), Регина (21.08.1869-?), Иоганнес (3.11..1871-?), Яков (18.12.1873-24.10.1879), Вильгельм (12.05.1877-12.08.1878) и Аннете (24.10.1879-?).

Пенида Леопольдовна Шейнер-Вальтер (1923-2005), родилась в Крыму, в деревне Цюрихталь.

Тётя Пенида была двоюродной сестрой моей матери по Дубсам. Родилась она в Крыму, в деревне Цюрихталь 28 марта 1923 года. Замуж вышла за Андрея Адамовича Вальтер (05.05.1920-13.08.1958), который тоже родился в Крыму, в деревне Цюрихталь. У них родилось два сына: **Валентин** (1950-1951) и **Валерий** (02.06.1952-8.11.2013).

Валерий был женат на Гришмановской Тамаре Васильевне, которая родилась 16 января 1956 года. У них родился 23 марта 1973 года, сын **Александр**.

Александр женат на Надежде У них двое дочерей: **Татьяна** и **Амалия**.

Эмилия Генриховна Дубс (1898-1982) с мужем Вагнер Рейнгольдом Христиановичем (1894-1943) и с детьми Эрнстом и Рейнгольдом. Фото 1929 год.

Эмилия Генриховна (1898-1982) замужем была за Рейнгольдом Христиановичем Вагнер (1894-1943). У них родилось двое детей: **Рейнгольд** (14.02.1927-05.08.1946) и **Генрих** (04.04. 1930-01.04.2004). Её сын Генрих Рейнгольдович был, соответственно, двоюродным братом моей матери Фриды Александровны Гальвас (1921-1986). Так совпало, что Генрих Рейнгольдович попал после войны в посёлок Ижошка, который находился рядом с посёлком Глубоким, куда была сослана в 1931 году моя мама со своим отцом Александром Яковлевичем Гальвас. А его будущая жена, Раиса Степановна Кузмина, родилась там в 1934 году, так как её родители были сосланы в Ижошку в 1930 году.

Из воспоминаний Раисы Степановны Кузминой-Дубс (1934), жены Генриха Рейнгольдовича Дубс (1930-2004):

"Дубсов к нам в посёлок Ижошку, Плесетского района привезли в 1949 году, с острова **Жижгин**, который входит в состав Соловецких островов, находящихся посреди Белого моря. Центральным островом является здесь остров Соловки. На нём был раньше большой монастырь, а во времена Петра I здесь строили корабли. Остров Соловки находится в 200 км от Архангельска, а остров Жижгин ещё в 15 км от него, и в 60 км от Финляндии.

На Соловецкие острова Дубсы были высланы в 1930 году. В это время Эмилия Генриховна Дубс (1898-1982) с мужем Рейнгольдом Христиановичем Вагнер (1894-1943) имела одного общего ребёнка Рейнгольда (1927-1946), а Эрнст (1919-1941) был сыном Вагнера от первого брака. Его первая жена жила с врождённым туберкулёзом и умерла при родах Эрнста, в 1919 году. А когда их выслали в Крым, Эмилия Генриховна была беременна вторым ребёнком. Под Харьковом, на станции Лозовой, её пришлось снять с поезда, и она родила Генриха* (1930-2004). А её мужа Рейнгольда Христиановича, с двумя детьми, отправили дальше по этапу, на Соловецкие острова. Когда Эмилию Генриховну выписали из больницы, то она уехала обратно в Крым. А потом Рейнгольд Христианович написал ей в письме: "Если хочешь, чтобы наши дети были живы, возьми развод". И она взяла развод, и поэтому Гена, мой будущий муж, был теперь уже не Вагнер, а Дубс. А остальные двое детей остались записанными Вагнерами.

Итак, Дубсы-Вагнеры были сосланы на остров Жижгин. Этот остров был небольшой, 7 км в окружности. Посередине стояла гора, на одной стороне жили в двух бараках, а работать ходили на другую сторону. Там был завод по переработке водорослей, из которых делали желатин, а также порох. Там не было ни поездов, ни машин, ничего. Один раз в месяц приходил пароход и всё.

Через год после прибытия на остров Жижгин стало немного легче. Рейнгольд Христианович получал теперь северный паёк, и тогда Эмилия Генриховна поехала к ним на Соловецкие острова. По прибытии туда у неё сразу забрали паспорт, а в 1943 году, через 12 лет, забрали и мужа. Рейнгольда Христиановича посадили в тюрьму, как врага народа, и оттуда он уже не вернулся. Он был грамотный, работал бухгалтером. В Швейцарии у него жили родственники - тётки. Он писал им письма, и вот за связь с границей его посадили на 10 лет, без права на переписку.

А Эмилия Генриховна осталась одна с сыном Генрихом (Геной). Как раз, когда началась война, старший сын Эрнст умер от врождённого туберкулёза, в августе 1941 года. А сына Рейнгольда в августе 1946 года взяли в трудовую армию, и в шахте города Копейска он попал под обвал пород и умер. И таким образом, Генрих (Гена) остался один с матерью. С 12 лет он пошёл работать на бот, юнгой.

Генрих Рейнгольдович (Геннадий Иванович) Дубс (1930-2004) с женой Раисой Степановной Кузминой (1934). Фото 1952 года.

Мои же родители жили на Волге, в городе Ленинске по другую сторону от Волгограда (раньше был Сталинград). Они были русскими. Отца звали Степаном Алексеевичем Кузьминым, а маму – Ксенией Константиновной Шипаловой.

В 1930 году их выслали, как кулаков за то, что было две коровы и один бык. Выслали в Плесецкий район, Архангельской области. С ними поехали и дедушка с бабушкой, с папиной стороны.

У мамы было 5 сыновей, трое по дороге умерли. Василий был самый старший. Он выжил. Был ещё брат Ваня, когда уже доехали до Плесецка, у него заболел зуб. Пошли к врачу, тот положил ему на зуб яд. Пока мама довела его до вагона, так у него глаза с орбит повылазили. Всё, * Когда он вырос, то он сказал казахам в Джамбуле: "Зовите меня Геннадий Иванович", так как они не могли выговорить Генрих Рейнгольдович. Так его все и звали, а также и мы.

отравил! Мама пошла к нему и говорит: "Что ж ты сделал?", а тот говорит: "Вас кулаков, всех надо отравить". Ване было всего 14 лет.

Потом их повезли от Плесецка 13 км в сторону, там и образовался лесопункт 85-ый, посёлок Ижошка. Там как раз проходит шоссейная дорога, которую построили по указу Петра I, от Ленинграда до Архангельска. Немного восточней была деревня Кочмас. От райцентра Плесецка до деревни Кочмас отходила железнодорожная ветка, которая так и называлась - ветка Кочмас. Сельсовет находился в большой деревне Кочмас, это примерно 15 км от Ижошки. Старым посёлком называли Ижошку, а новым – тот, где был Ветковский лесопункт. Смолокурный завод был на Ижошке. Когда мы подросли, он уже был закрыт.

Когда их привезли на 13-ый км, там не было ни барakov, ни домов – ничего. Выбросили прямо на снег, так как была зима. Мужчины сразу сделали шалаши из веток и так жили до весны. Старики и дети умерли сразу. Мой дедушка там тоже умер, а бабушка выжила.

Первое время с работой было тяжело, в том смысле, что, приехав с Волги, мы этого леса не видели. А тут надо его рубить, валить, пилить. Вот дерево подпилят, оно падает, все в рассыпную. Дерево на них, бац - готов. Многие погибли по неопытности при валке леса. После того как дерево спиливали, обрубали сучки, потом по 6-8 м в длину отрезали. Всё вручную, топор да пила "дружба два", ты мне – я тебе.

Весной построили один барак, сделали нары, чтобы спать не на полу, и в следующую зиму жили уже в этом бараке. Посередине стояла железная печка. Старики сушили возле неё одежду и смотрели, чтобы она ночью не загорелась. Те же, кто днём работал, спали. На второй год ещё барак построили. Потом уже стали делить барак на комнаты, а до этого жили все вместе. Независимо от того, сколько человек было в семье, всей семьёй жили в одной комнате, а коридор был общий. В коридоре стояла печка, летом на ней варили кушать. А уже зимой топили каждый в своей комнате, чтобы обогреться и кушать сварить.

Со временем построили магазин, школу, клуб, больницу. В колхозе Ижошка до войны было две школы. В одной школе могли учиться до 10 класса, а вторая была начальной школой. А потом одну отдали под детдом, а одна школа осталась семилеткой. Чтобы окончить 10 классов, надо было ехать в Плесецк. С деревни Кочмас приезжали учиться к нам, так как там была школа только с 4 классами, и жили они в нашем колхозе по квартирам.

Моя мама работала в колхозе, а отец и старший брат Василий работали на лесоповале. Зимой было до 40 градусов мороза, но, несмотря на это, на работу ездили. В 1937 году забрали отца, мне было тогда всего 3 года, и больше мы его не видели.

Здесь на 13-ом км, в посёлке Ижошка родилась сестра Ксения и я, Раиса. Там же я пошла в школу и окончила 7 классов. Учились как раз в период войны и после. В школе преподавали также и военное дело, были деревянные винтовки. Всё учили, и грамматику с арифметикой, а также, как воевать. В 1942 году брата Василия тоже забрали, но на фронт. С войны он не вернулся. У него была семья - жена и двое детей.

И остались мы одни - мама, старшая сестра Ксения и я. Мама продолжала работать в колхозе Ижошка, так как к тому времени при посёлках были образованы колхозы. Ей во время войны выделяли 2 кг муки на 10 дней. И это даже не мука была, а скорее, отруби, так как в Плесецке пшеница не росла, а только ячмень и овёс. Деньги в колхозе за работу не выплачивали, а только ставили палочки, т.е. считали трудодни. А потом уже, в конце года, выплачивали морковкой, картошкой, капустой.

Во всё это трудное время нас выручала корова, которую звали Дашкой. Если бы не корова, то умерли бы мы все с голоду. Корову купили ещё до войны, когда ещё брат Вася был и работал на лесоповале. Сначала у нас было только полкоровы, т.е. половина принадлежала соседям, а половина нам. Одну неделю они кормили и доили, а вторую мы - кормили и доили. А потом они уехали, и мы купили у них вторую половину коровы. И так Даша - вся стала наша.

Всем колхозникам давали по 20 соток земли, чтобы сажать картошку. Так как лошадей не было, а пахать землю надо было, вот на этой корове мама и пахала. Мама пашет и плачет, и корова еле идёт и плачет. Как вспашет, сажаем картошку. Но без удобрения ничего не росло, поэтому из туалета таскали в бочку, а потом, когда сажали, то этим поливали в лунке землю. Вот картошку вырастим, выкопаем, насобираем, насушим и насолим грибов, насолим капусту, бруснику насобираем - это и были наши витамины.

В 1948 году мы жили также в колхозе Ижошка. Тётя Мелита Гаар (1902-1971), вторая жена

Александра Яковлевича Гальвас (1892-1938), твоего деда, тогда уже тоже жила в этом же колхозе. Она часто приходила к нам. А когда Дубсы приехали, то первое время жили в одном бараке с тётёй Милитой. Её сын Эдвин тоже работал в колхозе, ветврачом.

И вот в 1949 году привезли к нам с острова **Жижгин** немцев, в том числе и семью Дубсов. Мы все собрались и пошли смотреть, что это за немцы, так как говорили, что они были с рогами. А то, что рядом такие же немцы жили, как-то и не задумывались, не считали их немцами. Ну, а тут привезли немцев, надо ж идти посмотреть, где у них там рога. Ну, а потом смотрим – такие же люди, как и мы.

К тому времени, я как раз окончила школу и пошла работать на лесоповале учётчиком. Мне было всего 15 лет. Там я проработала один год. В 1950 году мы с мамой уехали на Волгу, и один год мы прожили в городе Волгограде. А корову Дашу оставили сестре Ксении, которая к тому времени вышла замуж за Оскара Пфейфер, и они оставались в Плесецке. Корова уже до того старая была, что когда они её зарезали, то 24 часа в сутки варили и не могли кушать, такое жёсткое было мясо. Когда у сестры Ксении родилась дочка Валя, то она приехала за мамой, чтобы та жила с ними и нянчилась с Валей. Раз мама поехала обратно, то и я вернулась тоже.

На лесоповале, когда я работала приёмщицей леса, я познакомилась с Генрихом (Геной) Дубс, а в 1952 году мы поженились. За то, что я вышла замуж за немца, меня исключили с комсомола. Наши дети Виктор и Геннадий родились в Плесецком районе, а Альберт родился в Копейске.

Дубсы, когда приехали, то их выкупил лесопункт, так как туда требовались люди. А вот, Борис Вагнер, например, привезён был вторым потоком, так они попали в колхоз Ижошку. Ольга, мать Бориса, была двоюродной сестрой Рейнгольду Христиановичу Вагнер.

Когда Дубсов привезли с острова Жижгина к нам, Гена работал вначале на погрузке вагонов, таскал шпалы. С ним привезли много молодых ребят: Майер, Оскара Пфейфер, Эдгара Шенбек. И всех поставили на погрузку. Шпалы выпиливали длиной 2 м 70 см. Если с лиственницы, то они весили больше 100 кг. Их не сушили, а таскали свежеспиленными, только обрезали по размеру. На плечо положил и понёс".

Спрашиваю: "Не один же"?

"Какой там, на одного была норма 60 тонн в день, один пульман. Пульман – это был большой крытый вагон, на 4 осях и мог перевозить груз до 60 тонн. Были ещё другие вагоны- двухосные до 18 тон.

Двоём не таскали. Один, как говорили, наливал, т.е. ставил шпалы на торец, стоя, а второй брал на плечо и пошёл, за ним следующий. Бригада из 5-6 человек состояла.

В 1950-х годах их забрали работать в гараж, так как на острове Жижгин они работали с механизмами: Оскар Пфейфер на тральщике, а Гена Дубс работал мотористом на дизеле, на пароходе и т.д.. И тогда Оскар стал работать трактористом на КТ12, таскал лес на эстакаду, Майер был механиком, в гараже, ремонтировал машины, а Гена был сцепщиком на тракторе.

Потом Гена работал на электростанции, давал свет, а потом выучился на шофёра, работал на газогенераторной машине. Это такая машина, сверху у неё бак. В этот бак засыпали чурочки 10 см длиной. Их специально заготавливали назначенные люди, пилили, кололи. Из этих чурочек получался газ, и на нём работала машина, т.е. чурочки были вместо бензина. Электростанция, машины, трактора всё работало на этих чурочках. Чурки подбрасывал по мере надобности сам шофёр. Свет от электростанции давали на пару часов, в 5 вечера дадут, а в семь уже выключают.

Когда в 1956 году отменили комендатуру, то Гена, Эдвин Александрович Гальвас и свекровь Эмилия Генриховна ездили в гости к Рейнгольду Александровичу Гальвас в город Соликамск, Молотовского района (сейчас Пермского). Рейнгольд тогда работал шофёром, возил лес с лежнёвок.

А в 1959 году свекровь Эмилия Генриховна захотела уехать жить в город Копейск, туда, где был похоронен её сын Рейнгольд, и мы уехали. В Копейске Гена работал на машине МАЗ. Там родился у нас в 1960 году третий сын, Альберт (Алька).

Твоя мама, Фрида Александровна Гальвас, по-моему, приезжала к нам в Копейск, когда уже замужем была, с одним ребёнком, тогда первый раз мы увиделись.

А Борис Вагнер остался и некоторое время ещё жил в Ижошке. На пустыре, где были большие вырубки леса, построили город Мирный и космодром. И тогда многих стали переселять, и Борис попал в Наволок. В Плесецком районе, недалеко от нас жили также Маухи, Краутеры. Ирма Маух была подружкой моей сестры Ксении. Павлика Краутера хорошо знали. Они жили на 17 км. Все

эти поселки были прикреплены к Плесецку.

Уже когда мы жили в Копейске, тогда мы случайно нашли двоюродную сестру Гены, Ельфриду Дубс. В Копейске жили Герлебаусы Отто и Фрида. Они были нашими соседями, гостеприимные, кстати, были люди. У них часто свадьбы проходили. И вот на одной свадьбе один мужчина был, он работал в тресте столовых-ресторанов, и вот он говорит свекрови Эмили Генриховне: "Вот я езжу в Казахстан, в город Джамбул, чтобы закупать фрукты для треста. И вот там есть одна девушка молодая, симпатичная, по фамилии Дубс. Вы не знаете её"? Свекровь говорит: "У меня где-то есть племянница, а где, я не знаю". Тогда он дал адрес, и мы написали, и это действительно была племянница свекрови, Ельфрида Генриховна Дубс (1929).

И тогда Гена поехал туда в отпуск, и потом мы переехали к ним в Джамбул. Это был уже где-то 1963 год, сын Витя ходил в 1 класс.

Потом к нам в гости приехал Василий Иванович, твой папа, с Эдвином и его женой Наташей. Мы как раз строились, и Василий Иванович помогал нам делать ворота, калитку. Утром встаём, а он уже работает. В Джамбуле мы прожили до 1975 года и потом уехали в Апшеронск. И уже в Апшеронска переехали в Германию в декабре 1992 года".

*Елизавета Генриховна Дубс-Приб
(1900-1941) родилась в Крыму, видать,
тоже в деревне Цюрихталь.*

*Елизавета Генриховна (1900-1941) была замужем за Приб
Иоганном (1896-1937). У них родилось 4 детей: Павел (1923-
1983), Валентин (1929-19...), Виктор (19...-19...) и дочь Роза
(1931).*

*Елена Генриховна Дубс-Шрейдер
(18...-19...) родилась в Крыму,
видать, в деревне Цюрихталь.*

*Елена (18...-19...) была замужем за Готгольдом Шрейдером
(18...-19...). У них родилось трое детей: Артур (1921-200..),
Арнольд и Ильзе.*

Содержание.

Стр.		
1.	Предисловие	3
1.1.	К 200-летию Цюрихталя	3
1.2.	Крымские немцы: история, культура, проблемы	7
1.3.	Этнические немцы на севере	11
2.	Как мы пришли к тем знаниям о роде фамилии Гальвас	14
3.	Герб рода Гальвас и краткое описание его значения	25
4.	О происхождении самой фамилии Гальвас	25
5.	От первого известного нам - до того, кто въехал в Крым	27
5.1.	Лоуис Гальва (Людвиг I) (1610)	27
5.1.2.	Иоганн-Лоуис Гальва (Людвиг II) (1634)	27
5.1.2.5.	Ганс-Валентин Гальва (1666)	28
5.1.2.5.3.	Иоганн-Людвиг Гальва (Людвиг III) (1702)	28
5.1.2.5.3.6.	Иоган-Георг Гальва (1738)	28
5.1.2.5.3.6.3.	Михаил Георгиевич Гальва (1770)	28
7.1.	<i>Род Михаила Георгиевича Гальвас (1770)</i>	29
	Родословные схемы Михаила Георгиевича Гальвас (1770)	30
7.1.1.	<i>Род Иоганна-Михаила Михайловича Гальвас (1792)</i>	35
7.1.1.1.	Фредерика Михайловна Гальвас-Вернер-Руоф (1824)	36
7.1.1.1.1.	Яков Генрихович Вернер (1847)	36
7.1.1.1.2.	Мария Генриховна Вернер (1850)	36
7.1.1.1.3.	Георг Христович Руоф (1867)	36
7.1.1.2.	Генрих Михайлович Гальвас (1831)	36
	Родословная схема Якова Генриховича Гальвас (1854)	37
7.1.1.2.1	Яков Генрихович Гальвас (1854)	36
7.1.1.2.1.1	Яков Яковлевич Гальвас (1877)	39
7.1.1.2.1.1.1.	Полина Яковлевна Гальвас-Миллер (1896)	41
7.1.1.2.1.1.1.1.	Эдмунд Филиппович Миллер (1917)	41
7.1.1.2.1.1.1.2.	Милита Филипповна Миллер (1919)	41
7.1.1.2.1.1.1.4.	Нелли Филипповна Миллер-Губер (1923)	43
7.1.1.2.1.1.1.5.	Эдгар Филиппович Миллер (1924)	41
7.1.1.2.1.1.1.6.	Рейнгольд Филиппович Миллер (1926)	41
7.1.1.2.1.1.1.7.	Виктор Филиппович Миллер (1929)	42
7.1.1.2.1.1.2.	Лея Яковлевна Гальвас-Келлер (1897)	44
7.1.1.2.1.1.2.1.	Валентин Тобиасович Келлер (1922)	44
7.1.1.2.1.1.2.2.	Кергарт Тобиасович Келлер (1923)	44
7.1.1.2.1.1.2.3.	Эдуард Тобиасович Келлер (1932?)	44
7.1.1.2.1.1.3.	Бруно Яковлевич Гальвас (1904)	45
7.1.1.2.1.1.3.1.	Арнольд Брунович Гальвас (1924)	46
7.1.1.2.1.1.3.1.1.	Елена Арнольдовна Гальвас (1952)	47
7.1.1.2.1.1.3.1.2.	Ирина Арнольдовна Гальвас (1954)	47
7.1.1.2.1.1.3.2.	Элла Бруновна Гальвас (1926)	46
7.1.1.2.1.1.3.3.	Ольга Бруновна Гальвас (1927)	46
7.1.1.2.1.1.3.4.	Вильма Бруновна Гальвас-Шефер (1930)	48
7.1.1.2.1.1.3.4.1.	Ида Михайловна Шефер (1950)	48
7.1.1.2.1.1.3.4.2.	Анатолий Михайлович Шефер (1952)	48
7.1.1.2.1.1.3.4.3.	Виктор Михайлович Шефер (1954)	48
7.1.1.2.1.1.3.4.4.	Юрий Михайлович Шефер (1958)	48
7.1.1.2.1.1.3.4.5.	Василий Михайлович Шефер (1965)	48
7.1.1.2.1.1.4.	Самуил Яковлевич Гальвас (1904)	49
7.1.1.2.1.1.4.1.	Гертруда Самуиловна Гальвас-Конрад-Бахмаер (1932)	50
7.1.1.2.1.1.4.1.1.	Александр Филиппович Бахмаер (19...)	51
7.1.1.2.1.1.4.1.2.	Виктор Филиппович Бахмаер (19...)	51
7.1.1.2.1.1.4.2.	Линда Самуиловна Гальвас-Конрад-Бахмаер (1940)	50

7.1.1.2.1.2.	Вильгельм Яковлевич Гальвас (1878)	52
7.1.1.2.1.3.	Мария Яковлевна Гальвас-Нусс (1880)	52
7.1.1.2.1.3.1.	Лидия Генриховна Нусс-Горбенко (1904)	53
7.1.1.2.1.3.1.1.	Валентина Александровна Горбенко (1926)	53
7.1.1.2.1.3.1.2.	Линда Александровна Горбенко (1928?)	53
7.1.1.2.1.3.1.3.	Ольга Александровна Горбенко (1930)	53
7.1.1.2.1.3.1.4.	Виктор Александрович Горбенко (1932)	53
7.1.1.2.1.3.2.	Ида Генриховна Нусс-Зейбольд (1907)	53
7.1.1.2.1.3.2.1.	Арнольд Фридрихович Зейбольд (1929)	54
7.1.1.2.1.3.2.1.1.	Зинаида Арнольдовна Зейбольд (1947)	54
7.1.1.2.1.3.2.1.2.	Надежда Арнольдовна Зейбольд (1949)	54
7.1.1.2.1.3.2.1.3.	Любовь Арнольдовна Зейбольд (1951)	54
7.1.1.2.1.3.2.1.4.	Татьяна Арнольдовна Зейбольд (1953)	54
7.1.1.2.1.3.2.1.5.	Елена Арнольдовна Зейбольд (1955)	54
7.1.1.2.1.3.2.1.6.	Клавдия Арнольдовна Зейбольд (1959)	54
7.1.1.2.1.3.3.	Клара Генриховна Нусс-Лорер (1911)	56
7.1.1.2.1.3.3.1.	Роланд Яковлевич Лорер (1931)	57
7.1.1.2.1.3.3.1.1.	Фёдор (Фердинанд) Роландович Лорер (1950)	58
7.1.1.2.1.3.3.1.2.	Елена Роландовна Лорер (1954)	58
7.1.1.2.1.3.3.2.	Гедвиг Яковлевна Лорер (1933)	56
7.1.1.2.1.3.3.3.	Вальтер Яковлевич Лорер (1936)	56
7.1.1.2.1.3.4.	Кергарт Генрихович Нусс (1913)	58
7.1.1.2.1.3.5.	Роберт Генрихович Нусс (1915)	58
7.1.1.2.1.3.6.	Елена Генриховна Нусс-Ерейзер (1918)	59
7.1.1.2.1.3.6.1.	Людмила Мартыновна Ерейзер (1948)	59
7.1.1.2.1.3.6.2.	Виктор Мартынович Ерейзер (1951)	59
7.1.1.2.1.3.6.3.	Валерия Мартыновна Ерейзер (1953)	59
7.1.1.2.1.3.6.4.	Катерина Мартыновна Ерейзер (1954)	59
7.1.1.2.1.4.	Иоганнес Яковлевич Гальвас (1883)	61
7.1.1.2.1.4.1.	Герберт Иоганнович Гальвас (1909)	61
7.1.1.2.1.4.2.	Гильда Иоганновна Гальвас (1910)	61
7.1.1.2.1.4.3.	Эмиль Иоганнович Гальвас (1911)	61
7.1.1.2.1.5.	Юлиана Яковлевна Гальвас-Приб (1889?)	62
7.1.1.2.1.5.1.	Юлиана Яковлевна Приб (19...)	62
7.1.1.2.1.5.2.	Вилли Яковлевич Приб (19...)	62
7.1.1.2.1.5.3.	Тереза Яковлевна Приб (19...)	62
7.1.1.2.1.5.4.	Клара Яковлевна Приб (1912)	62
7.1.1.2.1.5.5.	Марта Яковлевна Приб (1915)	62
7.1.1.2.1.6.	Эдуард Яковлевич Гальвас (1887)	62
7.1.1.2.1.6.1.	Гуго Эдуардович Гальвас (1913)	63
7.1.1.2.1.6.1.1.	Эдуард Гугович Гальвас (1936)	63
7.1.1.2.1.6.1.1.1.	Эдуард Эдуардович Гальвас (1960)	63
7.1.1.2.1.6.1.1.2.	Роберт Эдуардович Гальвас (1965)	63
7.1.1.2.1.6.2.	Эльза Эдуардовна Гальвас-Вебер (1914)	64
7.1.1.2.1.6.2.1.	Борис (Бертгольд) Эмильевич Вебер (1949)	64
7.1.1.2.1.6.2.2.	Эдуард Эмильевич Вебер (1953)	64
7.1.1.2.1.6.2.3.	Александр Эмильевич Вебер (1954)	64
7.1.1.2.1.7.	Александр Яковлевич Гальвас (1892)	66
7.1.1.2.1.7.1.	Кергарт Александрович Гальвас (1919)	70
7.1.1.2.1.7.2.	Фрида Александровна Гальвас-Генрихс (1921)	71
7.1.1.2.1.7.2.1.	Елена Васильевна Генрихс-Штарк (1948)	81
7.1.1.2.1.7.2.1.1.	Елена Кондратьевна Штарк-Иванишина (1976)	83
7.1.1.2.1.7.2.1.3.	Василий Кондратьевич Штарк (1981)	83
7.1.1.2.1.7.2.1.4.	Александр Кондратьевич Штарк (1983)	83
7.1.1.2.1.7.2.1.5.	Владимир Кондратьевич Штарк (1985)	83
7.1.1.2.1.7.2.1.6.	Кондрат Кондратьевич Штарк (1987)	83
7.1.1.2.1.7.2.2.	Владимир Васильевич Генрихс (1951)	83
7.1.1.2.1.7.2.2.1.	Александр Владимирович Генрихс (1978)	83

7.1.1.2.1.7.2.2.2.	Марина Владимировна Генрихс (1983)	83
7.1.1.2.1.7.2.3.	Нелли Васильевна Генрихс-Кузавова (1953)	83
7.1.1.2.1.7.2.3.1.	Алексей Викторович Кузовов (1983)	84
7.1.1.2.1.7.2.3.2.	Владимир Алексеевич Кузовов (1986)	84
7.1.1.2.1.7.2.4.	Виктор Васильевич Генрихс (1958)	84
7.1.1.2.1.7.2.4.1.	Ольга Викторовна Генрихс-Лебедева (1980)	84
7.1.1.2.1.7.2.4.2.	Марина Викторовна Генрихс-Чадонба (1981)	85
7.1.1.2.1.7.2.4.3.	Алексей Викторович Генрихс (1988)	85
7.1.1.2.1.7.2.5.	Василий (Вилли) Васильевич Генрихс (1962)	71, 458
7.1.1.2.1.7.2.5.1.	Артур Васильевич Генрихс (1989)	458
7.1.1.2.1.7.2.5.2.	Маргарита Васильевна Генрихс (1990)	458
7.1.1.2.1.7.2.5.3.	Нелли Васильевна Генрихс (1994)	458
7.1.1.2.1.7.2.5.4.	Лидия Васильевна Генрихс (1998)	458
7.1.1.2.1.7.2.5.5.	Самсон Васильевич Генрихс (2001)	458
7.1.1.2.1.7.2.5.6.	Анна Васильевна Генрихс (2013)	458
7.1.1.2.1.7.2.5.7.	Яков Васильевич Генрихс (2016)	458
7.1.1.2.1.7.2.5.8.	Иоганнес Васильевич Генрихс (2016)	458
7.1.1.2.1.7.3.	Рейнгольд Александрович Гальвас (1924)	85
7.1.1.2.1.7.3.1.	Валерий Рейнгольдович Гальвас (1948)	85
7.1.1.2.1.7.3.1.1.	Сергей Валерьевич Гальвас (19...)	85
7.1.1.2.1.7.3.1.2.	Дмитрий Валерьевич Гальвас (1982)	85
7.1.1.2.1.7.3.2.	Оскар Рейнгольдович Гальвас (1951) X	85
7.1.1.2.1.7.3.3.	Александр Рейнгольдович Гальвас (1954)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.1.	Андрей Александрович Гальвас (1980)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.1.1.	Кристиан Андреевич Гальвас (2003)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.1.2.	Эмелия Андреевна Гальвас (2009)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.2.	Роман Александрович Гальвас (1976)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.2.1.	Александр Романович Гальвас (2006)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.2.2.	Михаэль Романович Гальвас (2015)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.3.	Кристина Александровна Гальвас (1980)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.3.1.	Себастьян Дмитриевич Гальвас (2009)	85
7.1.1.2.1.7.3.3.4.	Яков Александрович Гальвас (2005)	85
7.1.1.2.1.7.3.4.	Виктор Рейнгольдович Гальвас (1955)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.	Ольга Рейнгольдовна Гальвас-Кашина (1957)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.1.	Тимофей Викторович Кашин (1979)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.1.1.	Любовь Тимофеевна Кашина (2004)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.2.	Анна Викторовна Кашина-Хурамовна (1982)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.2.1.	Дмитрий Алексеевич Хурамов (2001)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.2.2.	Андрей Алексеевич Хурамов (2003)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.2.3.	Анастасия Алексеевна Хурамова (2008)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.3.	Виктор Викторович Кашин. (1988)	85
7.1.1.2.1.7.3.5.3.1.	Яна Викторовна Кашина (2013)	85
7.1.1.2.1.7.4.	Эдвин Александрович Гальвас (1927)	88
7.1.1.2.1.7.4.4.	Александр Эдвинович Гальвас (1958)	88
7.1.1.2.1.7.5.	Гуго Александрович Гальвас (1935)	90
7.1.1.2.1.7.5.1.	Пётр Гугович Гальвас (1960)	92
7.1.1.2.1.7.5.2.	Андрей Гугович Гальвас (1963)	95
7.1.1.2.1.7.5.3.	Александр Гугович Гальвас (1966)	96
7.1.1.2.1.7.5.3.1.	Эрика Александровна Гальвас (1992)	96
7.1.1.2.1.7.5.3.2.	Анна Александровна Гальвас (1999)	96
7.1.1.2.1.7.5.4.	Милита Гуговна Гальвас (1967)	95
7.1.1.2.1.7.5.5.	Эльвира Гуговна Гальвас (1970)	95
7.1.1.2.1.7.5.6.	Ольга Гуговна Гальвас (1973)	95
7.1.1.2.1.7.5.7.	Анатолий Гугович Гальвас (1977)	95
	Михаил Михайлович Мальцев (1929)	97
	Рудольф ... Дубс (1755)	97
	Ганс-Яков Рудольфович Дубс (1792)	97
	Генрих Яковлевич Дубс (18...)	98

Генрих Генрихович Дубс (Обершульц) (18...)	98
Генрих Генрихович Дубс (1894)	98
Оттилия Генриховна Дубс-Гальвас (1895)	98
Вильгельмина Генриховна Дубс (1896)	99
Пенида Леопольдовна Шенер-Вальтер (1923)	99
Эмилия Генриховна Дубс-Вагнер (1898)	99
Генрих Рейнгольдович Дубс (1930)	100
Елизавета Генриховна Дубс-Приб (1900)	103
Елена Генриховна Дубс-Шрейдер (19...)	103